

РУССКАЯ МЫСЛЬ

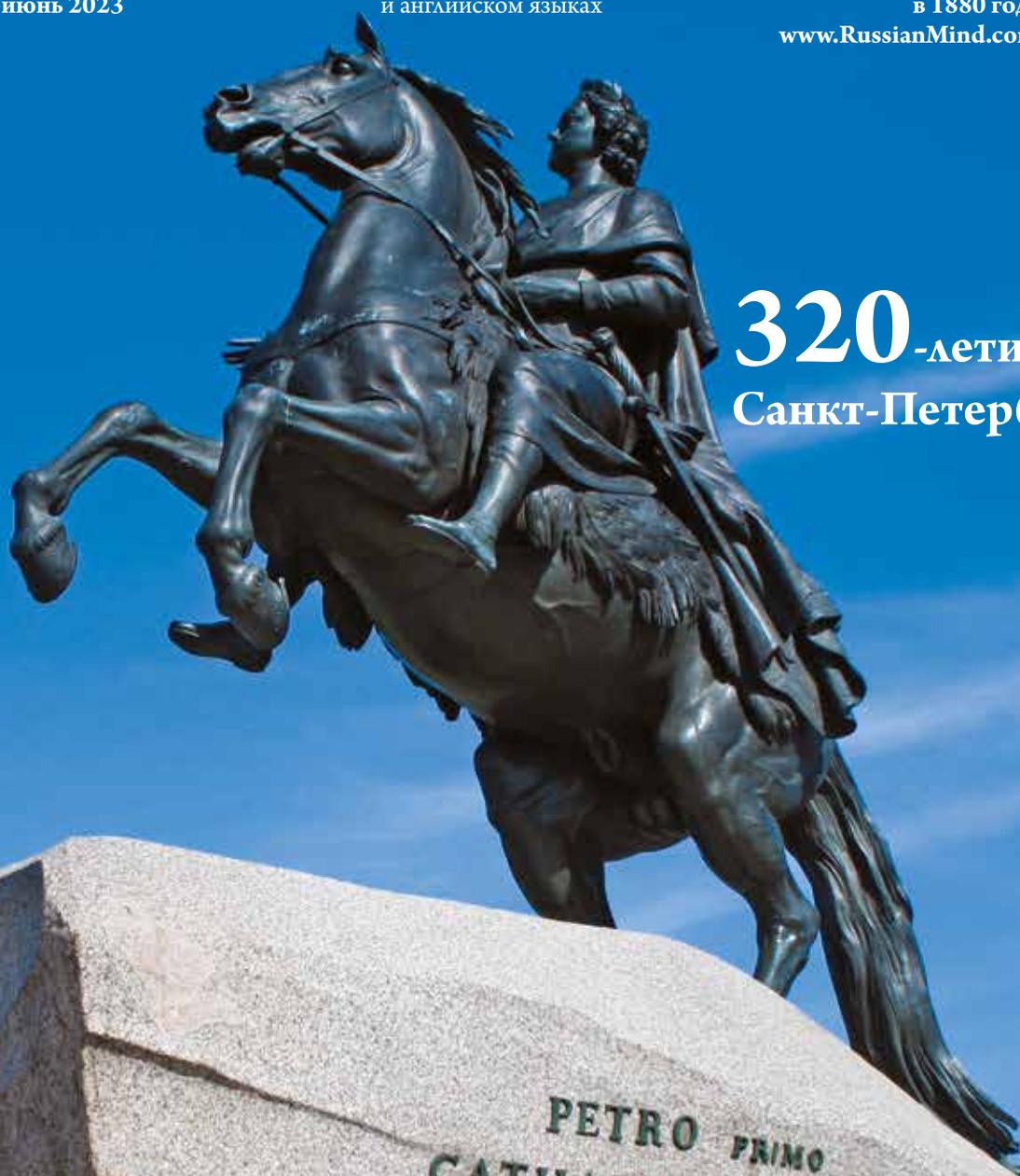
LA PENSEE RUSSE

№155/05–06 (5026)
Май-июнь 2023

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

320-летие
Санкт-Петербурга

PETRO PRIMO
CATHARINA SECUNDA
MDCCLXXXII.

Проект реализован на средства Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом

Не для продажи

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**

По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**

Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала

«Русская мысль»:

russianmind.com/payment/

2. Оплата через

платформу

!subscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

ПЕТРОПОЛИС КАК ИДЕЯ

К 320-летию со дня основания Санкт-Петербурга

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Мы любим города, когда они любят нас. Санкт-Петербургу этого не надо. Он знает, что при любых обстоятельствах останется предметом если не всеобщего восхищения, то восторженного созерцания. Дворянские особняки и дворцы сановников – барокко и ампир, калиброванные доходные дома в стиле модерн и арт-нуво, величественные храмы всех конфессий... И мосты с их чугунной изнанкой, тщательно расчерченные каналы, закованные в гранит канавки, ведущие к полноводной Неве... «Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки...» – призывает один поэт. «А над Невой – посольства полумира, // Адмиралтейство, солнце, тишина!» – вторит ему другой.

Конечно, у городов, воздвигнутых на большой воде, особенная статья. Тем паче – у столиц. А Питер – великая столица России. Более того: столица всех столиц, хотя и самая молодая в Европе. И не только потому, что он гармонично прекрасен в своем едином ансамбле, а потому еще, что никакая другая европейская столица таких испытаний никогда бы вовек не выдержала. Представить невозможно, скажем, Париж, Рим или Лондон задыхающимися и замерзающими в блокаде на протяжении почти девятисот дней. Скажите, какой еще другой из главных городов континента переименовывали трижды?... А он, Петрополис, – как его ни величай! – становится лишь значительнее, более того – многозначительнее. И знаковость эту Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда для России, Европы, всего цивилизованного мира никто и ничто не в состоянии поколебать. Ни падающая с неба влага, упрямо не желающая становиться ни снегом, ни дождем, ни вечный ветер, нагло дующий как на гнилом болоте, ни тяжелое небо, того и гляди грозящее обрушиться на землю мокрой жижей по щиколотку, ни полчища варваров у родных стен... Таков уж он, Питер!

Издательский дом «Русская мысль» выражает благодарность Фонду поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, за оказание поддержки и финансового содействия в выпуске специального номера журнала «Русская мысль», посвященного 320-летию со дня основания Санкт-Петербурга.

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№155/05–06(5026)
МАЙ – ИЮНЬ 2023

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилл Привалов
prikir2012@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Карина Энфендзян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ

Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ

Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР

Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН

Роман Малофеев
malofeevrv@gmail.com

ПЕРЕВОДЧИКИ

Лилия Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ

РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:

subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:

Храм Спаса-на-Крови, Санкт-Петербург, Россия;
фото: Род Лонг

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА
БЫЛИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ

МАТЕРИАЛЫ:

hermitagemuseum.org, rusemuseum.ru, museum.ru,
culture.ru, peterburg.center, spb-guide.ru, peterburg.biz,
fontanka.ru, arts-dnevnik.ru, afisha.ru, domkino.tv,
wikireading.ru, wikimedia.org/wikipedia/commos,
ozon.ru, pixabay.com, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmooffice@russianmind.com

ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

Этот номер «Русской мысли» посвящается 320-летию Санкт-Петербурга. Города, о котором, особенно за последние два столетия, сказано, кажется, все. Писателями, политиками, мыслителями... Чего стоит одно лишь откровение француза Фредерика Бегбедера: «В Петербурге ночь никак не наступает, и только в шесть утра небо становится немного лиловым. Вы стоите на берегу Невы с незнакомыми людьми. Вдруг кто-то начинает петь, и вы тоже поете, не понимая слов. Возникает ощущение чего-то вечного, которое испытываешь только в России. И только в России и нигде больше – а я объездил весь мир – можно ощутить эту благодать. Это какая-то магическая тайна. Мы, иностранцы, едем в вашу неорганизованную, шумную и совершенно безумную страну, потому что знаем: нас ждет минута блаженства и вечности, волшебная искра, которая непременно вспыхнет. Но за это придется очень дорого заплатить. Я думаю, что Россия – это наркотик. Самый опасный из всех!»

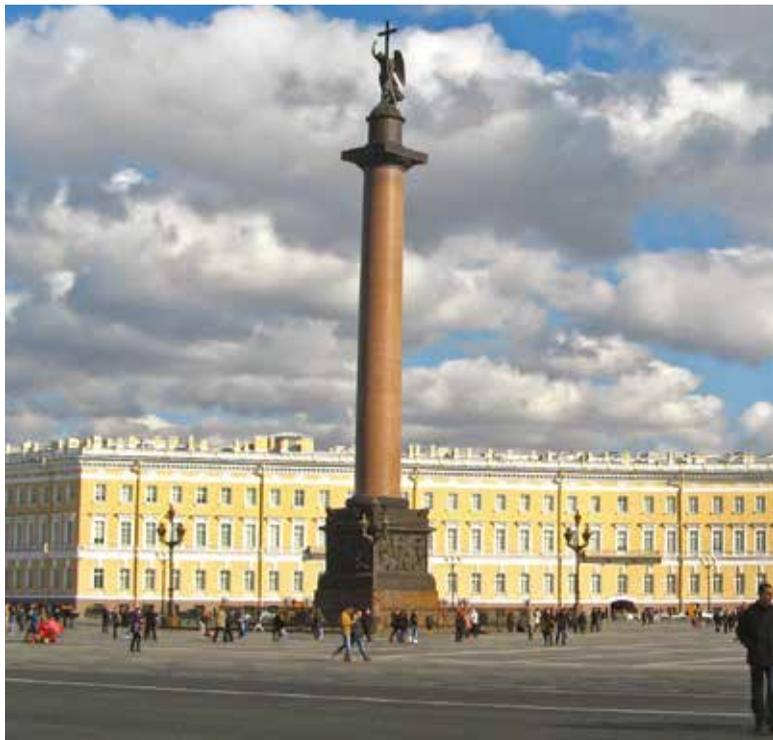
Блистательный литературный провокатор из Парижа, сдастся мне, прав, но не до конца, не совсем. Магия Петрополиса – не одурманивающая, сжигающая, а холодная, настраивающая на возвышенное состояние, исходящая из земных недр. Из влажных, затягивающих глубин, которые застолбили, замостили, засыпали своими телами сотни тысяч русских людей – с петровских времен и вплоть до блокадных испытаний. Эти люди пребывают в послании к нам. Вспоминается Николай Некрасов: «А по бокам-то все косточки русские...» Питер – это сгусток жертв и самопожертвований. Это души героев и мучеников, застывшие в камне. Это русский логос: и слово Божие, и одновременно вечная необходимость многотрудного российского бытия. Ибо нация, сформированная в тяжких исканиях от Балтии

до Сахалина и от Крыма до Алтая, духовно окормляется и по сей день в Санкт-Петербурге.

Заложив его на месте чухонских топей, Петр Великий определил будущее страны, точнее – направление ее развития. Российский орел, прилетевший к нам издалека через византийцев аж от древних ассирийцев, двуглавый. Первый русский император на практике уравновесил две коронованных главы, решительно прорубив «окно в Европу». И вот уже три столетия Питер остается прежде всего европейским полисом, открытым западным и северным ветрам.

И в этом не только география, но еще и символ. «16 мая (по старому стилю) 1703 года на острове Заячий Петр Великий основал город Санкт-Петербург в честь Святого Петра» – гласит летопись. Вряд ли царь осознавал до конца, какую ношу он на себя тогда взвалил. Точнее даже – не на себя и на своих соратников, а на всю вступающую в новый век и в новую эпоху Россию. По мнению историков, реально на строительстве Петербурга в первые десять лет трудилось порядка 227 000 человек. Шутка ли: в 1714 году Петр издает указ о повсеместном по стране запрете каменного строительства, весь российский камень пойдет на строительство Санкт-Петербурга. Указ продержится четырнадцать лет! За эти годы будут

определены первые абрисы города, которому суждено стать уникальной строительной площадкой, изысканной лабораторией творческого гения. Питер для творцов – это сокровенный собеседник для диалога, это признание в любви к мифиче-

Санкт-Петербург. Дворцовая площадь

скому существу, причем – живому: от Державина и Пушкина до Ахматовой и Мандельштама. «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать – на Васильевский остров я приду умирать», – исповедовался Петрополису Иосиф Бродский, которому – увы! – не дано было сдержать этого опрометчивого обещания.

«Самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре», – так охарактеризовал Санкт-Петербург Федор Достоевский в «Записках из подполья». Это факт. Иногда, бывая в Питере, я ловлю себя на мысли, что этот город почти виртуальный. Настолько он призрачен и наполнен некой отстраненностью, фатальной недосыгаемостью, что ли... Его

таинственная зыбкость помножена на урбанистическое совершенство. Это чувство пропорции, подчеркнута классическое, формирует сознание каждого, кто попадает на берега Невы, Мойки, Фонтанки... Хаос окружающего нас мира под

влиянием питерского благородного, нордического снобизма обретает разумные, сознательные рамки и наполняет душу покоем и дыханием. Да-да, тем самым, которое принеслось к нам через века. Городу всего три с лишним столетия – не сравнить с Афинами или Константинополем, – но в нем можно легко заблудиться в бездне времен. В нем можно видеть такие сны, где явь играючи путается с фантомами, с такими призраками, как гоголевский «Нос» и пушкинские «Пиковая дама» и «Медный всадник».

Александр Сергеевич тонко почувствовал сказочность Санкт-Петербурга, его ирреальность. Помните? «Прошло сто лет, и юный град, // Полнощных стран краса и диво, // Из тьмы лесов,

из топи блат // Вознесся пышно, горделиво...» И правда, о Питере нельзя было не сложить целый сонм мифов. В нем все располагает к этому – и культ белых ночей, и летописи о чудовищных наводнениях в оные времена, и обилие настоящих героев прошлого: царей и зодчих, писателей и пиратов...

Я как-то шел по Гороховой улице и на углу с Большой Морской увидел мемориальную табличку с надписью на русском и на английском: «Джон Пол Джонс, контр-адмирал российского флота, национальный герой и основатель флота США жил в этом доме в 1788–1789 годах». Что за чу-

деса? Не поленился, покопался в архивах и открыл для себя: шотландец Джон Пол Джонс, ранее воевавший с британцами под флагом молодых Соединенных Штатов, пошел на службу к императрице Екатерине Великой и стал в России контр-адмиралом Павлом Жонесом. Возглавил эскадру русского флота в Днепровском лимане и самоотверженно бил османов вместе с Потемкиным и Кутузовым. Однако слишком горячий и простодушный, не вписался в петербургские дворцовые реалии. Разочарованный, он испросил у императрицы двухгодичный отпуск и в мае 1790 года отбыл... Куда? Конечно же, во Францию! Она продолжала сражаться с Англией, именно этого и искал для себя адмирал. Но не случилось...

18 июня 1792 года Джон Пол Джонс скончался в Париже в возрасте сорока пяти лет. Врачи сочли причиной смерти болезнь почек, но друзья флотоводца были уверены, что его отравили мстительные англичане. Шотландец успел составить завещание. Своеобразное: Джонс просил поместить его тело в герметический гроб и залить его спиртом.

После смерти Джон Пол Джонс долго пребывал в забвении. Того, кого в американских энциклопедиях именуют «отцом-основателем ВМФ США», перезахоронили лишь в 1905 году. Свое последнее пристанище флотоводец нашел в часовне-усыпальнице военноморской академии в Аннаполисе. Сегодня у его могилы принимают присягу будущие морские офицеры США... Вряд ли им сообщают, что, когда вскрыли саркофаг, Джон Пол Джонс лежал в нем как живой. Он был в парадной форме адмирала русского флота, с орденом Святой Анны на груди и с петровским граненым стаканом (его еще называли «морским»), зажатым в руке. Что поделаешь, русская водка была его излюбленным напитком.

Из песни слов не выкинешь: Санкт-Петербург рядом с русскими плечом к плечу создавали французы и немцы, итальянцы и британцы... Он – европейский город с русскими метелями, катаклизмами и страстями, с русской рифмой не по-русски прямых площадей и улиц. В этом подчеркнутом дуализме, изошренном симбиозе Запада и Востока и заключается главный смысл Северной столицы, заложенной Петром Великим. Петрополис – это прорыв в будущее с добрыми и честными отношениями между людьми разных государств, это гениальная идея объединения, воплощенная россиянами на все времена. И не только для себя, где бы мы ни жили и где бы ни трудились, но и для всей Европы. Для всего мира.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

3 ПЕТРОПОЛИС КАК ИДЕЯ

К 320-летию со дня основания Санкт-Петербурга.

ИСТОРИЯ

8 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА

Николай I и его дипломаты вели сложнейшую игру на международной арене, пытаясь сохранить баланс сил в Европе и при этом поддерживать православные народы.

20 РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Санкт-Петербург был первым го-

родом России, который развивался по заранее разработанному плану.

28 НЕВСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Прорыв блокады 18 января 1943 года в результате операции «Искра» стал переломным моментом в исторической битве за Ленинград.

30 ФОТОЖУРНАЛИСТ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Фотографии Давида Трахтенберга.

34 ЭТО ТРУДНОЕ ЧУДО СВЕТА

Непростая судьба Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

36 СВЯТЫЕ ХРАМЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург по праву гордится великолепными православными соборами.

42 ВОЗНЕСЕНИЕ И ПЯТИДЕСЯТНИЦА

Если бы земная жизнь Иисуса Христа завершилась смертью на Кресте, это было бы величайшим торжеством сил зла в истории.

48 КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ: МИССИЯ, ИЗМЕНИВШАЯ МИР

День славянской письменности и культуры.

ОБЩЕСТВО

50 СЕГОДНЯ ИНОЕ ПРИХО- ДИТ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

В Москве состоялась торжественная церемония вручения новой литературной премии «Гипертекст».

КУЛЬТУРА

54 ЭРМИТАЖ
ЕКАТЕРИНЫ II

Собирательская деятельность великой российской императрицы получила широкую известность и признание по всему миру.

56 ДВЕ ЖЕМЧУЖИНЫ
РУССКОГО МУЗЕЯ

«Последний день Помпеи» Карла Брюллова и «Тайная вечеря» Николая Ге – одни из самых знаменитых шедевров, которые хранит в своих стенах Русский музей.

58 ПЕТЕРБУРГ МСТИСЛАВА
ДОБУЖИНСКОГО

Из книги Сергея МАКОВСКОГО «Силуэты русских художников» (1921).

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

66 ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ
РУССКОЙ ГРАВЮРЫ

Сергей Харламов: «Чтобы вырезать гравюры нужно большое терпение или, лучше сказать, смирение».

ОЧЕРК

74 РОЗЫ И... КРЕСТ

Писатель и литературовед Вячеслав Недошин предлагает читателям «Русской мысли» фрагмент из своей новой книги.

86 О ДВОЙСТВЕННОСТИ
МИРОВЫХ КУЛЬТУР

Интервью-монолог Якова Гордина, главного редактора журнала «Звезда» (Санкт-Петербург) портала «Фонтанка».

ЛИТЕРАТУРА

88 ГОРОД ПОЭТОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Воплощенные в поэзии образы великого города стали его неотъемлемой частью.

91 ИМПРЕССИОНИЗМ
МИЛОСЕРДИЯ

Особое место в творчестве А. С. Кушнера занимает образ его родного Санкт-Петербурга.

94 МАЛЕНЬКАЯ ПОЭТЕССА
С ОГРОМНЫМ БАНТОМ

Ирина Одоевцева: возвращение на берега Невы.

98 МЕРЦАНИЕ МНОГО-
ЗВЕЗДНОГО ШАТРА

К 120-летию со дня рождения Николая Заболоцкого.

102 НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Мальшева из книги «Возвращение».

В МИРЕ КИНО

106 ЛЕГЕНДАРНАЯ
КИНОСТУДИЯ

Советская киностудия «Ленфильм» подарила зрителям множество замечательных фильмов.

110 СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ

Санкт-Петербург в преддверии празднования 320-летия.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: НИКОЛАЕВСКАЯ ЭПОХА

Николай I и его дипломаты вели сложнейшую игру на международной арене, пытаясь сохранить баланс сил в Европе и при этом поддерживать православные народы

ТЕО ГУРИЕЛИ

Портрет императора Николая I кисти Франца Крюгера. 1852

В первые годы своего правления Николай I проявлял в своих политических шагах большую осторожность. Он признавал, что был всего-навсего «дивизионным генералом, внезапно ставшим императором».

Вскоре он понял, что не должен полагаться ни на политиков, занимающихся внутренними делами, ни на дипломатов, включая даже канцлера Карла Нессельроде. Он быстро разглядел в нем канцеляриста, который, пожалуй, недурно напишет ноту на французском языке, если ему объяснить, каково должно быть ее содержание, но который ни в коем случае не способен подать дельный совет.

Введение жесткой дисциплины в армии в первые же годы царствования Николая I было связано с чрезвычайной распушенностью, которая воцарилась в русской армии в последнее десятилетие правления Александра I (после окончания войны с Наполеоном). Офицеры нередко ходили на учения не в военной форме, а просто надев поверх повседневной одежды шинель. В Семеновском полку солдаты занимались ремеслом и торговлей, а вырученные деньги сдавали ротному командиру. Появились «частные» военные формирования.

При Николае I в армии была свернута «демократия», граничащая с анархией, и восстановлена жесткая дисциплина.

В гражданской жизни шли совсем другие процессы. В царствование

Николая I проводились заседания комиссий, призванные облегчить положение крепостных крестьян; так, был введен запрет ссылать на каторгу крестьян, продавать их поодиночке и без земли. Более того, крестьяне получили право выкупаться из продаваемых имений. Была проведена реформа управления государственной деревней и подписан «указ об обязанных крестьянах», ставшие фундаментом для отмены крепостного права. Указ Николая I от 2 (14) мая 1833 года запрещал продавать крепостных крестьян с публично-го торгового и отбирать у них наделы, если они имелись, запрещалось разлучать членов одного семейства при продаже. Однако полного освобождения крестьян при жизни императора не произошло. Вместе с тем историки – специалисты по русскому аграрному и крестьянскому вопросу Н. А. Рожков, американский историк Д. Блюм и В. О. Ключевский указывали на три существенных изменения в данной области, произошедших в царствование Николая I.

Во-первых, резко сократилась численность крепостных крестьян – их доля в населении России по разным оценкам снизилась с 57–58% в 1811–1817 годах до 35–45% в 1857–1858 годах и они перестали составлять большинство населения. Очевидно, тут немалую роль сыграло прекращение практики «раздачи» государственных крестьян помещикам вместе с землями, процветавшей при прежних царях, и начавшееся стихийное освобождение крестьян.

Во-вторых, улучшилось положение государственных крестьян, численность которых ко второй половине 1850-х годов достигла около 50% населения. Это улучшение произошло в основном благодаря мерам, предпринятым графом П. Д. Киселевым, отвечавшим за управление госимуществом. Так,

всем государственным крестьянам были выделены собственные наделы земли и участки леса, а также повсеместно были учреждены вспомогательные кассы и хлебные магазины, которые оказывали крестьянам помощь денежными ссудами и зерном в случае неурожая. В результате этих мер не только выросло благосостояние государственных крестьян, но и доходы казны с них увеличились на 15–20%, недоимки по податям уменьшились вдвое, а безземельных батраков, влачивших нищенское и зависимое существование, к середине 1850-х годов практически не осталось – все получили землю от государства. Это было поразительным достижением того периода.

В-третьих, был принят ряд законов, улучшавших положение крепостных крестьян. Так, помещикам было строго запрещено продавать крестьян (без земли) и ссылать их на каторгу (что ранее было обычной практикой); крепостные получили право владеть землей, вести предпринимательскую деятельность и получили относительную свободу передвижения. Ранее, при Петре I, было введено правило, по которому любой крестьянин, оказавшийся на расстоянии более 30 верст от своей деревни без отпускового свидетельства от помещика, считался беглым и подлежал наказанию.

Эти строгие ограничения: обязательность отпускового свидетельства (паспорта) при любом выезде из деревни, запрет на хозяйственные сделки и даже, например, запрет на выдачу дочери замуж в другую деревню (надо было платить «выкуп» помещику) – сохранились до XIX века и были отменены в течение первых 10–15 лет царствования Николая I

Кроме того, впервые государство стало следить за тем, чтобы права крестьян не нарушались помещиками (это являлось одной из функций

Третьего отделения), и наказывать помещиков за эти нарушения. В результате применения наказаний по отношению к помещикам к концу царствования Николая I под арестом находилось около 200 помещичьих имений, что сильно сказалось на положении крестьян и на помещичьей психологии. Как писал В. Ключевский, из законов, принятых при Николае I, вытекало два совершенно новых вывода: во-первых, что крестьяне являются не собственностью помещика, а подданными государства, которое защищает их права; во-вторых, что личность крестьянина не есть частная собственность землевладельца, что их связывают между собой отношения к помещичьей земле, с которой нельзя согнать крестьян.

Таким образом, согласно выводам историков, крепостное право при Николае изменило свой характер – из института рабовладения оно фактически превратилось в институт натуральной ренты, который в какой-то мере гарантировал крестьянам ряд базовых прав.

К началу царствования Николая I состояние дел в промышленности было наихудшим за всю историю Российской империи. Промышленности, способной конкурировать с Западом, где в то время уже подходила к концу промышленная революция, фактически не существовало. В экспорте России было лишь сырье, а почти все виды промышленных изделий, необходимые стране, приобретались за рубежом.

К концу царствования Николая I ситуация была совершенно иной. Впервые в истории Российской империи в стране начала формироваться технически передовая и конкурентоспособная промышленность, в частности текстильная и сахарная, развивалось производство изделий из металла, одежды, деревянных, стеклянных, фарфоровых, кожаных и прочих изделий, начали производиться собственные

Герцог Веллингтон. Портрет работы Томаса Лоуренса. 1814

станки, инструменты и даже паровозы. С 1825 по 1863 год годовая выработка продукции русской промышленности на одного рабочего выросла в три раза, в то время как в предыдущий период она не только не росла, но даже снижалась. С 1819 по 1859 годы объем выпуска хлопчатобумажной продукции России увеличился почти в 30 раз; объем машиностроительной продукции с 1830 по 1860 год вырос в 33 раза.

Впервые в истории России при Николае I началось интенсивное

строительство шоссейных дорог с твердым покрытием: были построены трассы Москва – Петербург, Москва – Иркутск, Москва – Варшава. Из 7700 миль шоссейных дорог, построенных в России к 1893 году, 5300 миль (около 70%) пришлось на 1825–1860 годы. Было также начато строительство железных дорог и построено около 1000 верст железнодорожного полотна, что послужило стимулом к развитию собственного машиностроения. Первый паровоз был построен

в 1833 году отцом и сыном Черепановыми на Выйском заводе, входившем в состав Нижнетагильских заводов.

Бурное развитие промышленности привело к резкому увеличению городского населения и росту городов. Доля городского населения за период царствования Николая I выросла более чем в два раза – с 4,5% в 1825 году до 9,2% в 1858 году. По объемам промышленного производства (выпуск чугуна, производство хлопчатобумажной продукции) Россия при Николае I все же отставала от Англии и Франции, но была приблизительно на одном уровне с Германией. В последующие десятилетия Германия стала опережать Россию по этим показателям.

Вступив на престол, Николай Павлович отказался от господствовавшей на протяжении предыдущего столетия практики фаворитизма. Он ввел умеренную систему поощрений для чиновников (в виде аренды поместий/имущества и денежных премий), которую в значительной мере сам и контролировал. Единственным, кому значительная недвижимость была предоставлена не в виде аренды, а «в вечное и потомственное владение», был генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич, получивший в 1840 и 1845 годах два имения в Царстве Польском. В отличие от предыдущих царствований, историками не зафиксированы в период правления Николая I чрезвычайно крупные подарки в виде дворцов или тысяч крепостных, пожалованных какому-либо вельможе или царскому родственнику.

Особо нужно отметить деятельность царя по борьбе с коррупцией. При Николае I впервые были введены регулярные ревизии на всех уровнях. Суды над чиновниками стали обычным явлением. Так, в 1853 году под судом находилось 2540 чиновников. Впрочем,

сам император критически относился к успехам в этой области, говоря, что в его окружении не воруют только он сам и наследник.

На протяжении более четверти века Николай I и его дипломаты вели сложнейшую игру на международной арене, пытаясь сохранить баланс сил в Европе и при этом поддерживать православные народы. Последнее было очень сложной задачей, если учесть, что страны Западной Европы, хотя и проявляли некоторое участие к грекам и славянам, находившимся под османским господством, вмешиваться в турецкие дела и тем более вести войну с Турцией считали делом ненужным и рискованным.

Англичане хотели, чтобы царь Николай воевал с Турцией и освободил Грецию, но так, чтобы при этом Османская империя не рухнула, а главное – чтобы Россия не захватила проливы, ведущие в Черное море. Поэтому их политика заключалась в следующем: подталкивать царя на войну с Турцией, но иметь возможность убедить потом и английский парламент, и Европу, и самого царя, что его никто к войне не склонял, а как раз наоборот, пытался сдержать. У царя же, который просчитал английские намерения, уже созрела мысль: не только не вмешиваться в эту войну единолично, но прежде всего втянуть в нее Англию и тем обеспечить признание всей Европы за спасение сотен тысяч греков от массового убийства. И России, и Англии было известно, что турки готовятся рано или поздно вырезать греческое население на полуострове Морея, причем в этом намерен поучаствовать не только сам султан, но и его коварный вассал – паша Египта Мухаммед Али.

Николай I перехитрил англичан. Когда к нему приехал на переговоры герцог Веллингтон, победитель знаменитого сражения при Ватерлоо, император заявил ему,

Султан Махмуд II

что подумает о предложениях англичан, а сам послал Турции нечто вроде ультиматума – правда, с большим (шестинедельным) сроком. Царь требовал восстановления автономных учреждений, которые существовали в Дунайских княжествах до 1821 года, а затем были уничтожены султаном

Махмудом II, и возвращения Сербии тех привилегий, которые она должна была иметь по условиям Бухарестского мира 1812 года, заключенного между Россией и Турцией.

Отослав этот ультиматум, Николай заявил Веллингтону, что теперь готов подписать соглашение с Англией. После некоторых

Генерал-фельдмаршал И. И. Дибич. Портрет работы Джорджа Доу.
Около 1821–1825

колебаний Веллингтон подписал 4 апреля 1826 года Петербургский протокол, который представлял собой соглашение Англии и России по греческому вопросу. Греция, согласно этому «дипломатическому инструменту», образует особое государство; султан считается его верховным сюзереном; однако Греция должна иметь собственное правительство, свои законы и т.д. Чисто внешний вассалитет должен был свестись к ежегодным платежам известной суммы. Россия

и Англия обязуются поддерживать друг друга при проведении этого плана в случае, если со стороны Турции встретятся препятствия. Англичане, получив этот Петербургский протокол, увидели, что Николай переиграл Веллингтона: не Англия втравила Россию в войну, а Россия втянула в нее Англию; если война будет, а она будет непременно, потому что Махмуд II ни за что не согласится без войны потерять такую территорию, то в этой войне Англия, согласно

протоколу, должна будет принять активное участие.

Турки, напуганные известием о соглашении России с Англией, поспешили принять царский ультиматум касательно Дунайских княжеств и Сербии, надеясь этой уступкой как-нибудь отделаться от необходимости дать самостоятельность Греции. Турецкая ситуация осложнилась тем, что Махмуд II летом 1826 года приступил к жесточайшему усмирению бунта янычар и истреблению этого мятежного войска. Это ослабило Турцию и уменьшило шансы успешного сопротивления требованиям России и Англии. Согласно Петербургскому протоколу, ни Россия, ни Англия не должны были делать в случае войны с Турцией никаких территориальных приобретений в свою пользу. Поэтому, когда с французской стороны последовали жалобы на то, что Франция не привлекают к участию в разрешении греческого вопроса, они не особенно противились, чтобы третьим участником сговора была Франция. В итоге три державы выступили совместно против Турции и послали свои эскадры в турецкие воды. 20 октября 1827 года в бухте Наварино турецкий флот был почти полностью уничтожен. То было началом процесса греческого освобождения.

7 мая 1828 года началась долгая и тяжелая для России война с Турцией. Довольно быстро стало ясно, что русская армия не только недостаточно хорошо оснащена, но и плохо обучена настоящему, а не плац-парадному военному делу, и к тому же многие командиры показали на поле боя полную беспомощность. Русские полки, несмотря на всю храбрость солдат, долго не могли одолеть сопротивления турок. Дела шли хорошо лишь в Малой Азии, но в Европе положение было такое, что иногда казалось, будто русские уйдут

ни с чем и все предприятие царя Николая кончится провалом.

Ликование недругов России не знало границ. Министр иностранных дел Австрийской империи Меттерних не переставал писать в столицы всех великих держав о будто бы безнадежном положении русских на Балканском полуострове. При этом он не переставал доказывать и в Лондоне, и в Париже, и в Берлине, что Пруссии, Англии и Франции необходимо вступить в соглашение с Австрией и потребовать немедленного прекращения войны. Но ни Пруссия, ни Франция, ни Англия не считали нужным вмешиваться в русско-турецкие отношения, а либеральная часть буржуазного общества в этих странах определенно желала разгрома Турции – в первую очередь потому, что Махмуда II хорошо знали как кровавого деспота и виновника неслыханных зверств над греками.

Упорство и отвага русских солдат сыграли наконец свою роль: генерал Дибич-Забалканский вошел в Адрианополь, русская армия стояла в двух шагах от Константинополя. Махмуд II решил просить у Дибича перемирия. Начались переговоры. Русскому главнокомандующему стоило невероятных усилий скрыть, что у него уже около четырех тысяч солдат лежит по лазаретам, откуда мало кто возвращается, и что на демонстративные прогулки вокруг Адрианополя выходит больше половины оставшейся армии.

14 сентября 1829 года в Адрианополе турки согласились на предъявленные им условия. Турция потеряла черноморский берег от устьев Кубани до бухты св. Николая и почти весь Ахалцхский пашалык. На Дунае к России отходили острова в дельте Дуная, южный рукав устья этой реки становился русской границей. Русские получили право прохода их торговых

Луи-Филипп I. Портрет работы Франца К. Винтерхальтера. 1839

судов через Дарданеллы и Босфор. Дунайские княжества и Силистрия оставались в русских руках впредь до выполнения всех условий Адрианопольского договора. Турки потеряли право селиться на известном расстоянии к югу от Дуная. Что касается Греции, то она объявлялась

самостоятельной державой, связанной с султаном лишь платежом в полтора миллиона пиастров в год, причем эти платежи начинались лишь на пятый год после принятия Турцией условий. Населению Греции предоставлялось избрать государем какого-либо принца

из царствующих в Европе христианских династий, но не англичанина, не русского и не француза.

Таков был Адрианопольский трактат, который дал России большие выгоды и победоносно закончил опасную войну. Николай знал, что при его дворе не все довольны умеренностью победителя и прежде всего тем, что не был занят Константинополь. Но император был осведомлен о том, в какой обстановке Дибичу приходилось склонять турок к подписанию договора. Царь считал, что и без Константинополя сделан большой шаг к обеспечению безопасности России.

XIX век был эпохой быстрых и радикальным перемен, политической турбулентности, непредвиденных поворотов. По Европе бродили слухи о готовящемся в Париже реакционном перевороте. Вообще-то, Николай I с большой радостью приветствовал бы такой переворот, если бы только был уверен в конечной его удаче. Но случилось именно то, чего боялся и что предвидел русский монарх: 25 июля 1830 года Карл X подписал указы, фактически отменявшие французскую конституцию, после чего последовали трехдневные баталии на улицах Парижа, и король спасся бегством. Революция победила и правителем страны стал герцог Орлеанский под именем Луи-Филиппа I.

Николай I какое-то время носился с проектом вооруженной интервенции четырех или даже пяти держав с целью восстановления династии Бурбонов, но осуществить это не удалось. Скрепя сердце император признал Луи-Филиппа.

Россия оказалась в некоторой изоляции от других держав, которые начали заигрывать с французским триумфатором; в первом ряду сторонников сближения с ним была Англия. Снова запахло европейской войной, но оказалось, что

вместо войны на Рейне царя ждет война на Висле. Началось польское восстание. Оно не имело того размаха, какой приобрело бы, если бы было поддержано европейскими державами: пока шли бои поляков с русскими войсками, ни одна из этих держав ничем не проявила своего отношения к восстанию за период с 25 января 1831 года до 7 сентября того же года, то есть до взятия русскими войсками Варшавы. Чем это объясняется? В первую очередь, непоправимыми ошибками лидеров восстания. Будучи воюющим и еще непризнанным государством, восставшая Польша обзавелась такими дипломатами, которые, словно нарочно, делали все, чтобы превратить тяжелое положение своей страны в совершенно безнадежное. В Варшаве открыто говорили и писали, что Балтийское море на севере, Черное море и Карпаты на юге и Днепр на востоке должны быть границами будущей «воскресшей Польши». Конечно, Меттерних и король Фридрих-Вильгельм III тотчас же поспешили заключить конвенцию с Николаем I, прямо направленную против повстанцев.

Польский диктатор Хлопицкий, отправляя делегацию на переговоры с царем, велел ей потребовать от Николая «возвращения восьми воеводств», которые были частями Литвы, Белоруссии и Украины. Это существенно облегчило императору переговоры с западноевропейскими дипломатами. Выдвинув подобные притязания, лидеры восстания показали этим, что подняли оружие не во имя сохранения хартии 1815 года, а ради захвата ряда русских губерний путем прямого применения военной силы.

Летом 1831 года, когда в Польше дело приближалось к развязке, Луи-Филипп сделал робкую попытку дипломатическим путем посодействовать заключению перемирия. Европейские державы отказались.

Зато Англия и Франция отправили Меттерниху ноту протеста из-за того, что польский корпус Дверницкого, который перешел на австрийскую территорию, спасаясь от русской армии, был не только разоружен австрийцами, но его оружие было передано русским. Меттерних сразу понял, что своим протестом эти две державы хотят показать свое сочувствие Польше, ничем при этом не жертвуя. Он ответил, что, во-первых, польское оружие принадлежит не мятежным полякам, а королю польскому, а им является Николай I, а во-вторых, поляки должны быть благодарны, что он, Меттерних, выдал Николаю только оружие, а не польских солдат и офицеров вместе с их оружием. На том история эта и закончилась...

Одновременно с польским восстанием происходила и бельгийская революция. Николай, боявшийся всех революций, где бы они ни происходили, сначала призывал к соблюдению актов Венского конгресса 1815 года, в соответствии с которыми единственно законным для Бельгии является правительство голландское, возглавляемое голландским королем. Но вскоре он круто изменил свою позицию.

Все дело было в том, что, поскольку дело голландцев было так или иначе проиграно, вопрос стоял лишь о том, кто будет бельгийским королем. Луи-Филипп предлагал кандидатуру своего сына – герцога Немурского, но у императора Николая была более интересная для Российской империи кандидатура: принц Леопольд Саксен-Кобург-Готский.

Принц с детских лет оказался связан с Россией. На шестом году жизни он приехал в Россию вместе со своей сестрой Юлианной (в России она стала Анной Федоровной), которая была невестой великого князя Константина Павловича. 28 марта 1799 года

он был принят на русскую службу подполковником с зачислением в лейб-гвардейский Измайловский полк. 16 мая 1803 года получил чин генерал-майора. Принц Леопольд участвовал в нескольких военных кампаниях. В 1813 году в качестве командира лейб-гвардейского Кирасирского полка отличился в сражении под Кульмом в Богемии, за что 9 сентября 1813 года был награжден орденом Св. Георгия IV степени. А в 1814 году он сражался на территории Франции – под Бриенн-ле-Шато, Ланом, Фер-Шампенуазом. В том же году, будучи в свите Александра I, Леопольд торжественно вступил в побежденный Париж. Такой король Бельгии был по сердцу императору Николаю: он был убежден, что с новым королевством у него будут отличные отношения.

15 ноября 1831 года был подписан трактат между Россией, Великобританией, Австрией, Францией, Пруссией и Бельгией об учреждении Бельгийского королевства. Кстати, династия, которую основал русский генерал, правит в Бельгии и по сей день.

Николай I рассчитывал, что после польских и бельгийских событий Европа немного успокоится и он сможет наконец больше заниматься внутренними делами империи. Но он ошибался. Ему пришлось вновь посвятить время и энергию решению международных проблем, одна из которых, а именно ситуация в Османской империи, потребовала немедленных действий. Могущественный вассал Турции, паша Египта Мухаммед Али, восстал против султана и пошел на него войной.

На первый взгляд, какое дело было России до разборок на Востоке? Но Николай был великим политиком: он знал, что и Англия, и Франция имеют большие интересы в Египте, и, если они после завоевания Мухаммедом Али

Мухаммед Али-паша, хитроумный правитель Египта. Портрет работы Огюста Кудера. 1841

Малой Азии смогут его приручить, то англо-французская экспансия в Анатолии, в Константинополе и в районе проливов, а также, возможно, и на Кавказе станет почти неминуемой.

А дело шло к поражению султана! Заняв Сирию, египетское войско, обученное и вооруженное намного лучше, чем армия султана, двинулось к северу, и 21 декабря 1832 года в битве при Конии сын Мухаммеда Али Ибрагим разгромил турецкую армию. Султан Махмуд II оказался в отчаянном

положении: у него не было ни денег, ни времени, чтобы наскоро собрать новую армию.

Махмуд II обратился за помощью к державам. Но французская дипломатия, давно облюбовавшая Египет и Сирию как будущую сферу своего влияния, отказалась ему помочь. Англичане предложили султану просить помощи у Австрии, надеясь чужими руками разрешить ситуацию в свою пользу и не допустить, чтобы султан был вынужден обратиться к Николаю.

Граф А. Ф. Орлов. Портрет работы Франца Крюгера. 1851

Но вышло совсем по-другому. Во-первых, австрийская армия вовсе не была готова к сопротивлению победоносному египетскому войску в далеких пустынях Малой Азии; во-вторых, Меттерних скрепя сердце должен был мириться с русской опасностью на Востоке, чтобы сохранить могущественного союзника в борьбе

с революционной опасностью в самой Европе. Поэтому он меньше всего желал открыто ссориться с Николаем. А Николай сразу же, еще до битвы при Конии, предложил султану вооруженную помощь против Ибрагима.

Опасность от русской помощи султан сознавал хорошо. Впоследствии на возмущенный вопрос

английского посла, как султан вообще мог согласиться принять помощь от Николая, один из членов Дивана (султанского совета) повторил слова, сказанные султаном Махмудом: «Когда человек тонет и видит перед собой змею, то он за нее ухватится, лишь бы не утонуть».

Русский генерал Муравьев высадился на берегу Босфора, устроил свой лагерь и явился к султану в качестве специального посланца от царя с таким предложением: если султан желает, император потребует от мятежного египетского паши Мухаммеда Али, чтобы он немедленно убрал свои войска и велел Ибрагиму возвратиться в Египет. В случае отказа царь объявит Мухаммеду Али войну.

Но Мухаммед Али не покорился, да и султан медлил дать Николаю свое согласие. Мало того, Ибрагим продвинулся еще дальше к северу. В полной панике султан решил на все, и 3 февраля 1833 года русский представитель в Константинополе Аполлинарий Бутенев, получил наконец долгожданный дипломатический документ: султан Махмуд II формально просил царя оказать ему помощь против мятежного вассала. Русский флот, давно уже стоявший наготове в Севастополе, снялся с якоря и отплыл в Константинополь. 20 февраля 1833 года флот появился в Босфоре. Тогда французский посол адмирал Руссэн бросился к султану, решительно убеждая его просить русский флот удалиться. Английский посол поддержал Руссэна. Они оба заявили, что немедленно отбудут из Константинополя, если русские займут город. Это значило, что в случае отказа султана Англия и Франция поддержат Мухаммеда Али. Султан потребовал от Руссэна обязательства поддержать его против Мухаммеда Али, и Руссэн это обязательство подписал.

Мухаммед Али был превосходным дипломатом; он ясно видел, что французы хотели лишь отсылки обратно русского флота, а теперь, добившись этого, не приложат никаких усилий к тому, чтобы преградить Ибрагиму путь. Что же касается султана Махмуда II, то он понял, что Руссэн и англичане его обманули. Между тем пришли новые грозные известия: агенты Ибрагима, пробравшись в Смирну, подняли там восстание против султана. Султан решил снова обратиться к Бутеневу, и турецкие министры сообщили последнему о согласии султана, чтобы русский флот не уходил из Босфора. Бутенев на это смог только любезно ответить, что русский флот и не думал трогаться с места, так как у него, Бутенева, было только устное, а не письменное предложение увести флот. 2 апреля к берегу Черного моря, у самого Босфора, явилась новая русская эскадра, а спустя несколько дней и третья. Около 14 тысяч русских солдат высадились на берег.

Луи-Филипп и Пальмерстон были в большой тревоге. Стало ясно, что одними словами отделаться уже нельзя. Приходилось либо решительными мерами спасти султана Махмуда от египетского паши, либо отдать Константинополь русским войскам, да еще с разрешения самого султана. В конце концов Руссэн и английский посол Понсонби вызвали свои эскадры к Египту и добились заключения мира между султаном и Мухаммедом Али. Мир был очень выгоден египетскому паше – его владения значительно расширились.

Константинополь был спасен, однако и для султана, и для Европы было ясно, что Ибрагим со своим войском убоился не маневрирующих где-то английских и французских судов, а русской армии, уже стоявшей на малоазиатском берегу Босфора. Султан Махмуд

был в восторге от оказанной ему помощи и еще больше от переданного ему через царского генерал-адъютанта графа Орлова заявления, что спасители Османской империи намерены 11 июля отчалить от дружественных турецких берегов и возвратиться в Севастополь.

Граф Орлов недаром почти два месяца просидел перед этим в Константинополе. Потом в дипломатических кругах Парижа и Лондона судачили, что во всем Константинополе остался к началу июля лишь один не подкупленный Орловым человек, а именно сам повелитель правоверных Махмуд II, да и то лишь потому, что графу Орлову это показалось уже ненужным расточительством.

Но только этим, конечно, нельзя объяснить блистательный дипломатический успех, выпавший на долю Орлова ровно за три дня до отхода русского флота из Босфора. 8 июля 1833 года в местечке Ункяр-Искелеси между русскими и турецкими уполномоченными был заключен знаменитый договор, вошедший в летописи дипломатической истории. В Ункяр-Искелеси Николай одержал новую дипломатическую победу, еще более замечательную, чем Адрианопольский мирный договор, ибо победа эта была достигнута без войны, одним только ловким маневрированием.

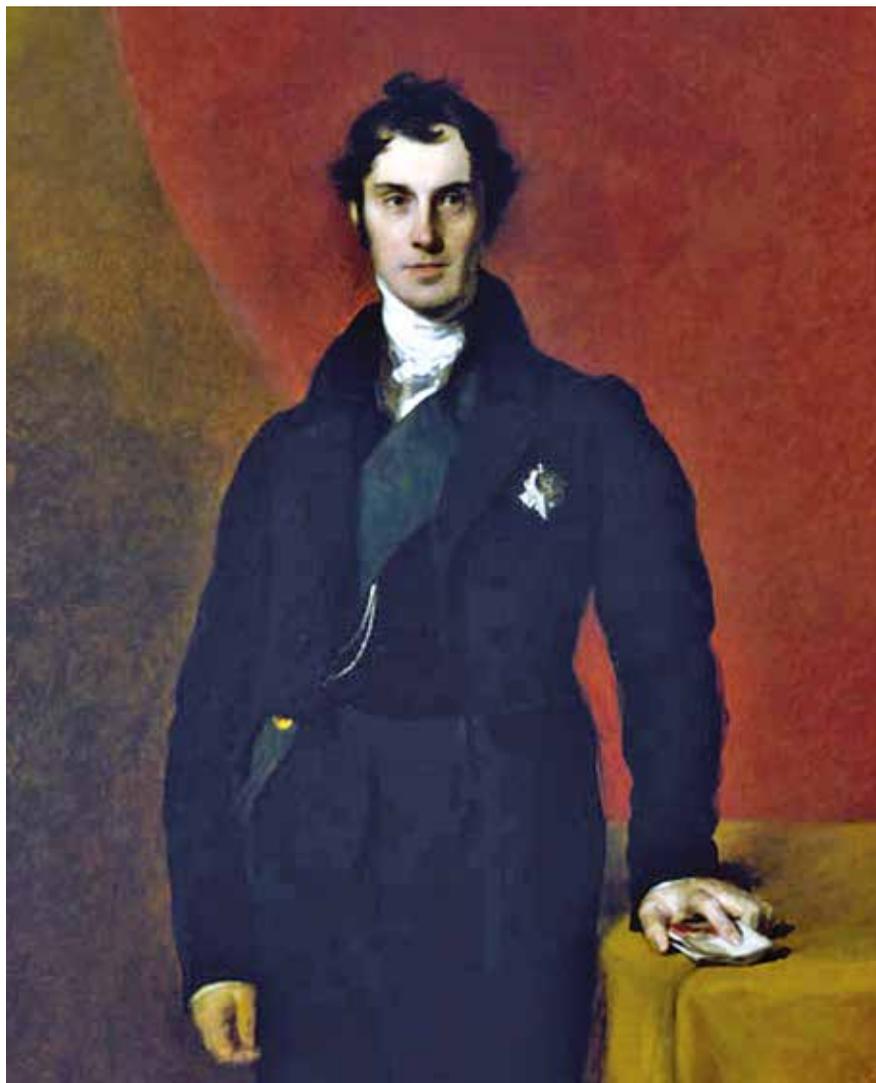
Россия и Турция отныне обязывались помогать друг другу в случае войны с третьей державой как флотом, так и армиями, а также в случае внутренних волнений в одной из двух стран. Турция обязывалась в случае войны России с какой-либо державой не допускать военных судов в Дарданеллы. Босфор же оставался при всех условиях открытым для входа русских судов.

Договор стал одной из причин обострения англо-русских противоречий, и царь это отлично сознавал. Он был слишком

умен, чтобы англо-русские противоречия долго отражались на ситуации в Европе. Когда истек восьмилетний срок действия Ункяр-Искелесийского договора, он не стал его продлевать. 13 июля 1841 года с согласия царя был заключен новый договор о Босфоре и Дарданеллах между Турцией с одной стороны и Россией, Англией, Австрией, Пруссией и Францией – с другой. Было постановлено, что проливы будут закрыты для военных судов всех держав, пока Турция не находится в войне; во время войны Турция имеет право пропускать через проливы суда той державы, с какой ей будет выгодно договориться.

Николай не протестовал против участия Франции в договоре, да без нее на этот раз и невозможно было обойтись. Франция перестала поддерживать Мухаммеда Али, видя, что четыре державы выступают против него, а египетский паша удовлетворился серьезными территориальными приобретениями и примирился с новым султаном Абдул-Меджидом, который сменил Махмуда II, умершего в 1839 году.

Но главное достижение в глазах Николая оставалось в силе: Франция была сброшена со счетов в восточном вопросе; путь к откровенному объяснению с Англией был открыт. А тут еще в 1841 году пал кабинет вигов, а новый премьер Роберт Пиль, который был лидером консервативной партии, сльыл русофилом. В еще большей степени другом России, а главное – врагом Турции, считался назначенный Робертом Пилем новый министр иностранных дел Джордж Гамильтон-Гордон, граф Абердин. Он полагал, что по подавляющему большинству вопросов Англия вполне может сговориться с Россией. И Николай I пришел к выводу, что к числу этих вопросов относится и вопрос о Турции.

Джордж Гамильтон, граф Абердин. Портрет работы Томаса Лоуренса. 1829

В начале 1844 года Николай дал понять, что хотел бы нанести визит королеве Виктории. Соответствующее приглашение было тотчас получено, и 31 мая 1844 года царь со свитой высадился в Вуличе. Николай был принят английским двором и аристократией со всеми знаками того особого почтения, даже почти низкопоклонства, с какими его принимала тогда повсюду монархическая Европа, видевшая в нем могущественнейшего государя и удачливого политика.

В этой атмосфере Николай, конечно, мог почувствовать особое расположение к откровенным

беседам о Турции, для которых он и предпринял свое путешествие. По приглашению Виктории Николай посетил Виндзор, где несколько раз виделся с графом Абердином. Основным лейтмотивом его речей было то, что Турция, по его мнению, медленно умирает, и, вместо того чтобы следить за ее агонией и пытаться потом предотвратить множество проблем, которые вызовет ее смерть, следует помочь ей умереть поскорее и осуществить раздел ее владений. Император мыслил логично. Такой раздел дал бы Англии возможность контролировать почти

все Средиземноморье, а России – контролировать проливы. Граф Абердин открыто не отвергал предложенный императором план действий, но воздерживался от его немедленного принятия. Английские историки полагают, что благодаря разветвленной английской агентуре он был лучше императора осведомлен о ситуации на континенте, особенно в Центральной Европе, и получаемая в Лондоне информация говорила о том, что в целом ряде стран обстановка взрывоопасная, следовательно, время для решения турецкого вопроса еще не пришло.

Царь был реалистом, предвидящим множество перемен в Европе, но даже он не мог предполагать, что вскоре в Европе начнется серия революций, которая, как он позже говорил, закончится тем, что «вся Европа будет в руинах».

Действительно, на протяжении двух лет в Европе происходило то, что получило общее название «Весны народов»: целая череда революционных событий в виде неповиновения властям, вооруженных восстаний, декларирования новой государственности в европейских странах. Движения в своей основе носили антифеодальный и национально-освободительный характер, но участники выступлений выдвигали также требования демократизации общественной жизни. Причем в зависимости от ситуации народы выдвигали то лозунги национального объединения (Германия, Италия), то выделения своих стран из существовавших государств (Венгрия, Польша). В Австрии, например, было несколько национальных движений: итальянцев, венгров, хорватов, словаков и румын.

Особенно большой размах революционные события получили во Франции. Рабочие кварталы Парижа покрылись баррикадами: всего было построено

до 450 баррикад. Среди лозунгов восставших были такие: «Хлеба или свинца!», «Да здравствует демократическая и социальная республика!», «Долой эксплуатацию человека человеком!». Всего количество восставших превысило 40 тысяч человек.

Революция в Париже была подавлена, но она вынесла на поверхность личность, которая сыграла немалую роль в будущем противостоянии с Россией: принца Луи Наполеона Бонапарта, племянника императора Наполеона. Его поддерживала мелкая буржуазия, крестьяне, да и вся остальная Франция – за исключением рабочих. Большинство французского народа по-прежнему жило под влиянием «наполеоновского мифа»: вспоминало эпоху Империи как «золотой век». Царь хорошо помнил события декабря 1925 года в Петербурге и решил, что ничего подобного не допустит ни в самой России, ни вблизи ее границ. Поэтому в 1849–1859-е годы он дважды вмешивался в дела Средней Европы – и, кстати говоря, оба раза в пользу Австрии. Вследствие этого вмешательства Австрия одержала решительную победу на двух наиболее для нее важных фронтах.

Первое вмешательство Николая было и дипломатическим, и военным: оно произошло в 1849 году в связи с венгерским восстанием. Второе вмешательство было исключительно дипломатическим; оно было направлено на ликвидацию попыток объединения Германии.

Вмешательство царя в дело подавления венгерского восстания было обусловлено прежде всего опасениями за мир и спокойствие в Польше. Если бы Венгрия получила независимость, ситуация в Польше стала бы ухудшаться день ото дня. Более того, существование государства, управляемого революционером Кошутом, было бы также угрозой влиянию

царской России на Балканском полуострове вообще.

Николай решил начать действовать лишь в самом конце весны 1849 года, когда австрийские генералы потерпели ряд позорнейших поражений от восставших. Паскевич, наместник Царства Польского, взял на себя верховное руководство этой интервенцией. Австрийская империя после усмирения Венгрии могла считать себя спасенной. Зато среди подданных Франца-Иосифа не было отныне более ярых врагов России, чем венгры.

С этого момента габсбургская держава вновь усилилась; проблема состояла лишь в том, что свое «политическое выздоровление» она вскоре использовала против России. Николай понял это довольно поздно, только в 1854 году, когда враждебная позиция Австрии стала очевидной.

Второе вмешательство Николая в европейские дела последовало в 1850 году. Оно тоже объясняется настойчивыми просьбами Франца-Иосифа и его канцлера князя Шварценберга, но также и позицией самого царя. После того как в 1849 году был разогнан Франкфуртский парламент, который ставил своей целью объединение Германии, мечта об этом объединении вокруг Пруссии не покидала широкие слои германской буржуазии. Николай не желал допустить этого. Но под воздействием общего стремления к объединению даже реакционное прусское министерство графа Бранденбурга сделало в 1849–1850 годах некоторые шаги к реорганизации бессильного Германского союза. Тогда Николай самым решительным образом поддержал австрийского канцлера Шварценберга, который объявил, что Австрия не потерпит усиления Пруссии.

Николай вовсе не потому противился созданию Германской

империи, что инициативу объединения взял на себя «революционный» Франкфуртский парламент: он просто не желал чрезмерного усиления Пруссии. В этом вопросе он всецело сходил с австрийской дипломатией.

То было время, когда царь побеждал на всех фронтах дипломатической борьбы. Говоря впоследствии о периоде с 1833 по 1853 год, английский министр Кларендон заявлял, что в те времена, по общему мнению, Россия обладала не только «подавляющей военной силой», но и дипломатией, отличающейся «несравненной ловкостью». Другой весьма осведомленный наблюдатель барон Штокмар, друг принца Альберта, consorta королевы Виктории, писал в 1851 году: «Когда я был молод, то над континентом Европы владычествовал Наполеон. Теперь дело выглядит так, что место Наполеона занял русский император и что по крайней мере в течение нескольких лет он, с иными намерениями и иными средствами, будет диктовать свои законы континенту».

Сравнения императора Николая с Наполеоном стали обычными в те годы, когда шла речь о влиянии России на дела Европы. В частности, в период с 1849 года по 1852 год мнение о почти полном всемогуществе Николая в Средней Европе было довольно близким к истине.

Но великие державы, особенно Англия и Франция, начали раздумывать над тем, не пришло ли время подрезать крылья российской империи, ставшей слишком могущественной. Они решили добиться того, чтобы самостоятельно беспрепятственно проводить нужную и выгодную им политику и в Европе, и в Балтийском море, и в Средиземноморье.

Над Россией собиралась гроза...

Продолжение следует

РОЖДЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Санкт-Петербург был первым городом России, который развивался по заранее разработанному плану

ОЛЕГ ОЗЕРОВ

Санкт-Петербург основал Петр I, прозванный Великим. Эту истину пытались оспорить в XVIII и XIX веках, пытаются оспорить ее и сегодня. На том основании, что на месте созданного Петром города, некогда были построены шведами крепость и с десятком домов, в котором жили шведские торговцы.

Но, во-первых, это было колониальное поселение. Приневье никогда шведам не принадлежало. Иван Грозный зорко приглядывал за этой землей, и когда шведы или датчане пытались устроиться в устье Невы, их оттуда выбивали русские стрельцы. Когда Иван Грозный в 1583 году заболел и слух об этом долетел до шведов, они попытались вновь захватить там небольшие участки земли, но стрельцы изгнали их оттуда.

Борис Годунов, став правителем Руси, растерял почти все, что было важно для обороны Руси на западных границах. Поклонники этого коварного деспота считают, что важнейшим его достижением были успешные переговоры со шведами, в результате которых России были возвращены ее крепости Ям, Копорье и Ивангород. При этом почему-то редко вспоминают, что Годунов отдал за это шведам Нарву.

Результат был катастрофическим для России! Шведам приходилось раньше держать три небольших гарнизона в трех крепостях, ни одна из которых не была такой мощной, как Нарва, считавшаяся

неприступной. Теперь шведы консолидировали свои силы, раньше находившиеся в трех гарнизонах и, соответственно, получили возможность иметь в Нарве один большой гарнизон с невиданным количеством пушек. Когда Петр I осадил крепость Нарву в 1704 году, у шведов было там до 3,5 тыс. пехоты, 1 тыс. кавалерии и 570 орудий! А навигацию на реке Нарве, впадавшей в Нарвский залив, крепость полностью блокировала.

Так кто в итоге выиграл в результате годуновских переговоров?

Утвердившись в Нарве, шведы начали быструю экспансию во всей северо-западной части Руси.

В начале XVII века, воспользовавшись ослаблением России, в которой царила посеянная Годуновым братоубийственная Смута, шведы захватили большую часть Приневья.

В 1611 году на месте небольшого русского поселения в устье реки Охты шведами была заложена крепость Ниеншанц. На противоположном берегу Охты они начали строить город Ниен.

В 1617 году шведы даже объявили, что включают эту колонию в состав королевства под названием Ингрия, и тут же начали процесс вытеснения русского населения с оккупированных территорий.

По Столбовскому миру, подписанному между Россией и Швецией в 1617 году, почти все Приневье и большая часть некогда завоеванных шведами в районе земель, отходила к Швеции. Царю Михаилу

(Романову) пришлось пойти на это в условиях, когда Россия была разорена и ослаблена Смутой и польской интервенцией.

По условиям Столбовского мира 1617 года русским дворянам, не желавшим становиться подданными шведского короля, предоставлялось всего две недели, чтобы покинуть пределы Ингрии. Шведские короли охотно раздавали их земли своим дворянам. К моменту появления в устье Невы русских войск в 1703 году земли, на которых вскоре начал строиться Санкт-Петербург, были уже разделены между крупными шведскими землевладельцами. Самые большие владения принадлежали управлявшим здесь губернаторам.

В 1656 году русский полководец, царский стольник П. И. Потемкин взял Ниеншанц штурмом, но тогда вернуть приневские земли России все же не удалось, и шведские власти активно продолжили вытеснение русского населения.

В период Северной войны (1700–1721 гг.) русские войска под командованием Бориса Шереметева вторглись в Шведскую Ингерманландию (Ингрию). Сначала 30 декабря 1701 года была одержана победа в битве при Эрестфере, а в июле 1702 года – в сражении у Гуммельсгофа.

27 сентября 1702 года русские войска под командованием Шереметева осадил шведскую крепость Нотебург, расположенную у истока Невы из Ладожского озера, а 11 октября 1702 года пошли на штурм и взяли крепость.

Наконец весной 1703 года, после недельной осады русскими войсками, была взята крепость Ниеншанц, находящаяся при впадении реки Охты в Неву.

Таким образом, к началу 1703 года русская армия вернула стране берега на всем течении Невы. Поселение Нотебург, построенное шведами на месте основанной еще в 1323 году князем Юрием Даниловичем крепости Орешек, Петр I переименовал в Шлиссельбург («ключ-город»), а в устье Невы заложил 16 (27) мая 1703 года новый город Санкт-Петербург.

От шведов все же вскоре пришлось обороняться: летом 1703 года и летом 1705-го русские армия и флот дважды отбивали нападение шведского флота на Котлин и на Санкт-Петербург.

Перед царем встал вопрос, как лучше оборонять будущий город: ведь Северная война еще продолжалась! Изучив карту дельты Невы, Петр I избрал местом строительства крепости Заячий остров, на котором сохранились некоторые укрепления крепости Ниеншанц. Оставшаяся часть центрального укрепления и оба кронверка крепости были сохранены, а в левобережном кронверке расположился Смольный двор. Часть всех этих укреплений, как полагают, сохранялась до 1717 года, когда крепость была почти целиком перестроена. Оба кронверка и другие оставшиеся укрепления были полностью срыты только к 1745 году, но уже с 1725-го на оставшейся части старого посада селили тех, кого переводили на жительство в новую столицу. Спустя несколько лет крепость была названа Петропавловской – по названию ее главного собора.

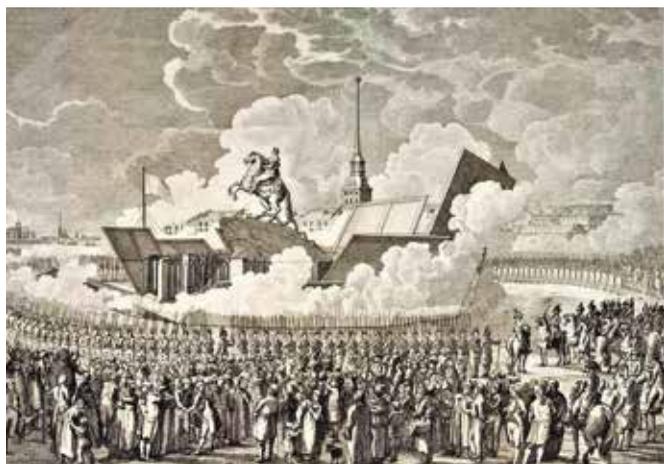
Петр Великий решил назвать свое детище Санкт-Петербургом. Конечно, его собственное имя имело значение, когда он выбирал городу имя. Но, кроме того,

«Портрет Петра I» кисти Готфри Неллера. 1698

апостол Петр, по христианскому преданию, был хранителем ключей от рая, что также казалось русскому царю символичным, поскольку город, носящий имя его

небесного покровителя, должен был стать «ключом к Балтийскому морю». Наименование города – *Sankt-Piter-Burch* – было близким к голландскому произношению

Памятник Петру I. Слева – открытие памятника 7 (18) августа 1782 года

Sint-Petersburg; общеизвестно, что Петр I из иностранных языков лучше всего владел голландским. В 1720 году название Санкт-Питер-Бурх заменили на более благозвучное Санкт-Петербург.

К числу первых построек нового города причисляют первоначальный «дворец Петра» (домик на Березовом острове), а также церковь Святой Троицы.

Рядом с домиком Петра появился и дом Меншикова, потом первый Гостиный двор и первый сахарный завод. Если судить по названиям первых столичных улиц – Посадская, Дворянская, Ружейная, Монетная, Пушкарская, Зелёная, – новый город развивался не только как военная крепость, но и как светский населенный пункт.

В ноябре 1703 года в память о том, что крепость была заложена в день Святой Троицы, в городе был открыт первый храм – Троицкий. Именно здесь в 1721 году Петр принял титул императора.

Новому городу Петр I придавал исключительно важное значение для обеспечения водного пути из России в Западную Европу. Осенью 1704 года в устье Невы началась постройка Адмиралтейской корабельной верфи с крепостными укреплениями. В конце 1706 года с целью оградить

Петропавловскую крепость от артиллерийского обстрела с противоположного берега Петр I издал приказ о строительстве Кронверка. Полтавская победа (1709) и взятие Выборга еще более укрепили положение Петербурга.

Санкт-Петербург, который был столицей России на протяжении двух столетий начиная с 1710 года, строился в основном силами крепостных, насильно сгоняемых на постройку города. Говорят, что Петербург стоит на костях. Действительно, во время строительства от недоедания и изнурительного труда умерло несколько тысяч рабочих-крестьян. Но в 1710 году Петр приказал переселить в Петербург около 15 тысяч разных мастеровых людей из всех областей России. Раздача земель в городе была бесплатной. Таким образом, очень быстро застроилась та часть города, которая сегодня является историческим центром.

Строительство тех времен было ориентировано на европейские каноны, все постройки возводилось иностранными мастерами по образцу и подобию архитектуры европейских стран. Санкт-Петербург строился по четкой планировке. Петр I хотел видеть новый город похожим на Венецию или Амстердам. По приказу императора

архитекторы Ж. Б. Леблон и Доменико Трезини разработали генеральные планы новой столицы.

Санкт-Петербург был первым городом России (и единственным на протяжении почти 200 лет!), который развивался по заранее разработанному плану. Это определило высокий градостроительный уровень и способствовало формированию городских ансамблей, характерных для конца XVIII – начала XIX веков. В 1703 году царским указом была создана «Канцелярия от строений», руководившая всеми работами, однако фактически ею руководил сам Петр. Чтобы город быстро рос и развивался, царь запретил на время каменное строительство повсюду, кроме Санкт-Петербурга. А 19 мая 1712 года по велению царя столица была перенесена из старой купеческой Москвы в Петербург, которому в то время было всего девять лет.

В первые десять лет существования города его главной частью являлся Городской (ныне Петроградский) остров; здесь находились служебные здания, ремесленные слободы и воинские части. Остров соединялся с Петропавловской крепостью с помощью подъемного моста. Позже начал застраиваться левый берег Невы, где находились Зимний дворец, Летний дворец Петра I, Летний

сад. В 1712 году Петр I издал указ о создании Генерального плана Санкт-Петербурга, по которому центром города был избран Васильевский остров. Именно здесь были построены портовые сооружения, маяки, а также здание Двенадцати коллегий и Кунсткамера. В 1713 году сюда переехал Сенат. В 1725 году в Петербурге была основана Академия наук, где в 1728 году вышла первая русская газета – «Санкт-Петербургские ведомости».

До середины XVIII века об украшении города мало заботились, преследуя одну цель – быстрыми темпами возвести как можно больше зданий. Сначала больших каменных сооружений было не так много. Но с воцарением императрицы Елизаветы Петровны строительная политика изменилась: во время ее царствования стали заботиться о том, чтобы украсить город величественными зданиями, достойными столицы. Именно тогда началось строительство Зимнего дворца, где сейчас расположен Эрмитаж. Также появились Аничков дворец, Смольный и Владимирский соборы.

Еще больше сооружений появилось во время правления Екатерины II. Этот период считается расцветом русской архитектуры. При вступлении царицы на престол

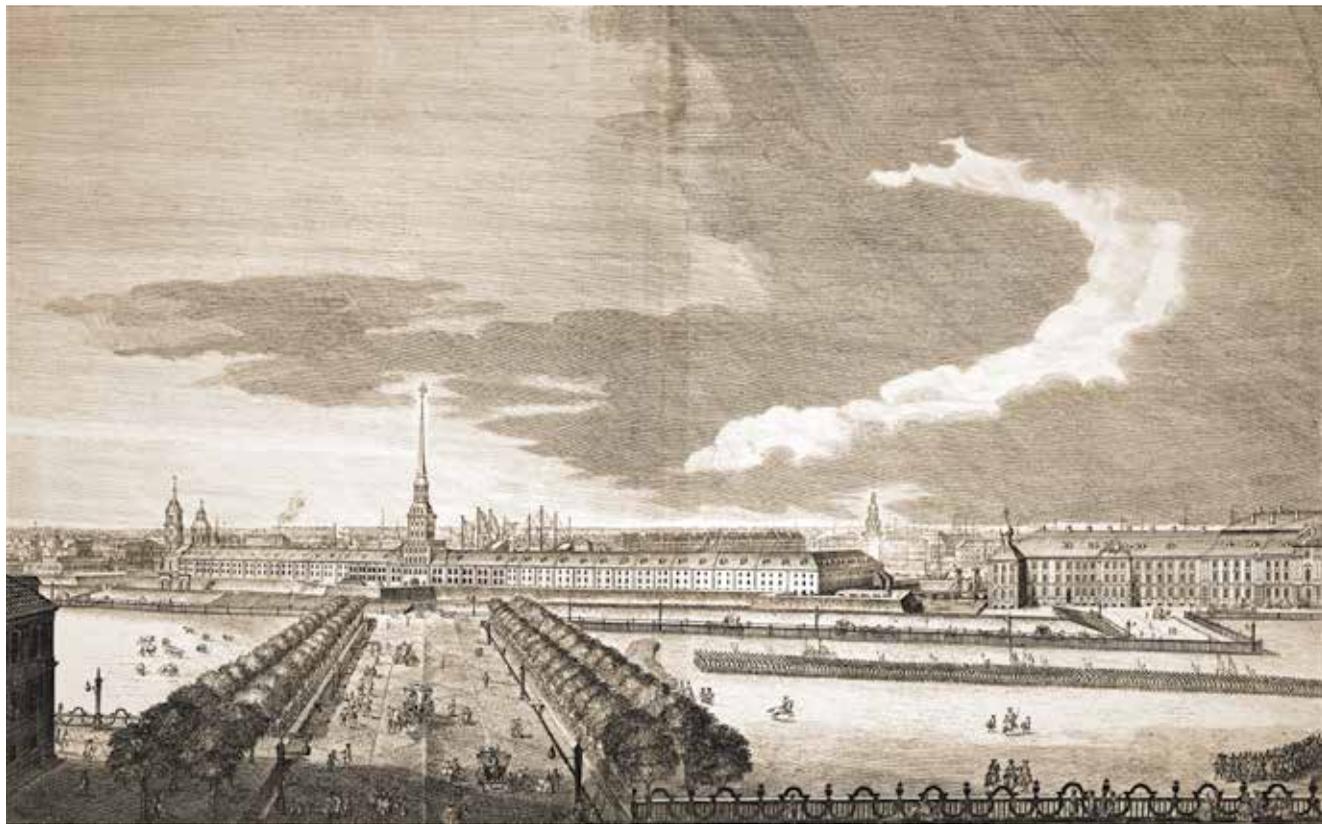

Карта Санкт-Петербурга 1720 года

в городе насчитывалось около 60 тысяч жителей, а через тридцать лет в нем уже жило 230 тысяч человек. Именно во времена Екатерины II началась массовая застройка города эффектными каменными зданиями, которые сегодня являются главными достопримечательностями города на Неве: Дворцовая площадь, Каменноостровский и Елагин дворцы. Тогда же появился знаменитый памятник Петру I – «Медный всадник».

В это же время застраивалась территория Александрово-Невской лавры. Императрица уделяла особое внимание украшению общественных мест, пригодных для прогулок; при ней все набережные Невы были обложены гранитным камнем.

В царствование Павла I строительство красивых зданий в городе продолжилось. XIX век вообще стал «золотым веком» в архитектуре Северной столицы. В Санкт-Петербурге тогда были построены Исаакиевский и Казанский соборы, Мариинский дворец, Михайловский замок, храм Спаса-на-Крови и многие другие постройки. Также появились здания высших государственных учреждений России – Сенат и Синод, здания главного штаба и министерств на Дворцовой площади. Город постепенно начал приобретать черты, сохранившиеся в его облике до сих пор – прямые улицы, строгость стиля и плотность застройки. В то время архитекторы и строители придерживались определенных правил,

Невский проспект и первое здание Российского адмиралтейства

которые были сформулированы императорами. От застройщиков требовали неукоснительно соблюдать установленные линии улиц: за линию фасадов могли выступать только навесы над подъездами, а на уровне второго этажа и выше – балконы и эркеры.

Однако помимо роскошных частных особняков, в Петербурге в ту пору быстро росло количество доходных домов, владельцы которых сдавали помещения внаем. Стремясь извлечь максимальный доход, каждый домовладелец застраивал свой участок как можно плотнее. Высокая плотность застройки, обилие темных и сырых дворов-колодезцев стали типичной чертой многих кварталов Петербурга.

В начале XX века в город ворвался промышленный прогресс. В это время предпочтение отдавалось не возведению новых зданий, а улучшению жизни горожан. В Петербурге

строились десятки мостов через многочисленные реки и каналы, появились железнодорожные ветки, связавшие город со всеми уголками России. Для удобства передвижения жителей по улицам с 1907 года начали ездить трамваи. Жизнь в городе стала более привлекательной и удобной. Именно поэтому в начале XX века сюда на проживание приехали десятки тысяч людей со всей страны. Рост населения столицы в этот период опережал прирост населения Парижа, Лондона и даже Нью-Йорка.

В августе 1914 года на волне антигерманских настроений, связанных с Первой мировой войной, город был переименован в Петроград.

После Октябрьской революции здесь были созданы государственные архитектурно-планировочные организации, в работу которых включились крупные петроградские архитекторы: А. И. Гегелло,

В. Г. Гельфрейх, А. С. Никольский, Л. В. Руднев, И. А. Фомин. За Нарвской, Московской и Выборгской заставами было развернуто строительство жилых домов и общественных зданий. Стали появляться новые типы сооружений: дома культуры, клубы, фабрики-кухни, дома-коммуны. Архитектура этого периода получила название «конструктивизм».

В 1924 году, после смерти Ленина, Петроград по решению ЦК ВКП(б) был переименован в Ленинград. Генеральный план развития города, принятый в 1935 году, предусматривал комплексную застройку в районе бывших окраин. Однако эти, столь нужные городу работы, были прерваны начавшейся Великой Отечественной войной.

Самая трагическая страница в истории Ленинграда – это почти 900-дневная блокада города немецкими войсками. К концу войны

население Ленинграда уменьшилось едва ли не наполовину – около 600 тысяч человек умерло от голода, десятки тысяч были эвакуированы. В планы Гитлера входило стереть Ленинград с лица Земли, устроив перед этим бал в его лучшей гостинице – «Астории». Однако героизм защитников Ленинграда не позволил осуществиться планам Гитлера.

Подвиг ленинградских реставраторов, восстановивших памятники Ленинграда и его пригородов после войны, не имеет аналогов в истории зодчества.

В 1951 году был принят новый откорректированный генеральный план развития города, в котором большое внимание уделялось реконструкции и благоустройству городского центра. В 1955 году в городе был подписан акт о сдаче в эксплуатацию первой очереди Ленинградского метрополитена. Сегодня этот метрополитен – один из самых красивых в мире. В 1990 году исторический центр города был внесен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Исконное имя городу возвратили в 1991 году, после распада СССР.

Современный Санкт-Петербург – город новых технологий. Строительство ведется сейчас по двум направлениям: реконструкция старых зданий и постройка новых с применением постмодернистских тенденций в единстве со старыми стилями архитектуры.

Город всегда был одним из важнейших туристических центров в мире. К примеру, в 2022 году Санкт-Петербург посетило восемь миллионов туристов.

Музеи Санкт-Петербурга сравнимы по своим коллекциям с ценнейшими собраниями произведений искусства в мире, соперничая в этом с испанским Прадо, парижским Лувром и музеями Ватикана. Тут расположен крупнейший в России музей – Государственный

Эскиз проекта Кунсткамеры

Эрмитаж. Его экспозиции занимают шесть зданий, здесь хранится порядка трех миллионов экспонатов. Настоящая гордость музея – здание Зимнего дворца, где располагалась резиденция царской фамилии. Этот великолепный комплекс был выстроен Бартоломео Растрелли, российским архитектором итальянского происхождения, в стиле «елизаветинского барокко». Перед ним расположена Дворцовая площадь – архитектурный ансамбль, созданный в XVIII–XIX столетиях. Посередине площади находится монументальная

Александровская колонна, которая посвящена победе Российской империи над армией Наполеона. Колонна была воздвигнута по указу Николая I.

Санкт-Петербург – город-музей. Начать перечисление его достопримечательностей следует, пожалуй, со старейшего памятника архитектуры Санкт-Петербурга – Петропавловской крепости. Дата закладки крепости 16 (27) мая 1703 года считается одновременно и датой основания Санкт-Петербурга. Согласно классификации крепостей Российской

Арка Дворцовой площади

Михайловский замок

Петропавловская крепость в конце XIX века

империи, она считалась крепостью I класса, но не использовалась ни в одном сражении.

В современной крепости расположены многочисленные памятники архитектуры и музеи: Петропавловский собор (усыпальница российского императорского дома Романовых), Великокняжеская усыпальница, Ботный дом, Комендантский дом, Инженерный дом, Монетный двор, Музей истории Санкт-Петербурга, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Музей космонавтики и ракетной техники. Крепость относится к исторической части Санкт-Петербурга и вместе с находящимся здесь комплексом памятников входит в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

Петропавловский собор на территории крепости долгое время являлся главным храмом столицы. Он построен в стиле классического «русского барокко».

Одним из старейших зданий города является Кунсткамера – музей, созданный по личному указанию Петра I. В нем на протяжении более чем 300 лет собирались образцы мутаций, уродств, генных

нарушений, патологий и рукотворных «безобразий» природы и человеческого организма. В первые годы существования музея здесь жили настоящие карлики, великаны и другие люди с разными «ненормальностями». Интерес к этой необычной коллекции, часть которой была составлена самим царем в ходе его заграничных путешествий, всегда был очень высоким. К настоящему времени в кунсткамере собрано более миллиона экземпляров редких явлений.

Одним из прекраснейших образцов дворцовой архитектуры Санкт-Петербурга является Михайловский замок – самый выразительный символ павловской эпохи. В его облике воплотились художественные вкусы и своеобразие его главного создателя – императора Павла I. Замок был построен на острове, ограниченном с севера и востока водами рек Мойки и Фонтанки. С западной и южной сторон остров омывался двумя специально прорытыми каналами – Воскресенским и Церковным. Система замковых фортификационных сооружений, окружавшая дворец, и расположенная перед ним площадь Коннетабля, включала в себя

каналы, полубастионы, подъемные мосты и пушки. В центре площади был установлен памятник Петру I, отлитый в 1745–1747 годах по модели Растрелли, сделанной еще при жизни великого прадеда Павла I. Император Павел хотел обрести надежный дом, опасаясь дворцовых переворотов. По иронии судьбы, именно в новом замке он и был убит.

Дворцовые помещения, включая парадные залы замка, открыты после многолетней реставрации для посещения. В замке расположена основная ретроспективная выставка Государственного Русского музея. Остальные экспонаты Русского музея находятся в Корпусе Бенау.

Русский музей – самый крупный в мире музей русского изобразительного искусства. Он был открыт в конце XIX века. Коллекцию музея составили из переданных в него экспонатов Эрмитажа, Александровского дворца, Академии художеств, а также из частных коллекций некоторых русских аристократов. В музее можно посмотреть на полотна Брюллова, Репина, Айвазовского и других мастеров. На 1 января 2023 года коллекция

Смоленский монастырь в начале XX века

Зимний дворец в начале XX века

музея насчитывает 444 705 музейных предметов.

На берегу Невы, на месте, где некогда располагалась первая судостроительная верфь на Балтийском море, возвышается здание в стиле русского ампира, увенчанное высоким шпилем. Это здание Главного Адмиралтейства, в котором с 2012 года размещается штаб командования российских военно-морских сил. При Петре I здесь была крепость, защищавшая верфь во время Северной войны. Фигура корабля, венчающая шпиль Адмиралтейства – один из символов Северной столицы.

Еще одним творением Растрелли является архитектурный комплекс, возведенный по заказу императрицы Елизаветы – Смоленский монастырь (другое название обители – Воскресенский Новодевичий монастырь). Смоленский монастырь строили 87 лет, работы постоянно прерывались войнами и отсутствием финансирования. Главный собор так и не был открыт для проведения богослужений. С 1990 года здесь работает концертный зал.

В Санкт-Петербурге насчитывается более 100 театров и театральных коллективов. Но самыми

знаменитыми театрами города являются два – Александринский и Мариинский. Александринский – это первый в истории российский драматический театр для публичного посещения, основанный в середине XVIII столетия по указу императрицы Елизаветы Петровны. Мариинский – главная оперная сцена города, театр известный во всем мире. Он появился в середине XIX века по указу Александра II, который пожелал дать ему имя в честь своей супруги Марии Александровны. Постановки театра пользуются огромной популярностью у жителей и гостей Санкт-Петербурга.

Нельзя не упомянуть и о прекрасных, величественных соборах Санкт-Петербурга: Казанском соборе, творении Воронихина; Исаакиевском соборе, созданном Монферраном; Храме Спаса-на-Крови и других религиозных постройках города.

И конечно, особое место в перечне достопримечательностей города занимает расположенный на Сенатской площади «Медный всадник» – величественный монумент, посвященный основателю города Петру Великому.

Конный памятник Петру появился по желанию императрицы Екатерины II. Она задумала увековечить образ Петра в величественной фигуре со скипетром, облаченной в одежды римского императора. Но скульптор Фальконе предложил иное решение. По его замыслу, первый российский император должен был восприниматься прежде всего как создатель, творец, мыслитель и благодетель России.

Петр Великий в конном памятнике, созданном Фальконе, находится в движении вверх, в стремлении к величию своей державы, над просторами которой он простер свою десницу...

Каждый, кто приезжает в Санкт-Петербург, начинает знакомство с ним с Невского проспекта, самой знаменитой и живописной улицы Северной столицы. Проспект проектировался как главный въезд в город со стороны Москвы. Он растянулся на 4,5 км. Здесь располагается множество архитектурных памятников. Говорят, что на Невском проспекте обитает сам «дух Санкт-Петербурга».

Кто хоть раз побывал в Северной столице, сохранит на всю жизнь память об этом великом городе.

НЕВСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

Прорыв блокады 18 января 1943 года в результате операции «Искра» стал переломным моментом в исторической битве за Ленинград

ВАЛЕРИЙ НОВОЖИЛОВ

В романе «Блокада» легендарный главный редактор «Литературной газеты», фронтовик Александр Борисович Чаковский писал: «Пройдут годы и десятилетия. Время сотрет из памяти поколений подробности смертельной схватки, в которой в конце первой половины двадцатого столетия советский народ отстоял не только свободу и независимость своей Родины, но и будущее мировой цивилизации. Не останется в живых участников этого великого сражения... Но будущие историки и писатели еще очень долго будут возвращаться исследовательским

взглядом своим к Великой Отечественной войне советского народа, споря, утверждая, опровергая, задавая десятками вопросов».

Наступление немецких войск на Ленинград началось 10 июля 1941 года с рубежа на реке Великой. Были нанесены удары на лужском, новгородском и старорусском направлениях, в Эстонии, на петрозаводском и олонцеком направлениях.

Героические защитники города не дрогнули. Ленинград оставался неприступной крепостью, не зря названной Невской твердыней. В этом немалая заслуга соединений и частей войск НКВД, которые

сражались плечом к плечу с Красной армией. С 27 июня 1941 года они вместе с пограничными отрядами, подразделениями милиции были подчинены управлению охраны войскового тыла Северного фронта.

На лужском направлении вступила в бой 2-я дивизия войск НКВД, на которую была возложена задача огневой поддержки соединений Красной армии при ведении оборонительных боев, а в случае отхода с занимаемых рубежей – прикрытия и уничтожения объектов.

30 августа 1941 года немцы вышли к Неве и перерезали

железнодорожное сообщение с городом. Прорвавшись через станцию Мга и захватив 8 сентября 1941 года Шлиссельбург, противник отрезал Ленинград с суши. Началась блокада, сообщение с городом поддерживалось теперь только по Ладоге и авиацией.

После прекращения осенней навигации 1941 года по указанию Ставки по льду Ладожского озера проложили Дорогу жизни. Перевозку людей и грузов обеспечивала 23-я дивизия войск НКВД. Она обороняла базы, склады в Тихвине, Гостинополье, Новой Ладоге, Лаврово и других пунктах. Военный совет фронта возложил на войска НКВД задачу сопровождения грузов по Кировской железной дороге с западного берега Ладоги до Ленинграда, их охрану на станциях и складах.

9 сентября 1941 года противник возобновил наступление на Ленинград, нанося главный удар из района Красногвардейска. В связи с отсутствием резервов командование Ленинградского фронта приняло экстренные меры по усилению обороны, были сформированы соединения войск НКВД – 1-й, 20-й и 21-й стрелковых дивизий (всего 34 340 человек).

Маршал Жуков в мемуарах называет 21-ю дивизию одной из первых, отличившихся в отражении врага с юга. «Нужно отдать должное нашим героическим воинам: они правильно поняли приказ и добросовестно выполнили его. Мощным огнем и непрерывными контратаками войска фронта вынудили гитлеровцев перейти от наступления к обороне. В отражении удара врага через Лигово на Ленинград особенно отличились 21-я стрелковая дивизия НКВД полковника М. Д. Папченко, 6-я бригада морской пехоты полковника Д. А. Синочкина и 7-й истребительный авиационный корпус полковника С. П. Данилова...»

На участке обороны 21-й дивизии фашисты не смогли продвинуться к Ленинграду, были остановлены в четырех километрах от города.

Мужественно дрались с врагом бойцы и командиры 1-й стрелковой дивизии войск НКВД под командованием полковника С. И. Донскова. В ночь с 19 на 20 сентября 1941 года части 1-й дивизии, 115-й и 86-й стрелковых дивизий Красной армии, подразделения моряков Ладожской флотилии форсировали Неву и закрепились на левом берегу, на небольшом участке, получившем название «Невский пятачок».

Ожесточенная борьба за этот плацдарм продолжалась семь с половиной месяцев. Лишь в конце апреля 1942 года, воспользовавшись внезапно начавшимся ледоходом, противник овладел «пятачком». В сентябре 1942 года наши снова захватили его и удерживали до прорыва блокады.

20-я стрелковая дивизия войск НКВД с 6 сентября 1941 года решала задачу обороны северо-восточной и северной окраин Ленинграда, находясь во втором эшелоне, и вскоре была переброшена в район Невской Дубровки.

После боев на «Невском пятачке» дивизия, получив пополнение, заняла оборону на Выборгском направлении. Фронт пролегал вдоль старой советско-финской границы. Советская оборона опиралась на доты и дзоты пограничного укрепрайона, финская – на бывшую линию Маннергейма. Между этими укрепленными полосами в период блокады Ленинграда непрерывно шла «малая война».

24 октября 1941 года было сформировано управление войск НКВД г. Ленинграда, начальником которого стал комбриг А. П. Курлыкин. В его подчинение вошли части по охране особо важных предприятий промышленности, 13-й мотострелковый полк, 225-й конвойный полк, отдельная школа

младшего начальствующего состава служебного собаководства, Военно-политическое училище НКВД им. К. Е. Ворошилова. Личный состав привлекался к борьбе с авиационными десантами и охране общественного порядка.

В ходе сражения за Ленинград формируется снайперское движение. Оно зародилось именно в войсках НКВД и получило широкое распространение на фронтах.

Большое значение в повышении мастерства снайперов имела практика боевых стажировок снайперских команд. Весьма показательным в плане эффективности подготовки снайперов служит пример 23-й дивизии войск НКВД, которая после передачи в августе 1942 года 1-й, 20-й и 21-й дивизий войск НКВД в состав Красной армии стала основным соединением воинов-чекистов Ленинградского гарнизона.

Массовая подготовка снайперов в соединении началась с 20 июня 1942 года. Уже к январю 1943-го дивизией было подготовлено 1568 снайперов, которые, проходили боевую стажировку на участках Ленинградского, Волховского, Карельского и Северо-Западного фронтов. Снайперы войск НКВД Ленинградского гарнизона участвовали и в прямых боестолкновениях.

Подвиг ленинградцев бессмертен. В летопись этого подвига важную страницу вписали части и подразделения войск НКВД, отстоявшие город вместе с Красной армией, моряками-балтийцами, народным ополчением.

Прорыв блокады 18 января 1943 года в результате операции «Искра» стал переломным моментом в исторической битве за Ленинград, имел определяющее значение в дальнейшем исходе сражения за полное освобождение города, которое произошло ровно через год, в январе 1944 года.

ИСТОРИЯ

ФОТОЖУРНАЛИСТ В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Фотографии Давида Трахтенберга

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Первые обстрелы. 1941 год

«Ястребы» — бойцы народного ополчения

Битва за Ленинград, продолжавшаяся 872 дня, вошла в историю как одна из самых героических страниц Великой Отечественной войны. Мир узнал о подвиге ленинградцев и сохранил память об этих трагических днях во многом благодаря фотожурналистам, оставшимся в блокадном городе.

Они работали в тяжелейших условиях: помимо того, что вокруг ежедневно, ежечасно происходили драматические события, запечатлеть которые на фотопленке было мучительно, существовала жесткая цензура, запрещающая показывать истинное положение дел в городе. Вот что писал Владимир Никитин, российский историк фотографии, автор серии фотоальбомов «Петербург – Петроград – Ленинград – Петербург. XX век в фотографиях»:

«Фотографировать в блокадном Ленинграде было трудно еще и потому, что, во-первых, не так просто было постоянно смотреть в лицо огромному человеческому горю, а во-вторых, каждую минуту фотографирующий рисковал тем, что бдительные горожане отведут его в милицию, как шпиона, фотографирующего негативные стороны жизни осажденного города... С одной стороны, мучили сомнения – можно и нужно ли снимать эту кошмарную действительность, а с другой – перед журналистами стояла четко сформулированная задача – показывать в своих снимках, как жители города борются с трудностями под лозунгом “Все

для фронта, все для победы!». Цензура официальная и цензура внутренняя, жившая в каждом из фотожурналистов, резко сужали перечень сюжетов, на которые должен был обращать внимание человек с фотоаппаратом».

Заметим: снимать в блокадном Ленинграде было позволено только профессиональным фотожурналистам. Задачи им не фор-

ходили многие ленинградцы — те, конечно, которые еще были в состоянии ходить в условиях страшного голода. Довольно часто на выставленных фотографиях они видели родных или знакомых и радовались тому, что те еще живы...

Трудно представить масштаб трагедии, выпавшей на долю каждого ленинградца. Их страдания разде-

этой захлестнувшей их трагедии, их веру в победу над злом, которое эту трагедию им принесла.

Среди таких фотожурналистов был человек, ставший впоследствии одним из наиболее известных фотохудожников страны: Давид Михайлович Трахтенберг. Я имел счастье познакомиться с ним в Ленинграде в начале 1970-х годов, и он даже подарил

Зенитчицы

мулировали: они сами сознавали, что главной их целью было показывать героизм и стойкость и защитников города, и его жителей. Часть отснятого материала публиковалась в газетах, в том числе в «Ленинградской правде», но многие фотоснимки попадали в «Окна ТАСС», мимо которых

шли профессиональные журналисты, жившие рядом с измученными голодом, холодом и бомбежками жителями великого города. Фотожурналисты делали почти невозможное: они умудрялись показывать не только великую трагедию, но и фантастическую стойкость горожан, их волю к сопротивлению

мне несколько своих фотографий. Это был умный, тонкий человек, с той грустинкой в глазах, которая всегда отличает людей, много переживших. Он и тогда продолжал неустанно работать, несмотря на то что его мучили разные болезни, связанные, очевидно, с блокадными годами. Его

Невский проспект. Зима 1942 года

Трамваи продолжали ходить в блокадном Ленинграде

работоспособность поражала и друзей, и коллег.

Давид Михайлович Трахтенберг родился в 1906 году в Воронеже в еврейской семье. Получил художественное образование, стал неплохим рисовальщиком. Но его уже в юности увлекала фотография. Его отец какое-то время подвизался на поприще фотографии и свою любовь к ней передал сыну.

Давид Михайлович рассказывал, что уже в одиннадцать лет устроился мальчиком на побегушках в фотоателье, где работал только по выходным. Тем не менее он быстро научился проявлять стеклянные фотопластинки. Он проводил в фотоателье все свободное время и вскоре начал сотрудничать с небольшими газетами.

В Ленинград Трахтенберг попал уже востребованным фоторепортером и в конце 1930-х годов стал фотокорреспондентом «Ленинградской правды», проработав в ней более 25 лет.

В годы Великой Отечественной войны Трахтенберг не просто выполнял редакционные задания — он вел подробную фотолетопись блокады Ленинграда. Ему принадлежит фотосерия «Прорыв Ленинградской блокады».

После войны Давид Михайлович сотрудничал с различными издательствами Москвы и Ленинграда, производя съемки для книг и альбомов.

В 1966 году издательство «Художник РСФСР» выпустило его книгу «Подвиг Ленинграда 1941–1945». В 1970 году вышла книга Трахтенберга «Невский проспект в дни войны и мира».

В Ленинграде Давида Михайловича по праву считали мэтром, наставником многих фотокорреспондентов.

Замечательный мастер скончался в 1975 году.

ЭТО ТРУДНОЕ ЧУДО СВЕТА

Непростая судьба Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге – показатель того времени в архитектуре, когда создание храма из дела Божьего стало амбицией архитекторов и политиков...

КОНСТАНТИН ЛЕЖАНДР

*Строительство Исаакиевского собора (около 1838).
Гравюра с рисунка Огюста Монферрана. 1845*

Петр вернулся из Великого посольства с твердым намерением разбить на берегу моря новую столицу России. В Лондоне его поразила церковь Святого Павла, строительство которой по проекту Кристофера Рена подходило к концу. И Петр задумал возвести на берегах Невы большой православный храм в честь Святого Исаакия Далматского, раннехристианского монаха-отшельника, боровшегося с ересями. Русский царь родился в день церковной памяти этого святого и считал его своим небесным покровителем. Деревянная церковь была построена в 1707 году. Петр спешил возвести град Петров, и первый храм Святого Исаакия сделали деревянным, как и большую часть зданий в тогдашнем

Санкт-Петербурге. Что, впрочем, не помешало царю провести в этом сооружении, еще из сырых бревен и пропахшем корабельной смолой, церемонию венчания с Мартой Савронской, будущей императрицей Екатериной I.

Понятное дело: церковь эта изначально задумывалась как временная и через десяток лет совсем обветшала, учитывая влажный балтийский климат и болотистый грунт под деревянным фундаментом. Поэтому в 1717 году по проекту Георга Иоганна Маттарнови заложили новый храм, на этот раз каменный. Он начал строиться на берегу Невы почти на том же месте, где сейчас возвышается «Медный всадник». По рисункам той поры без труда можно заметить, что постройка

весьма напоминала своим высоким шпилем Петропавловский собор по другую сторону реки.

Петр I подписал указ о том, что моряки Балтийского флота должны принимать присягу только в этом храме. Но судьба не жалела Святого Исаакия под номером два: береговой грунт оказался ненадежным, под тяжестью постройки он начал проседать... К тому же в 1735 году остроконечный купол церкви пострадал от удара молнии. За консультацией обратились к главному архитектору Адмиралтейств-коллегии Савве Чевакинскому. Замечательный мастер осмотрел храм и сказал правду-матку: собор построен в гнилом месте, надо строить его заново, поменяв расположение. Собор разобрали, после этого и началась история Исаакиевского собора более близкая к нам.

Подготовка к строительству затянулась на годы. Только в 1768 году состоялась торжественная закладка собора. Руководить его строительством Екатерина II назначила неаполитанца Антонио Ринальди, поклонника консерватизма в архитектуре. Строительство пошло без особого энтузиазма, к смерти царицы в 1796 году храм был возведен только до карниза. Потеряв высокую покровительницу, Ринальди уехал из России. Другой итальянец Винченцо Бренна, придворный архитектор императора Павла, принял эстафету. Но и ему не повезло: сразу после вступления на престол Павел I приказал, чтобы весь мрамор, подготовленный для собора,

передали на строительство Михайловского замка, милого его сердцу. А возведение храма затормозилось: пришлось усечь высоту колокольни, понизить основной купол, забыть о возведении боковых куполов... Так и не родившийся Исаакий выглядел в заготовке более чем странно: на мраморном основании возвышались кирпичные стены!.. И тем не менее «памятник двух царствований» – так собор прозвали в России – был освящен в 1802 году, уже при Александре I.

Молодого императора, мечтавшего превратить Санкт-Петербург в самую блестящую столицу Европы, непонятное здание, портившее вид «парадного города», явно не устраивало. И царь объявил в 1809 году конкурс на облагораживание Исаакова собора или на строительство нового здания. Однако все планы смешала война 1812 года, впоследствии названная Отечественной...

В 1816 году Александр I вернулся к вопросу возведения храма и поручил работу над проектом блистательному испанскому инженеру и архитектору Аугусто де Бетанкур-и-Молина, ставшему на русской службе генерал-лейтенантом Августином Бетанкуром. Тот, занятый одновременно другими масштабными проектами, перепоручил строительство собора молодому французскому архитектору Огюсту Монферрану. Конкурентов у него было немало, но предприимчивый Монферран понравился императору своим рвением: француз представил на конкурс проектов нового собора сразу двадцать четыре работы! Включая храм Святого Исаакия в... китайском стиле! Такая настойчивость зодчего пришлась Александру по душе, и Монферран был назначен придворным архитектором.

Император выбрал из пакета предложений пятиглавый храм

в классическом стиле. Александра привлекало и то, что рачительный Монферран намеревался использовать при строительстве часть конструкций невезучего собора Ринальди. Торжественная закладка храма прошла 26 июня 1818 года, но еще шесть лет после этого Монферран дорабатывал проект. А строительство продолжалось чуть ли не четыре десятилетия, вызвав слухи о пророчестве, якобы полученном французом от проезжего ясновидца: он сказал, что архитектор умрет, как только собор будет достроен. И в самом деле: через месяц после торжественной церемонии освящения храма Монферран умер. Но не от слеза, а от банального воспаления легких. Монферран завещал похоронить себя в Исаакиевском соборе, но император Александр II отказал в этом. В России никогда не дорожили творцами...

А ведь с подачи Монферрана при строительстве использовали немало поистине прорывных для того времени технологий. Так, здание, необычайно тяжелое, нуждалось в сваях. Их вбили в болотистый грунт в количестве 10762! Процесс кропотливый и шумный, который длился пять лет. Петербуржцы даже принялись шутить: забила сваю – она полностью ушла в болотистый грунт, забила вторую – и та исчезла... Заколотили еще с десяток бревен, и тут прибыло письмо из Нью-Йорка: «Вы испортили американскую мостовую! На конце бревна, торчащего у нас из земли, клеймо петербургской лесной биржи “Громов и К!”»

Отдельную историю можно рассказать и о колоннах собора. Гранит для них привозили с берегов Финского залива. Работами в каменоломнях руководили мастера-каменщики Самсон Суханов и Архип Шихин. Ими был избран необычный способ добычи из породы цельных кусков камня.

Рабочие сверлили в граните глубокие ходы, куда вставляли дубовые клинья. Их вбивали, пока не появлялась трещина. В нее вводили железные рычаги с кольцами, сквозь которые были протянуты канаты. Сорок человек брались за веревки и вырывали из породы огромные блоки. Чтобы доставить груз в город, проложили рельсы. Железнодороги в России еще не было, поэтому «поезд» тянули лошади – конка... За четыре десятилетия до того, как грузовая и пассажирская конки официально появятся в Санкт-Петербурге.

Два года велась установка 48 колонн, и закончилась она только в 1830 году. А через 11 лет впервые в истории 24 колонны, каждая весом минимум 64 тонны, подняли на высоту более 40 м, чтобы установить их вокруг купола. На его украшение ушло более 100 кг червонного золота, еще 300 кг потребовалось для золочения интерьера. И к 1858 году наконец-то получился Исаакиевский собор – четвертый в мире по величине: он уступает лишь собору Святого Петра в Риме, собору Святого Павла в Лондоне и собору Святой Марии во Флоренции. Его высота – 101,5 м. При площади 4000 кв. м он может вместить до 12000 человек. Освящение состоялось в 1858 году, однако и после этого строительные леса долго оставались неразобранными. Средства на доделки (выяснилось, что в проекте Монферрана много огрехов) выделялись из царской казны.

И неслучайно родилась легенда о том, что, пока строится Святой Исаакий, будет стоять на Руси и династия Романовых. И правда: леса с собора окончательно сняли в 1916 году, всем известно, что произошло потом – и с царем, и с Россией... Престранная деталь: после расстрела Романовых люди заметили, что у ангелов на фасадах храма – лица членов царской семьи.

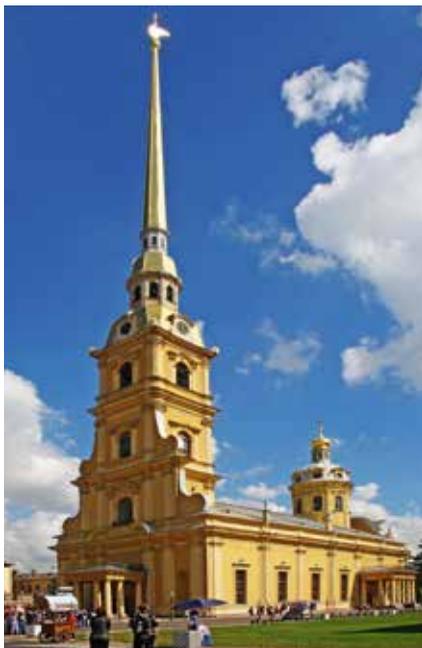
СВЯТЫЕ ХРАМЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург по праву гордится своими великолепными православными соборами

ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВА

У любого исторического здания особая судьба. Есть она и у каждого собора Санкт-Петербурга – часто сложная, порой трагическая. Многие из творений великих зодчих прошли через испытания пожарами, войнами, богоборчеством... Но они выстояли и радуют сегодня сердца людей.

Петропавловский собор

Первая деревянная церковь Святых Петра и Павла была построена в 1703–1704 годах на территории только что заложенной Петропавловской крепости. Спустя восемь лет было решено возвести здесь каменный собор, но таким образом, чтобы деревянная

церковь оставалась внутри новой постройки.

Строительство нового храма по проекту архитектора Доменико Трезини завершилось в 1732 году. Петропавловский собор высотой 122,5 метров оставался архитектурной доминантой Санкт-Петербурга вплоть до 2012 года, когда в городе были построены жилые небоскребы.

В 1924 году здание собора получило статус музея, но с 2000 года в нем вновь стали проводиться богослужения. В соборе находится усыпальница династии Романовых.

Крестовоздвиженский собор

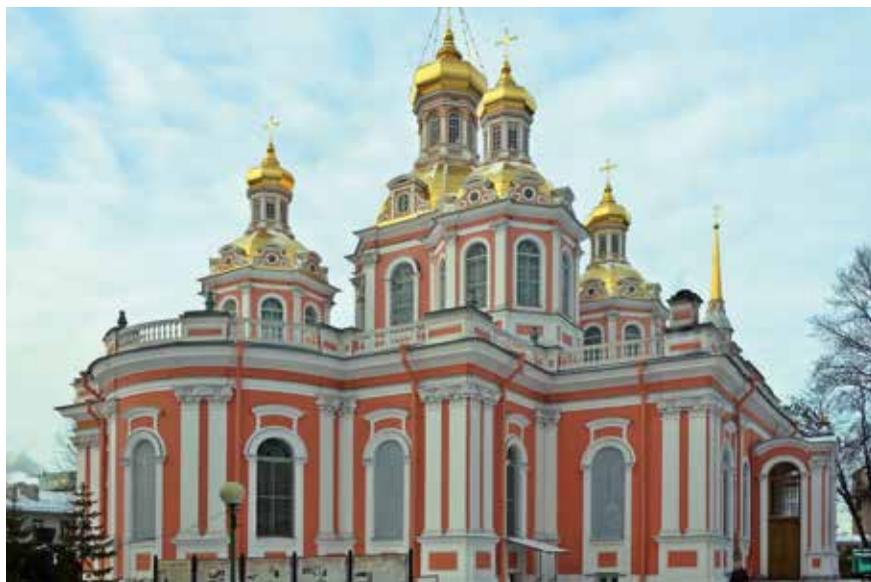
Первая церковь-предшественница Крестовоздвиженского собора появилась в Санкт-Петербурге

вскоре после его основания и была деревянной. Каменный трехпридельный храм возвели в 1740 году. Главный придел освятили во имя Воздвижения Креста Господня, северный – во имя Святителя Николая, западный – во имя св. Иоанна Предтечи. Над западным притвором построили колокольню, а за алтарем заложили Тихвинскую церковь.

В середине XIX века церковь была перестроена архитектором Егором Диметром. В 1872 году на втором этаже колокольни был устроен небольшой храм во имя равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В советское время Крестовоздвиженский собор был переоборудован в реставрационные мастерские. Сильно пострадал он и в годы Великой Отечественной войны.

Возродился храм в 1991 году.

**Николо-Богоявленский
морской собор**

Никольский морской собор на берегу Крюкова канала является уникальным памятником архитектуры. Выполненный в стиле барокко, храм состоит из двух церквей – верхняя церковь освящена во имя Богоявления Господня, а нижняя – во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца, покровителя моряков.

Инициатором строительства храма стал генерал-адмирал Михаил Голицын, который обратился с соответствующим прошением к императрице Елизавете Петровне и получил ее высочайшее позволение. Строительные работы по проекту архитектора Саввы Чевакинского, начатые 15 июля 1753 года, завершились спустя девять лет уже при Екатерине II, явив миру собор необыкновенной красоты. Императрица подарила собору десять икон с изображением святых, в дни которых русским флотом были одержаны победы над османами. Никольский морской собор с самого начала стал памятником морской славы России.

**Собор Святого Апостола
Андрея Первозванного**

Собор Святого Апостола Андрея Первозванного на Васильевском острове был заложен в 1764 году по проекту А. Ф. Виста (по другим сведениям – А. А. Иванова) на месте сгоревшей в 1761 году деревянной церкви, построенной по проекту Джузеппе Трезини и освященной в октябре 1732 года архиепископом Феофаном Прокроповичем.

Новый трехпрядельный каменный Андреевский собор был освящен весной 1780 года и стал при Павле I кавалерским, в связи с чем над входом был укреплен знак ордена Андрея Первозванного.

Собор был закрыт летом 1938 года, но охранялся государством как памятник архитектуры. В нем до сих пор сохранился резной иконостас XVII века. В 1992 году собор был возвращен Санкт-Петербургской епархии.

**Собор во имя
Владимирской иконы
Божией Матери**

Строительство собора Владимирской иконы Божией Матери на месте одноименной деревянной церкви на Торговой площади (ныне Владимирская площадь) началось в августе 1761 года. Авторство проекта приписывают Пьетро Трезини, хотя существует мнение, что архитектором мог быть Христиан Кнобель. Проект отдельно стоящей колокольни разработал Джакомо Кваренги.

Церковь была освящена 9 апреля 1783 года во имя одной

Князь-Владимирский собор

Князь-Владимирский собор был заложен в Санкт-Петербурге в 1740 году по указу императрицы Анны Иоанновны рядом с мазанковой Успенской церковью. Однако после восшествия на престол в 1741 году Елизаветы Петровны, младшей дочери Петра I, работы были остановлены и продолжались лишь в 1766 году, когда архитектором Антонио Ринальди был разработан новый проект храма. В 1773 году из-за пожара строительство опять прекратилось и возобновилось лишь спустя 10 лет под руководством архитектора Ивана Старова. 1 октября 1789 года новый собор освятили в честь святого князя Владимира.

из наиболее почитаемых на Руси икон – Владимирской иконы Божией Матери. Согласно церковному преданию, икону написал евангелист Лука на доске стола, за которым трапезничало святое семейство.

В Россию икона была привезена из Византии Юрием Долгоруким, получившим ее в подарок от Константинопольского патриарха Луки Хризверга. Икона хранилась в женском Богородичном монастыре под Киевом, а затем в Успенском соборе во Владимире, куда ее перевез сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский. Так икона и получила свое название.

В 1395 году икона была привезена в Москву для защиты от нашествия Тамерлана. С 1999 года чудотворная икона находится в храме святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее.

В 1930 году собор Владимирской иконы Божией Матери был закрыт. Долгое время он был занят трикотажной фабрикой, но с 1990 года в храме вновь проходят богослужения.

Казанский кафедральный собор

Казанский собор был построен на Невском проспекте по приказу императора Павла I на месте обветшавшей церкви Рождества Богородицы, где хранилась чудотворная икона Казанской Божией Матери – одна из самых почитаемых православных святынь. По замыслу Павла I кафедральный собор Санкт-Петербурга должен был быть таким же величественным и гармоничным, как собор Святого Петра в Риме.

В 1811 году храм, построенный в стиле русского классицизма по проекту архитектора Андрея Воронихина, был освящен в честь Казанской иконы Божией Матери.

Собор был построен накануне Отечественной войны 1812 года. Здесь молился перед чудотворной иконой Михаил Голенищев-Кутузов, прежде чем отправиться к войскам под Смоленск. И здесь великий полководец был похоронен в 1813 году.

После победы над Наполеоном Казанский собор приобрел значение памятника русской воинской славы. На площади перед храмом установлены памятники фельдмаршалам Отечественной войны 1812 года – Михаилу Кутузову и Михаилу Барклаю-де-Толли.

Спасо-Преображенский собор

Спасо-Преображенский собор построен в 1829 году по проекту Василия Стасова в стиле ампира на месте более раннего храма, сгоревшего во время пожара, возникшего 8 августа 1825 года. Восстановленный храм был вновь освящен 5 августа 1829 года митрополитом Серафимом (Глаголевским).

После революции храм остался действующим, а во время Ленинградской блокады в его подвале было устроено бомбоубежище.

Свято-Троицкий Измайловский собор

История Свято-Троицкого Измайловского собора напрямую связана со становлением лейб-гвардии Измайловского полка в 1730 году, при котором создается походная церковно-палатка, освященная по повелению императрицы Анны Иоанновны 12 июля 1733 года во имя Святой Троицы.

Спустя 10 лет полковую церковь перенесли на постоянное место в Санкт-Петербурге – первоначально на Адмиралтейском острове, а затем на Измайловском проспекте. В 1754 году был заложен новый деревянный пятиглавый храм. Однако он сильно пострадал из-за наводнения 1824 года, вследствие чего было принято решение о строительстве нового каменного храма. Архитектору Василию Стасову было поручено

взять за образец прежнюю деревянную церковь.

Закладку нового храма совершил 25 мая 1828 года митрополит Серафим (Глаголевский). На торжестве присутствовали императрица Мария Федоровна и цесаревич Александр Николаевич. Строительство храма завершилось в 1835 году; освятил его митрополит Московский Филарет (Дроздов).

22 апреля 1938 года собор был закрыт – его собирались снести или перестроить в крематорий, однако с началом Великой Отечественной войны в здании устроили склад.

Храм был возвращен Русской православной церкви в 1990 году. 25 августа 2006 года во время

реставрационных работ произошло возгорание строительных лесов. В результате сильного пожара рухнули внешние конструкции большого купола, пострадали также два уже отреставрированных к тому времени малых купола. Уникальный храм был полностью восстановлен в 2017 году.

Исаакиевский собор

Величественный Исаакиевский собор – одно из самых больших купольных сооружений мира – претерпел немало перестроек. Это четвертый по счету храм,

освященный во имя преподобного Исаакия Далматского, почитаемого Петром I, который родился в день памяти святого – 30 мая по юлианскому календарю.

Первая деревянная церковь была построена на берегу Невы, близ Адмиралтейства, и освящена в 1710 году. В 1717 году поблизости началось строительство каменной церкви, но работы пришлось остановить из-за оседания грунта.

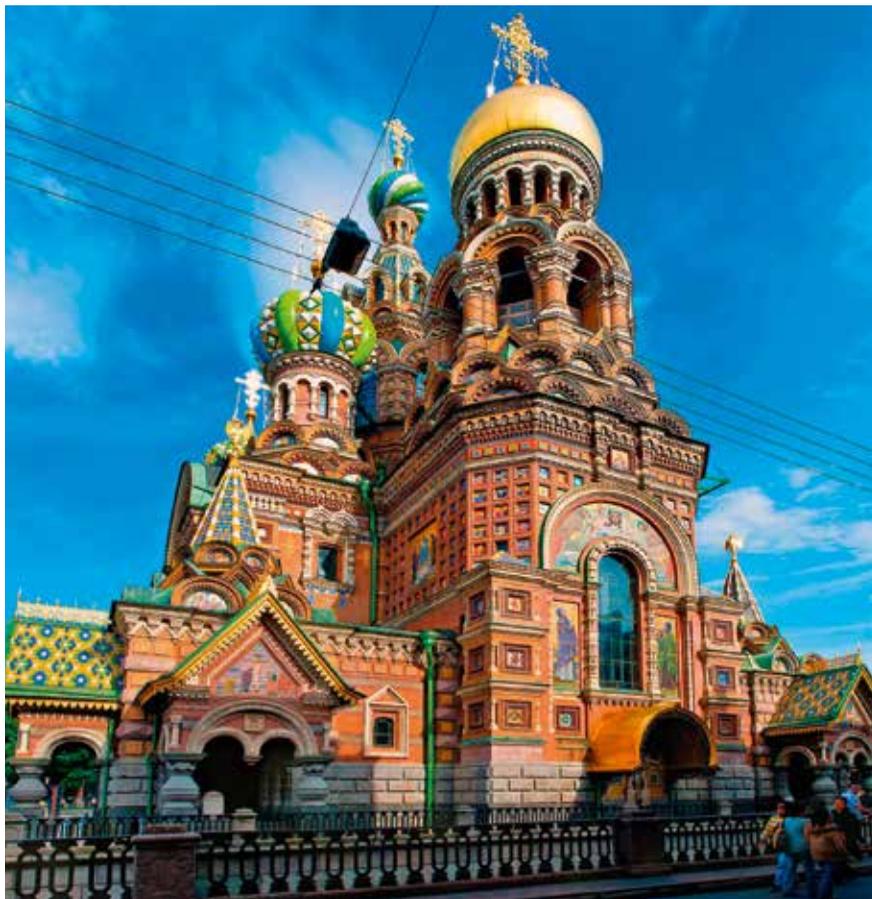
При Екатерине II новый Исаакиевский собор по проекту Антонио Ринальди возвели уже не у самого берега Невы, но и это здание оказалось далеким от совершенства.

В 1809 году Александр I объявил конкурс на возведение нового храма. Исаакиевский собор, строительство которого продолжалось с 1818 по 1858 год, стал великолепным творением французского архитектора Огюста Монферрана и одним из главных символов Санкт-Петербурга.

Храм Воскресения Христово на Крови

Храм во имя Воскресения Христова, в народе называемый «Спас на Крови», построен на месте, где 1 марта 1881 года был смертельно ранен император Александр II. Возводился собор, внешне напоминающий московский храм Василия Блаженного (Покровский собор), по приказу Александра III в 1883–1907 годах по проекту архитектора Альфреда Парланда и архимандрита Игнатия (Мальшева).

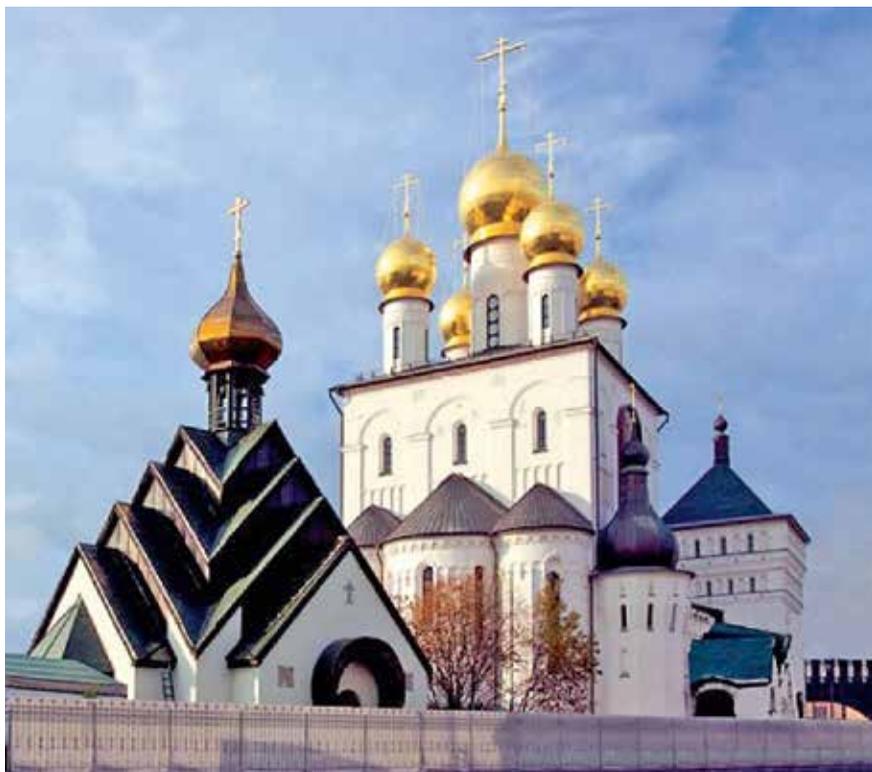

Феодоровский собор

Строительство Феодоровского собора по проекту архитектора Степана Кричинского было начато в 1907 году в связи с приближающимся 300-летием царствования Дома Романовых. Закладка храма состоялась 5 августа 1911 года в присутствии великого князя Михаила Александровича.

После революции храм прошел через многие испытания – его перестроили, превратили в молокозавод, снесли купола...

Храм был возвращен в ведение епархии в августе 2005 года. Все работы по реконструкции исторического памятника завершились в 2013 году – к 100-летию со дня его возведения и 400-летию дома Романовых.

ВОЗНЕСЕНИЕ И ПЯТИДЕСЯТНИЦА

Если бы земная жизнь Иисуса Христа завершилась смертью на Кресте, это было бы величайшим торжеством сил зла в истории

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

На сороковой день после Пасхи Церковь празднует Вознесение Господне. В зависимости от даты Пасхи Вознесение может быть ранним или поздним. Важно помнить, что оно всегда празднуется в четверг шестой седмицы после пасхального торжества. В этом году Православная Церковь отмечает Вознесение 25 мая.

Вера в телесное вознесение Господа Иисуса – это одна из важнейших догматических истин христианства. Она основана на непосредственном свидетельстве новозаветных текстов. Догмат о Вознесении – одна из непререкаемых основ вероучения.

Никоо-Константинопольский Символ Веры, который повсеместно употребляется в Православной Церкви и признается всеми христианами исповеданиями, говорит о том, что Господь Иисус «воскрес из мертвых в третий день, согласно Писаниям, и возшел на Небеса, и восседает одесную Отца». Символ Веры Святых Апостолов, который чаще употребляется в западном христианстве, говорит о том же.

Перед предложением Святых Даров, хлеба и вина, в Тело и Кровь Христовы в евхаристической молитве Иоанна Златоуста священник «вспоминает спасительную заповедь и все, ради нас совершившееся, крест, гроб, воскресение на третий день, на небеса восхождение, по правую руку сидение,

второе и славное пришествие вновь». Литургия Василия Великого «вспоминает спасительные Его страдания, животворящий крест, трехдневное погребение, из мертвых воскресение, на небеса восшествие, по правую руку от Бога и Отца сидение».

Очевидно, что Догмат Вознесения не менее важен, чем истины о Воплощении, Воскресении и Втором Пришествии Господа Иисуса. О нем важно помнить и исповедовать его сердцем и устами. По слову Апостола Павла, «сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10,10).

Вознесение было историческим событием. О нем говорится в Священном Писании. Так, описательное повествование о Вознесении содержится в третьем по счету Евангелии и в Книге Апостольских Деяний. Автором обоих новозаветных текстов Предание Церкви и библейская наука считает Евангелиста Луку. Оба свидетельства дополняют друг друга, раскрывая неповторимую таинственную суть События Вознесения.

Согласно Евангелию от Луки, Воскресший Господь явился двум ученикам по дороге в Эммаус. Вначале они не узнали Его. Иисус «был узан им в преломлении хлеба» (Лк. 24:35). Вернувшись в Иерусалим, эти ученики «нашли вместе одиннадцать Апостолов и бывших с ними» (33). «Когда они говорили о сем, Сам Иисус стал посреди

их» (36). Господь удостоверил учеников в Своем Воскресении. Потом Он вывел их из города до Вифании и, подняв руки, благословил их. И когда благословлял их, стал «отдаляться от них и... возноситься на небо» (Лк. 24; 51–52).

Святые Отцы, то есть наиболее выдающиеся представители богословской и философской мысли Церкви, жившие до возникновение Ислама, представляют собой определенную норму в истолковании Священного Писания. Они являются эталоном понимания библейского слова.

При этом по отношению к самим Отцам Церкви Писание является нормирующей нормой. В латыни, одном из классических языков богословия, это словосочетание является устойчивым и звучит как «норма норманс».

В центре христианского учения находится убеждение в том, что Бог во Христе Иисусе стал человеком. Он вошел в историю, когда более чем два тысячелетия назад Иисус родился в Палестине от Марии Девы. Евангелие от Иоанна именует Христа Словом, божественным Логосом. При этом Писание также является Словом Бога. В христианском понимании оно представляет собой своего рода воплощение до Воплощения, воплощение Бога в человеческом слове до воплощения Слова Бога в человеческих плоти и крови.

Богословие как наука непрестанно движется вперед. Отметим,

что если бы богословие не было наукой и как таковое не подчинялось научным законам, то на все богословские школы и факультеты, по-видимому, пришлось бы повесить замок. Изучение Священного Писания в новое и особенно в новейшее время продвинулось далеко вперед. Важно понимать, что ключевое отличие христианства от других религий, также исповедующих одного библейского Бога, в том, что оно как богословие и философия научно и в интеллектуальном, рациональном и бытийном смыслах является именно догматом, а не собранием правовых постановлений или законом.

Ученые, изучающие священные тексты, по-разному понимают смысл повествований Священного Писания о Вознесении. Существует вполне обоснованное мнение, что сам Евангелист Лука и община учеников Христовых, которая также стояла у истоков Евангелия, попросту объединили в тексте события Воскресения и Вознесения. То есть апостольская Церковь сознательно стремилась к тому, чтобы Воскресение и Вознесение представляли последующим читателям этого евангельского текста как одно и то же, объединенное, тождественное, единое событие. Напомним, что эта точка зрения

Гюстав Доре. «Вознесение Господне». 1879

«Вознесение Господне». Икона XV века

относится к Вознесению в том виде, как оно описано в Евангелии.

Согласно Деяниям Апостолов, «Господь явил Себя живым по страдании Своем со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божии» (Деян. 1:3). На сороковой день «Он собрал их» (4), повелел не отлучаться от Иерусалима и ожидать «Крещения Духом Святым» (5). «Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (9).

Итак, согласно Деяниям, Вознесение состоялось не одновременно

или же непосредственно после Воскресения, как это, по-видимому, следует из Евангелия, но через сорок дней. При этом на языке Писания число сорок одновременно обозначает необходимую полноту времени.

Иными словами, Христос, по Воскресении Своем из мертвых, являлся ученикам и беседовал с ними о Царстве Божьем столько времени, сколько это было нужно для них. И подобно Моисею, который по велению Бога сорок лет водил народ в пустыне, чтобы приготовить его к Земле Обетованной (Втор. 29,5), Воскресший Иисус

сорок дней являлся ученикам и готовил их к Небесному Царству. Те, кто увидел Его Воскресшего, были призваны сами стать Причастниками Воскресения.

Ключевым для рассказа о Вознесении в книге Апостольских Деяний является не только тот факт, что Господь вознесся на Небо именно в сороковой день, но и слова о Его предстоящем Пришествии: «Сей Иисус, вознесшийся от вас на Небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на Небо» (Деян. 11:12).

Получается, что Община, стоявшая у истоков Книги Деяний, объединила Вознесение и Пришествие – не Возвращение, а именно Пришествие – в единое событие. Для Луки в Книге Деяний было важно, чтобы последующая Церковь не только не отделяла Парусию, то есть Второе Пришествие Христово, от Его Вознесения, но и понимала Второе Пришествие Господа Иисуса как одну из составляющих Вознесения.

«И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде. И сказали: Иисус <...> придет таким же образом» (Деян. 1;10–11).

Пожалуй, для апостольской Общины, а впоследствии и для Церкви Христовой не было более важных слов, чем данное «двумя мужами в белой одежде» обещание и заверение.

Важно понимать, что, подобно Воскресению, Вознесение, то есть Восхождение Господа Иисуса на Небеса, было для апостольского круга абсолютно спонтанным, неожиданным, не поддающимся никакому предварительному расчету событием. Возможно, именно в силу этого Евангелие от Луки объединило в единое целое эти два повествования.

«Писание богодухновенно», ибо содержит историческую правду

и одновременно божественные слова (2 Тим. 3:16). Оно написано Словом Бога и Духом Святым. Они же, по слову святого Иринея Лионского, – суть «руки Бога» (130–200). Получается, что Событие Вознесения в том виде, в каком само Писание его передает, обладает особой диахронией, его хронология взломана Самим Богом.

Ведь Вознесение – не просто пункт, период и срок во времени и пространстве, но животворящая Истина, определяющая собой полноценность бытия Церкви как Тела Господа и достоверную сакраментальную подлинность существования человеческой Вселенной как богочеловеческой общности. Напомним, что слово «сакраментальность» означает приобщенность к таинству.

Вознесение является окончательным и бесповоротным доказательством того, что Воскресение Иисуса – не возвращение в списки живущих на земле бывшего прежде мертвым человека, как это было в случае Лазаря и других воскресенных Господом людей, но подлинное преодоление небытия и смерти. В свою очередь, Воскресение и Вознесение вместе являются «окончательным взаимопроникновением природы человека и природы Бога», где, по слову одного из современных нам богословов, «прорываются границы биологического и создается новое пространство существования».

Именно поэтому Церковь видит в Вознесении Господа Иисуса основание собственного бытия «не от мира сего» (Ин. 18,36) и принадлежности уже здесь и сейчас будущему веку. Церковь всегда противостояла попыткам низвести будущий век на землю, создать здесь и сейчас утопию наступившего царства. Здесь огромное значение приобретают символы и нюансы.

Согласно Преданию, земная жизнь Господа Иисуса

Апостолы пишут Символ веры, получая вдохновение от Святого Духа. Миниатюра из рукописи XIII века

продолжалась 33 года. Три года продолжались его проповедь и служение. Господь был убит крестной смертью. Но «Бог воскресил Сына Своего», – говорится в Книге Деяний (Деян. 13,26).

При этом чрезвычайно важно помнить и понимать, что Воскресение – не возвращение. Об этом говорил Сам Воскресший Иисус Марии Магдалине словами: «Не прикасайся ко Мне!»

Андрей Рублев. «Святая Троица». 1425–1427

удвоенные (Ин. 20,17). Воскресший Иисус жив. Но в совершенно новом, ином, преображенном бытии и качествах.

Поэтому Церковь всегда противостояла попыткам вновь «локализовать» Христа, как это, по слову Евангелия, будут стараться делать лжехристы и лжепророки. «Тогда если кто скажет вам: „вот, здесь Христос“ или „там“ – не верьте...», – говорил Сам Иисус Господь (ср. Мф. 24,23).

В этом контексте слова Апокалипсиса о том, что числом Антихриста будет «666», получают важную интерпретацию. Дело в том, что, взятое само по себе, оно представляет собой удвоенные годы земной жизни Христа (33) и Его проповеди (3). «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть», – говорится в Апокалипсисе (Откр. 13,18).

В этом контексте Антихрист – это ложная утопия повторного мессианства, попытка силой вернуть на землю Христа, превращение Воскресения в Возвращение, отрицание Вознесения и Одесную Отца Сидения Господа. Обращаясь к Иисусу, святой Августин говорит в Слове на Вознесение: «Ты, пойманный, связанный, битый, к Древу Прибитый, Ты мертвый, и Ты погребенный, Иисус, вознесись Превыше Небес!» (262).

В V–VI веках Церковь на Востоке сотрясали христологические споры. В итоге ровно за тысячу лет до разделения Западного Христианства на католичество и протестантство Восточная Церковь разделилась на две равновеликие и противостоящие друг другу части с центрами в Александрии и Константинополе. Последняя сохранила для себя наименование «Православной», а Александрийская стала именоваться «коптской». Общение между ними никогда не было восстановлено. Споры шли о человечестве Иисуса Христа, а на деле напрямую затрагивали саму суть

Его Вознесения.

Тогда же епископ и богослов Юлиан Галикарнасский (+518) предложил казавшееся многим компромиссным решение. Согласно Юлиану, Господь Иисус был подлинным Богом и подлинным Человеком. Однако по Вознесении человечество Христово упразднилось, будучи всецело пронизано божеством.

В противостоянии Юлиану враждовавшие половины восточного

христианского мира как бы на мгновение смогли объединиться в данном моменте богословия. Они отстаивали истину о том, что полнота человечества Христова пребывает по Вознесению. Это означает, что благодаря Вознесению Господа Иисуса, у Бога... бьется человеческое сердце.

На пятидесятый день после Пасхи Церковь празднует Сошествие Святого Духа на Апостолов. В соответствии с датой празднования, день этот именуется Пятидесятницей. В зависимости от даты Пасхи Пятидесятница может быть ранней или поздней. Она всегда празднуется в восьмое воскресенье после пасхального торжества. В этом году Пятидесятница в Православной Церкви отмечается 4 июня.

В контексте нашего рассуждения Пятидесятница – это кульминация Пасхи и одновременно завершение и раскрытие Самого Вознесения. Если бы земная жизнь Иисуса Христа завершилась смертью на Кресте, это было бы величайшим торжеством сил зла в истории. Если бы Господь Иисус по Воскресении Своим из мертвых навсегда остался с учениками, то не был бы доступен всей Вселенной. Но Бог воскресил Сына Своего. Господь Иисус взшел на Небеса и ниспослал на Апостолов Духа Святого.

Так в Воскресении, Вознесении и Пятидесятнице родилась Церковь, появилось на свет христианство, Вселенная постепенно стала преображаться, Мир начал по-иному дышать.

«Я в гроб сойду и в третий день восстану, // И, как сплавляют по реке плоты, // Ко мне на суд, как баржи каравана, // Столетия поплывут из темноты», – писал в своем стихотворении Борис Пастернак.

Характерной особенностью западного христианства является наличие в богослужебном календаре так называемых «идейных

праздников». В отличие от более древних господских и богородичных торжеств, привязанных к конкретным событиям Священной Истории и Домостроительства Спасения, идейные праздники выражают ту или иную догматическую истину, относятся к тем или иным аспектам христианской веры и благочестия, а также могут относиться к определенным наименованиям и титулам Господа Иисуса или Богородицы. Характерным примером такого идейного наименования, на сей раз не праздника, но церкви, является Храм Святой Софии в Константинополе.

Среди таких праздников в Католической Церкви – Сердце Иисуса, празднование в честь Христа Царя, Тела Христова, Имени Господа, Имени Богоматери и другие.

Идейные праздники не просто отражали то или иное догматическое убеждение, но и представляли собой вполне определенную рефлексию, размышление и реакцию на конкретные религиозные события или явления того или иного времени.

В противоположность празднованию последовательных, связанных друг с другом динамических событий Истории Спасения идейные праздники можно называть «статическими». Если домостроительные, динамические празднования проистекают из Пасхальной Тайны, то статические, идейные праздники как бы взымают эту единую последовательную структуру, появляются и устанавливаются спонтанно, путем абстрагирования от хронологической, исторической библейской тайны.

Обобщая, можно сказать, что знакомая и доступная нам Православная Традиция придерживалась практики празднований пасхального и рождественского циклов, а также в честь святых, и не знала «идейных», или «статических», богослужебных торжеств. За одним

лишь исключением, свойственным именно русской традиции. Дело в том, что Пятидесятница в нашей Церкви и в тех Православных Церквях, которые тем или иным образом происходят от Русской Церкви, именуется Днем Святой Троицы.

Напомним, что в католичестве также имеется День Троицы, но празднуется он через неделю после Пятидесятницы. В этом месте очень часто ошибаются гиды по церквям и переводчики!

Этому парадоксальному и удивительному явлению нет однозначного объяснения. Так, представители Парижской Школы русского православного богословия XX века полагали, что Пятидесятница «стала» Троицей под влиянием традиции монастыря преподобного Сергия Радонежского (1314–1392).

Дело в том, что свой монастырь преподобный посвятил Троице, создал знаменитый храм, а престольный Праздник праздновал в День Пятидесятницы. Впоследствии из этой традиции родилась великая икона «Святая Троица» Андрея Рублева. До этого подобный образ в Православии существовал, но именовался «Гостеприимством Авраама». Именно икона Рублева в нашей церковной традиции стала главной праздничной иконой дня. При этом традиционной иконой Пятидесятницы считается образ апостольского круга, на который, согласно повествованию Книги Деяний, «в виде огненных языков» сошел Дух Святой (Деян. 2,3).

Время святого Сергия было чрезвычайно сложным. Великий древнерусский святой завещал современникам и потомкам преодолевать разделение через братолюбие, общение, литургию, молитву и богословие: «Дабы воззрением на Пресвятую Троицу побеждался страх ненавистной розни мира сего».

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ: МИССИЯ, ИЗМЕНИВШАЯ МИР

В 1863 году Святейший Синод Русской Церкви определил установить ежегодное празднование в честь преподобных Мефодия и Кирилла: именно так появился День славянской письменности и культуры

ЕКАТЕРИНА ЛУГОВАЯ

Памятник святым равноапостольным братьям Мефодию и Кириллу в Москве на Славянской площади

В 863 году Кирилл и Мефодий отправились в миссионерское путешествие к славянам по приглашению правителя Великой Моравии князя Ростислава, который впоследствии был прославлен Церковью в лике святых. А в 1863 году Святейший Синод

Русской Церкви определил в связи с празднованием тысячелетия Моравской миссии святых Кирилла и Мефодия установить ежегодное празднование в честь преподобных Мефодия и Кирилла 11 мая (24 мая по новому стилю). Именно так появился в наших календарях

день Славянской письменности и культуры. Между этими событиями прошла тысяча лет, но память о просветителях славян Кирилле и Мефодии только крепла, все это время интерес к их трудам не угасал, вызывая внимание как верующих, так и исследователей.

Юность братьев прошла в космополитичных Фессалониках (по-славянски – Солунь), втором по величине городе империи. Они выросли в семье друнгария Льва – командира воинского подразделения в византийской армии. Вопрос об этнической принадлежности братьев является дискуссионным, но с детства они свободно говорили по-славянски, что свидетельствует об их славянском происхождении.

Как сообщается в Житии святого Кирилла (до принятия схимы носившего имя Константин), в семь лет ему в видении явилась София Премудрость Божия.

Учителями Кирилла были Лев Математик и Фотий I, впоследствии избранный Патриархом Константинопольским. По окончании обучения логофет Феоктист предложил Кириллу важную должность, приданое и брак с его духовной дочерью, но юноша выбрал монашество. Оба брата ушли на гору Олимп на малоазийском побережье Мраморного моря, которая была одним из главных центров византийского монашества в IX веке. При этом для Мефодия, старшего брата, монастырю предшествовали десять

лет успешной службы, должность губернатора провинции. Но и он решил бросить мир ради духовного делания.

Исследователи полагают, что там, на горе Олимп, Кирилл начал работу над славянской азбукой, а приезд в Константинополь моравского посольства, просившего о назначении епископов, стимулировал его труды. То есть, согласно этому предположению, местом зарождения славянской письменности можно назвать гору Олимп.

Алфавит Кирилла ученые отождествляют с глаголицей, а создание кириллицы приписывают его ученикам, как правило, святителю Клименту Охридскому. При работе над азбукой Кирилл оттачивался от греческого алфавита, однако он был дополнен буквами, созданными для передачи тех звуков славянского языка, которым нет соответствия в греческом. Любопытно, что буквам славянской азбуки приданы не заимствованные из какой-либо известной системы письма, а новые формы. Высказывалось мнение, что за графическую основу взяты три главных христианских символа – крест, круг и треугольник.

В 860 году Константин участвовал в византийском посольстве в Хазарский каганат. Он посетил также Херсонес, центр византийских владений в Крыму. Узнав, что останки папы Римского священномученика Климента находятся на полузатопленном островке в море, он убедил местного архиепископа их разыскать. Мощи святого торжественно были перенесены в Херсонес, а затем положены в кафедральном соборе. По свидетельству Анастасия Библиотекаря, Константин написал историю обретения мощей, умолчав о своем участии в этом событии. Также святой написал гимны в честь священномученика Климента. Возможно, сохранившееся в списках

XII–XIII веков служебной Минеи полное последование обретению мощей является славянским переводом этих гимнов.

С пребыванием Константина в Крыму связывается изучение им еврейского языка и письма, самаритянских книг. Исследователи считают, что создание славянской письменности предполагало изучение Константином ряда языков и систем письма.

Миссии Константина (Кирилла) и Мефодия в Великую Моравию, славянское государство на территории современной Чехии и Западной Словакии, предшествовал приход туда германских миссионеров, направленных Регинхаром, епископом Пассау (Бавария). Но в условиях конфликта между Моравией и Восточно-Франкским королевством князь Ростислав решил разорвать связи с Баварией и обратился в Константинополь с просьбой прислать «епископа и учителя». Император Михаил III решил, что таким учителем будет Константин – направлять епископа в далекую и незнакомую страну греки не решились. При организации миссии возник вопрос, имеют ли моравы азбуку. Константин разъяснил, что без азбуки не сможет выполнить учительскую миссию. Когда инициатива создания таковой была одобрена императором, ученый муж продолжил свои труды.

Был создан перевод богослужения для славян на родной язык – Константин перевел греческий сборник, в который, в частности, входила Литургия святителя Иоанна Златоуста. Исследователи считают, что результатом миссии солунских братьев, продлившейся 40 месяцев, стало заложение основ славянской письменной традиции, которая давала возможность славянам не только участвовать в богослужении на родном языке, но и позволила впоследствии создать собрание текстов на славянском

языке для более широких просветительских целей. В Житии говорится также, что князь Ростислав, собрав учеников, отдал их на обучение братьям, что позволило умножить эффект от просветительской миссии.

Как это нередко бывает, доброе дело не обошлось без препятствий. Миссия славянских первоучителей в Великой Моравии повлекла конфликт с немецким духовенством. Константин считал, что немцы были слишком снисходительны к языческим обычаям местных жителей, которые продолжали приносить жертвы идолам и вступать в многочисленные браки. В ответ немецкое духовенство выдвинуло свои обвинения. Дело в том, что по решению Карла Великого на местные языки были переведены молитвы «Отче наш» и «Символ веры». Подобные тексты, записанные на латинице, были принесены немецким духовенством и в Великую Моравию. Но делалось это инструментально, лишь для освоения латыни. Латинское духовенство выступало против перевода на «варварские» языки священных текстов, считая, что миряне не готовы их воспринимать. Все это определяло отрицательное отношение к богослужению на местных языках, поскольку во время службы должны были читаться переводы текстов Писания. Мнение равноапостольного Кирилла было противоположным, он выступал за доступность священных текстов всем членам общины.

Немецкое духовенство выработало сомнительное «учение», что богослужение должно совершаться лишь на трех языках: еврейском, греческом и латинском. При этом давалось любопытное обоснование – ведь только на этих языках была сделана надпись на кресте, на котором распяли Иисуса Христа. Святой Кирилл метко назвал это «триязычной ересью».

Реконструируя события тех лет, исследователи считают, что солунские братья хотели добиться создания независимой от духовных центров Восточно-Франкского королевства церковной структуры, во главе с епископами из числа своих учеников. Есть гипотеза, что они рассчитывали добиться рукоположений у Патриарха Градо (город на территории итальянской провинции Гориция) Виталия I, в канонической юрисдикции которого находились земли Венецианского дуката, тесно связанного в то время с Византией и часто занимавшего самостоятельную позицию по отношению к франкам.

В Венеции, куда Константин и Мефодий прибыли зимой 867 года, на созванном синоде священники выступили против них с обвинениями, аналогичными выдвинутым немцами в Моравии. Poleмика, с которой выступил святой Кирилл, основывалась на тезисе о природном равенстве всех людей, которым «одинаково светит солнце и которые одинаково дышат воздухом». В доказательство святой приводил цитаты из Псалтири о том, что все народы должны славить Бога, и из Евангелий о том, что апостолы должны нести веру всем людям, для чего Христос наделил учеников даром говорить на всех языках. Святые напомнили своим оппонентам и об изречениях Христа о книжниках и фарисеях, закрывающих для людей Царство Небесное, которые сами в него не входят и хотящих войти не пускают. Эти изречения были направлены против латинского духовенства, выступающего против использования национальных языков в богослужении.

Во время пребывания братьев в Венеции папа Николай I вызвал их в Рим. Но пока они были в пути, папа скончался, и их встретил новоизбранный папа Адриан II. Тут следует напомнить, что Константин

привез с собой мощи папы священномученика Климента, третьего епископа Рима, и, видимо, поэтому его приняли в городе с большим почетом. В Житии сказано, что Адриан II «освяти... книги словенския», возложив их на алтарь церкви Санта-Мария-Маджоре, что означало одобрение Римом создания для славян особого письма. Литургию на славянском языке служили сначала в базилике святого Петра, а затем и в других церквях. Но в Риме также нашлись сторонники «триязычной ереси», в том числе и один из епископов, которым папа поручил рукоположить учеников. Несмотря на одобрение папой славянского письма и богослужения, важная часть миссии братьев осталась невыполненной – их ученики стали священниками, а не епископами.

В Риме Константин заболел, принял схиму с именем Кирилл и вскоре скончался. Мефодий хотел отвезти останки брата на родину, но римский понтифик решил похоронить Кирилла в подготовленном для него самого саркофаге в базилике святого Петра, однако затем, по просьбе Мефодия, разрешил устроить гробницу в базилике Сан-Клементе в Риме, по правую сторону от алтаря.

В 1961 году, во время подготовки к торжествам в честь 1100-летия моравской миссии, было установлено, что во время французской оккупации Рима и существования Римской республики (1798–1799 гг.) реликварий с мощами перенесли в церковь Санта-Мария-ин-Валличелла. Вскоре власть папы Римского над городом была восстановлена, но судьба мощей святого оставалась неизвестной. В июле 1963 года в дворцовой капелле рода Античи-Маттеи в городе Реканати был обнаружен реликварий, в котором, согласно надписи, находилась кость равноапостольного Кирилла, но основную часть мощей

найти не удалось. В 1974 году частица мощей была передана Константинопольскому Патриарху Димитрию I; в настоящее время она хранится в Фессалониках, в храме во имя Кирилла и Мефодия. Просьба о даровании частицы мощей, переданная Римской курии в 2005 году Президентом Болгарии Г. Пырвановым от имени Синода Болгарской Православной Церкви, удовлетворена не была.

Вернемся в IX век, в котором святой Мефодий, следуя завету брата, продолжил миссионерские труды. Итак, папа Адриан одобрил славянское письмо и предписал его изучение местным населением, но, как утверждают исследователи, совершать богослужение на славянском языке все-таки не разрешил и, не признавая полномочий Мефодия как архиепископа Моравского и папского легата, угрожал ему отлучением от Церкви. Римская курия подчинилась власти Мефодия «славянские страны», устранив притязания баварского духовенства на власть над Великой Моравией. Однако в начале 870 году Ростислав, ведущий с немцами войну, попал в плен к Людовику Немецкому, и Великой Моравией стали управлять немецкие графы. Святой был арестован, а затем на синоде баварских епископов над ним состоялся суд. Хотя архиепископ Мефодий был лицом, подсудным лишь Римскому папе, баварский синод, предъявив обвинение в самовольном вторжении на территорию чужой епархии, приговорил его к лишению кафедры и заключению в монастыре. Есть предположение, что этим монастырем была обитель святого Пирмина в Райхенау на Боденском озере.

Впрочем, вскоре в Моравии произошло восстание, немецкие солдаты и священники были изгнаны, и Людовик Немецкий был вынужден начать мирные переговоры с новым моравским правителем

Святополком, в ходе которых встал вопрос об освобождении святого. Весной 873 года папа Римский Иоанн VIII объявил решение баварского синода ничтожным и послал легата Павла Анконского с поручением освободить Мефодия и возобновить его управление епархией. Вместе с тем Павел Анконский передал ему приказ папы не совершать богослужения «на варварском, то есть славянском, языке».

Архиерейское служение Мефодия проходило под знаком борьбы с немецким духовенством, которое после заключения мира вернулось в Моравию и не оставило своих козней. В 879 году немецкое духовенство обвинило равноапостольного Мефодия в совершении богослужений на славянском языке. Папа Римский Иоанн VIII вызвал святого в Рим для рассмотрения жалоб. Немцы ожидали осуждения своего противника, но их надежды не оправдались. Мефодий прибыл в Рим, когда для курии открывалась возможность распространить свое влияние на большие территории Балкан, и славянская письменность могла этому способствовать. Вероятно поэтому со святого были сняты все обвинения, и он был вновь утвержден в архиепископском сане.

В 880 году папа Римский решил совершать богослужение на славянском языке при одном лишь ограничении: текст Евангелия должен был сначала читаться на латыни. Затем последовало новое обострение отношений Мефодия и немецкого духовенства, которое вновь протестовало против богослужения на славянском языке и введения византийских церковных обычаев. В ходе конфликта Мефодий отлучил местного немецкого епископа Вихинга от Церкви.

6 апреля 885 года 60-летний Мефодий умирает, благословив своего ученика Горазда продолжить дело их с братом жизни. Но папа Стефан V, пообщавшись

с Вихингом, рекомендует князю оставить его епископом. А тем временем Вихинг и папские легаты при попустительстве моравского правителя Святополка начинают преследовать учеников Кирилла и Мефодия и уничтожать их славянскую церковь. До 200 ее клириков, рукоположенных Мефодием, изгнаны из страны или проданы в рабство. Так, в Моравии и вообще у западных славян, примкнувших к германо-романскому миру, труды равноапостольных братьев были попорчены, и папа Римский в качестве окончательного аккорда запретил богослужение на славянском языке на своих канонических территориях. Может показаться, что сделанное понтификом умаляет многолетние усилия равноапостольных братьев, но это не так. У южных славян – хорватов, сербов, болгар, и, конечно же, у народов исторической Руси, соединивших свои судьбы Православием, семена веры, брошенные Кириллом и Мефодием, давали и будут давать обильные всходы.

Сегодня восемь стран отмечают День славянской письменности и культуры: Россия, Украина, Белоруссия, Болгария, Северная Македония, Сербия, Чехия, Молдова.

Почитание Кирилла и Мефодия, учителей словенских, пришло на Русь с принятием христианства через болгарское посредство. С распространением идей панславизма и славянофильства в XIX веке интерес к жизни и деятельности славянских просветителей растет, издаются первые исследования, посвященные Кириллу и Мефодию. Почти во всех публикациях того времени подчеркивалась важность их трудов, определивших самосознание славянских народов. Солунских братьев стали воспринимать как объединителей всех славян, как символ стремления прежде всего южных славян к независимости от Османской империи.

Не в меньшей мере святые почитались как покровители просвещения. В 1855 году российский историк М. П. Погодин передал подаренную ему в Праге частицу мощей святого Кирилла домовому храму Московского университета. 8 сентября 1862 года в Новгороде был открыт монумент «Тысячелетие России», где среди выдающихся деятелей Отечества первыми в ряду просветителей стоят равноапостольные Кирилл и Мефодий.

В 1985 году в СССР, когда отмечалось 1100-летие преставления Мефодия, день 24 мая был объявлен праздником славянской культуры и письменности, а 30 января 1991 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял постановление о ежегодном проведении «Дней славянской культуры и письменности». 25 декабря 2009 года по инициативе Святейшего Патриарха Кирилла учреждена ежегодная Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, которая вручается «За значительный вклад в развитие русской литературы».

Предстоятель Русской Церкви в одной из своих проповедей, посвященных памяти святых, заметил: «Вознося благодарение Господу за великий апостольский труд солунских братьев Кирилла и Мефодия, мы обращаем к ним свою молитву, чтобы они своим предстательством пред Господом и Спасителем не оставили свое наследие – славянские народы. Конечно, мы молимся и особенно просим их о всей исторической Руси, которая стала наследницей Византии и, пройдя через кровавые гонения, нашествия иноплеменников, междоусобные брани, не только сохранила, несмотря на тяжелейший исторический опыт, наследие святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, но и приумножила это наследие».

СЕГОДНЯ ИНОЕ ПРИХОДИТ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА

В Москве состоялась торжественная церемония вручения новой литературной премии «Гипертекст»

ТАТЬЯНА АКСЕНОВА

Выступление председателя жюри премии «Гипертекст» — главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева
Фото: Максим Гончаров

Много лет писатели и поэты вели разговоры о честной государственной премии в области литературы. Писались статьи, ломались копыя, велись злободневные дискуссии. И среди пишущей братии, и в читательской среде давно назрела необходимость такой премии.

И вот в Москве, в большом зале Центрального дома литераторов (ЦДЛ), 3 апреля 2023 года состоялась торжественная церемония вручения новой литературной премии «Гипертекст», которая учреждена в память об Александре Борисовиче Чаковском — писателе

и многолетнем главном редакторе «Литературной газеты».

В наше время трудно переоценить значение этого события ради сохранения великого русского языка и литературы. Как сказал, нынешний главный редактор «Литературной газеты», а также председатель оргкомитета и жюри премии «Гипертекст» Максим Замшев, «премия «Гипертекст» — это не только возможность определить и наградить лауреатов, но и желание утвердить всех в мысли, что ничего нет лучше современной русской литературы».

«Гипертекст» — это не только текст на бумаге и не просто текст

в социальных сетях, это текст, существующий в пространстве, в умах и в сердцах людей. Это больше, чем текст», — отметил руководитель проекта Александр Чистяков.

Президентский фонд культурных инициатив РФ выделил призовой фонд свыше 4,5 млн. рублей. Премия стала не только одним из самых масштабных и значимых проектов в области литературы и культуры, но и международным событием уже в первый год своего существования. На конкурс поступило свыше 3000 заявок из 73 субъектов России, Беларуси, Южной Осетии, Израиля и Казахстана. Очные презентации и экспертные обсуждения конкурсных произведений прошли во всех Федеральных округах РФ, собрав аудиторию более одного миллиона человек. По итогам было определено 50 авторов из 24 регионов России, Беларуси, Южной Осетии и Израиля, произведения которых составили Золотой рейтинг «Гипертекста», завершенный «Литературной газетой». Наравне с уже известными авторами и литературными деятелями, такими как Залму Батирова (поэма «Волчий урок»), Алексей Небыков (рассказ «Апостасия от любви»), Тамерлан Тадгаев из Южной Осетии (сборник «Ангелы Бесы»), Инесса Плескачевская из Беларуси (книга-исследование «Братья по лагерю»), Ренат Харис (поэма «Летят гуси на Донбасс»), Юрий Быков (сборник «Солнце светит одинаково»), в него вошли

и молодые авторы из разных регионов России: поэт Андрей Назаров из Кемерово, прозаик Георгий Гобаев из Северной Осетии и многие другие. Финалистами премии стали 11 литературных блогеров из Москвы, Татарстана, Санкт-Петербурга, Казани, Томска, Волгоградской и Московской областей. Это литературные обозреватели нового поколения, ведущие блогов и каналов на Yandex.Dzen, ВКонтакте и в Telegram.

А в ЦДЛ представляли зрителям и награждали лауреатов в главных номинациях (500 тыс. рублей победителю в каждой номинации).

В номинации «Проза» победителем стал Павел Крусанов (Санкт-Петербург) за сборник «Голуби». «Чувствую себя вороной, – сказал на церемонии награждения Павел, – которой Бог послал кусочек сыра. Теперь главное – не каркнуть... А если серьезно, то автору, не избалованному широким читательским вниманием, подобные церемонии весьма приятны...»

В «Поэзии» это небезызвестный руководитель Московского театра поэтов, заслуженный деятель искусств России, художественный руководитель Государственного музея Сергея Есенина в Москве Влад Маленко. Принимая награду, он сказал: «Получить такую престижную премию – не поле перейти, пусть даже весной. Спасибо ареопагу, принявшему решение, спасибо моим верным читателям! На любую победу я привык смотреть в перевернутый бинокль, чтобы почти не было видно этих дурацких пресловутых медных труб. Скажу только, что сам Бог велел посвятить сегодняшнюю радость моему отцу Валерию Васильевичу Маленко, памяти которого и посвящен поэтический сборник “Море волнуется разное”».

«За вклад в литературный процесс» премию вручили Виктории Самойловне Токаревой (Москва).

В номинации «Литература молодых» («Дебют» за первую книгу, «Рукопись» и др.) размер премии составил 200 тыс. рублей для пяти лауреатов совокупно по итогам обеих номинаций. Премию получили: Анна Гурина (Москва) за сборник стихотворений «Обратная сторона игры», Анна Долгарева (Донбасс) за сборник стихотворений «Вернись живой», Полина Кондратенко (Гатчина) за цикл стихотворений «Незабудки под ребром», Игорь Озерский (Москва) за роман «Безымянные», Анастасия Сопикова (Воронеж) за роман «Тоска по окраинам».

В номинации «Литературный блогер» (размер премии 200 тыс. рублей для пяти лауреатов) победителями стали:

Сергей Ефимов (Канаш – Балашиха Московской области) за Telegram-канал «Сергей Orthodox», Дэви Наир (Москва) за канал на Yandex.Dzen «Литпульс», Иван Родионов (Волгоградская область) за блог ВКонтакте «сЧётчик», Станислав Секретов (Москва) за блог ВКонтакте «Хорошие книги», Наталья Суховейко (Томск) за канал на Yandex.Dzen «чопочитать».

В номинации «Русский перевод» (перевод с языков народов РФ и СНГ) премия в 500 тыс. рублей была вручена двум парам лауреатов (авторам и переводчикам). Это Еремей Айпин (Ханты-Мансийск) за роман «В поисках Первоземли» в авторском переводе на русский язык, Эрдни Эльдышев (Элиста) за сборник рассказов и поэм «Дети черных земель» в переводе Александра Соловьева (Элиста).

Учитывая тематику и остросоциальную концепцию, отвечающую идеологии спецпроекта «Литературной газеты» «Настоящее Прошлое», направленного на противодействие искажению истории и сохранение

исторической памяти, сборник «Ангелы Бесы» Тамерлана Тахтаева (Южная Осетия) и книга-исследование «Братья по лагерю» Инессы Плещачевской (Беларусь) были выдвинуты на премию Дельвига 2023 года.

Конкурс на литературную премию «Гипертекст» является открытой площадкой для литераторов, деятелей культуры, искусства и науки, отражающих в своих работах актуальные проблемы современного общества и способствующих сохранению многонационального культурно-исторического наследия России. В жюри премии вошли такие известные деятели литературы, как автор «Тотального диктанта – 2023» Василий Авченко, обладатель титула «Король поэтов» Дмитрий Воденников, ведущий семинара в Литературном институте им. А. М. Горького, литературовед, телеведущий Игорь Волгин, обладатель золотого пера отечественной литературной критики Вадим Левенталь, автор знаменитых фантастических романов Сергей Лукьяненко, лауреат премии «Национальный бестселлер» Сергей Носов, поэтесса Анна Ревякина, литературовед Сергей Чаковский, общественный деятель Сергей Филатов. Председатель жюри – главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев.

А в перерывах между награждениями лауреатов новой литературной премии звучали джазовые импровизации Сергея Летова, романсы и песни в исполнении солиста московского театра оперетты Артема Маковского. И песни из репертуара Эдит Пиаф в исполнении несравненной Нины Делон.

«Поэт в России больше, чем поэт», и писатель – не камерный, и лучший текст – гипер, то есть больше, чем просто текст. Мы по-другому не умеем.

ЭРМИТАЖ ЕКАТЕРИНЫ II

Собирательская деятельность великой российской императрицы получила широкую известность и признание по всему миру

ВИКТОРИЯ ФЕДОРОВА

Рембрандт Харменс ван Рейн. «Святое семейство и ангель». 1645

Своим возникновением Эрмитаж обязан Екатерине Великой, которая в 1764 году приобрела более 200 картин из частной коллекции немецкого купца Иоганна Эрнста Гоцковского. Эта дата и стала считаться годом рождения музея.

В первую коллекцию музея вошли шедевры ведущих мастеров голландско-фламандской школы – Рембрандта, Рубенса, Йорданса, Ван Дейка и других.

В том же 1764 году императрица распорядилась построить

на набережной Невы, рядом с Зимним дворцом, павильон для своей частной картинной галереи. Проект разработал французский архитектор Жан-Батист-Мишель Валлен-Деламот, один из основоположников раннего русского классицизма.

Павильон стал называться Эрмитажем (от французского слова *ermitage* – «уединенный уголок»); доступ к нему был долгое время открыт лишь узкому кругу ценителей искусства. Екатерина любила говорить, что ее сокровищами наслаждаются только она да мыши.

Правда, государыня не упускала случая показать коллекцию уникальных шедевров европейского искусства послам и государственным деятелям из других стран, дабы они могли удостовериться, что картинная галерея русской императрицы – одна из лучших в Европе. Таким образом собирательская деятельность Екатерины Великой сразу получила широкую известность и признание по всему миру.

Продолжая пополнять коллекцию музея, мудрая императрица преследовала главную цель, причем скорее политическую, нежели культурно-просветительскую, – поддержать престиж России как великой европейской державы во главе с просвещенной монархиней.

В 1769 году Екатерина II приобрела для своего музея еще около 600 работ голландских, фламандских, французских и итальянских художников из коллекции бывшего первого министра короля польского и курфюрста саксонского Августа III.

Но самой громкой покупкой стало приобретение уникальной коллекции финансиста Пьера Кроза, которая после его смерти в 1770 году досталась наследникам. Переговоры с ними вели русский дипломат князь Дмитрий Голицын и французский философ-просветитель Дени Дидро.

В результате в 1772 году в Россию прибыло судно «Ласточка» с бесценными произведениями искусства в 17 ящиках, отправленных Дидро из Франции.

В одном из писем знаменитый философ писал Екатерине Великой: «Я вызываю настоящую ненависть в обществе, и знаете почему? Потому что посылаю вам картины. Вопят любители, вопят художники, вопят богачи...»

Среди шедевров собрания Кроза были «Святое семейство» Рафаэля, «Юдифь» Джорджоне (единственная в России работа этого мастера), «Даная» Тициана, «Даная» и «Святое семейство» Рембрандта, «Оплакивание Христа» Веронезе, «Рождество Иоанна Крестителя» Тинторетто, а также «Вакх» и «Портрет камеристки инфанты Изабеллы» Рубенса, «Автопортрет» и «Портрет Вирджинии Чезарини» Ван Дейка, «Мальчик с собакой» Мурильо.

Сенсацией стало и приобретение императрицей коллекции выдающегося британского государственного деятеля Роберта Уолпола, которую продавал его внук Джордж Уолпол. В Англии потерю уникального собрания расценили как национальное бедствие.

Благодаря Екатерине II в России оказалась и знаменитая скульптура Микеланджело «Скорчившийся мальчик» (единственная работа великого итальянца в России) из коллекции английского банкира Лайд-Брауна, приобретенной императрицей в 1785 году.

«Проспект вниз по Неве-реке между Зимним дворцом и Академией наук». Гравюра Г. А. Качалова и Е. Г. Виноградова по рисунку М. И. Махаева. 1753

В целом Екатерина Великая приобрела для Эрмитажа почти 4000 работ выдающихся мастеров изобразительного искусства.

В годы советской власти часть эрмитажной коллекции была

распродана, в том числе и 59 шедевров мирового значения (48 из которых были приобретены Екатериной II), включая работы Яна ван Эйка, Тициана, Рембрандта и Рафаэля...

Э. П. Гау. Интерьер зала итальянской живописи. 1859

ДВЕ ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОГО МУЗЕЯ

«Последний день Помпеи» Карла Брюллова и «Тайная вечеря» Николая Ге – одни из самых знаменитых шедевров русского искусства, которые хранит в своих стенах Русский музей

ОКСАНА КОПЕНКИНА,

арт-аналитик, основатель сайта «Дневник живописи»

Карл Брюллов. «Последний день Помпеи». 1833

Четыре года подготовки, еще год непрерывной работы. Несколько обмороков в мастерской. И вот результат – 30 квадратных метров, на которых изображены последние минуты жизни жителей Помпеи (в XIX веке название города было женского рода).

Шедевр Карла Брюллова произвел настоящий фурор. Сначала в Европе (картина была создана в Риме), а потом и в России. Критики называли Брюллова ожившим Тицианом, а Николай I удостоил художника личной аудиенции.

Критиковал картину лишь Александр Бенуа, известный историк искусства XIX–XX веков. Причем критиковал весьма злобно: «Эффектничание... Живопись в расчете на все вкусы... Театральная крикливость...»

Что же так поразило современников Брюллова, да и сейчас не оставляет зрителя равнодушным? И что так раздражало Бенуа?

Мы видим на картине невероятного трагичный момент: через несколько минут все эти люди погибнут. Но нас это не отталкивает – нас завораживает красота... Красота людей, красота катастрофы.

В 1828 году молодой Брюллов жил и работал в Риме. Незадолго до этого археологи начали раскопки трех погибших от извержения Везувия городов – Помпей, Геркуланума и Стабий. Конечно, Брюллов не мог пройти мимо такого события и от-

у Геркуланских ворот на самом деле была обнаружена под слоем пепла в Помпеях. И до сих пор там можно увидеть руины храма с лестницей.

Художник лично изучал останки погибших, и некоторых героев картины он нашел именно в Помпеях.

правился на место раскопок. К тому времени Помпеи были расчищены лучше всего. Художник был так поражен увиденным, что почти сразу приступил к работе.

Несмотря на всю «театральность», о которой говорит Бенуа, в картине Брюллова много правды. Место действия не было выдуманно мастером. Такая улица

Например, погибшую женщину, обнимавшую двух дочерей. На одной из улиц были найдены колеса от повозки, разбросанные украшения. Так у Брюллова возникла идея изобразить гибель знатной помпеечки. Среди обнаруженных скелетов Брюллов видел и языческого жреца, который пытался унести с собой свои богатства.

На картине здания рушатся «правильно»: вулканологи утверждают, что Брюллов изобразил землетрясение в восемь баллов. Причем очень достоверно. Именно так и разваливаются строения при подземных толчках такой силы.

Продумано у Брюллова и освещение. Лава Везувия так ярко освещает задний фон, так насыщает красным цветом постройки, что кажется, будто они горят. При этом передний план освещен белым светом от вспышки молнии. Этот контраст делает пространство особенно глубоким и правдоподобным.

Но в изображении людей правдоподобие заканчивается. Здесь Брюллов, конечно, далек от ре-

перед лицом смерти они божественно красивы!

Да, это максимально эстетичная катастрофа. В этом Бенуа был прав. Но ведь только благодаря этой театральности мы не отвращаемся от картины в ужасе. Это скорее красивая легенда, нежели суровая реальность.

Интересно, что все основные героини картины имеют одно лицо. В разных возрастах, с разными выражениями, но это одна и та же женщина – графиня Юлия Самойлова, любовь всей жизни Брюллова. (Портрет Самойловой кисти Брюллова также хранится в «Русском музее»). На полотне можно увидеть и самого Брюллова – в роли художника, который

Николай Ге. «Тайная вечеря». 1863

Шедевр Брюллова был принят публикой с восторгом, а вот с картиной Николая Ге все было сложнее. Не любил ее, например, Достоевский. Слишком приземленной она ему казалась. Недовольна была и церковь, которая даже добилась запрета на выпуск репродукций.

Отчего же такая неоднозначная реакция на картину? Как изображал Тайную вечерю Леонардо да Винчи? Стол, вдоль которого Христос и 12 апостолов сидят и трапезничают. Иуда среди них. У Николая Ге все иначе. Иисус возлежит, что как раз Библии соответствовало. Именно так принимали пищу иудеи 2000 лет назад, по-восточному. Христос уже произнес свое страшное предсказание, что один из учеников предаст его. Он знает, что это будет Иуда, и просит его сделать, что задумал, не откладывая. Иуда уходит. Мы словно сталкиваемся с ним в дверях. Он накидывает на себя плащ, чтобы уйти в темноту – и в прямом, и в переносном смысле. Его лица почти не видно, а его зловещая тень падает на оставшихся.

Здесь очень сложные эмоции. Иисус глубоко, но смиренно переживает предательство ученика. Петр возмущен. У него горячий характер, он вскочил и недоуменно смотрит вслед Иуде. Иоанн не может поверить в происходящее – он, как ребенок, который впервые столкнулся с несправедливостью.

А еще апостолов меньше двенадцати. Видимо, для Ге не было столь важным уместить всех. Для церкви же это было принципиально.

лизма. Что бы мы увидели, если бы он был более реалистичен? Хаос и столпотворение. Мы не имели бы возможности рассмотреть каждого героя. И они были бы изрядно перепачканы сажей и грязью, а их лица – искажены ужасом.

Но на картине Брюллова группы героев расположены так, что мы видим каждого из них. И даже

держит над головой ящик с кистями и красками.

«Последний день Помпеи» – это рассказ о катастрофе, преподнесенный очень красиво и эффектно. Герои самозабвенно сыграли свои роли, спецэффекты – на высшем уровне, свет поставлен феноменально. Это театр, но очень профессиональный театр.

ПЕТЕРБУРГ МСТИСЛАВА ДОБУЖИНСКОГО

Из книги Сергея Маковского «Силуэты русских художников» (1921)

Мстислав Добужинский. Портрет работы Осипа Браз. 1922

Мстислав Валерианович Добужинский – его творчество, да и весь облик, стройный, по-европейски сдержанный, чуть насмешливый – может быть, самое петербургское из всех воспоминаемых мной о Петербурге...

Странный, необыкновенный город Петербург. Автор «Преступления и наказания» называл его самым фантастическим на земном шаре, оттеняя какой-то особый прозаизм Петербурга, его миражную будничность, его посястороннюю

жуть. «Умышленный» город – сказал еще Достоевский и выразил некую сущность Петровой столицы, призрачной Северной Пальмиры, с ее сумасшедшей историей, с ее великодержавным лоском и провинциализмом, с ее особняками и промозглыми питейными заведениями – рядом с ее проспектами, чугунонорешетчатыми набережными, рынками, пустынными площадями и захолустными переулками, и вечной слякотью, и гнетущим мраком зимой, и летнею пылью, и сумеречными весенними ночами, и неизбежными наводнениями осенью, когда палит пушка Петропавловской крепости, сотрясая стены политических казематов, и ветер, петербургский, ни с каким другим не сравнимый, «отовсюду дующий» ветер обдаёт лица прохожих колючей изморозью...

Но не таким только вспоминается мне Петербург, город Раскольникова, и злополучного Акакия Акакиевича, и Аполлона Аполлоновича (из романа Андрея Белого). Я вижу и тот, другой, «Старый Петербург», величественно-строгий, но почти ласково выплывающий из туманов прошлого, Петербург братьев Трезини, Растрелли, Тома де Томона, Воронихина, Баженова, Захарова, – Петербург, каким Достоевский его не видел, но видел Пушкин, каким представляется он на литографиях начала XIX века и каким полюбили его художники в начале XX... И мерещится еще третий, мой собственный Петербург, до боли памятный, – Петербург неизгладимых детских впечатлений, оттеснивших все остальные,

Петербург, с которым смешиваются воспоминания о первых печалаях и восторгах сердца: о беготне на горке у памятника Петра, о балаганах на Царицыном лугу, о первых рождественских елках, об откидных ступеньках кареты, доставившей меня в первый раз в Большой театр, и обо всем таинственном игрушечном мире детской, прекрасном, как позже не бывает ничто и никогда.

Можно ли примирить между собою эти три столь разных Петербурга: полубред «Записок из подполья», мечту ретроспективистов «Мира искусства» и сон-воспоминание младенческих лет? Примирить так, чтобы не каждый Петербург волновал отдельно, а все вместе – дополняя друг друга, сливаясь в художественное целое? Примирение я нахожу в графике Добужинского. Для меня волнующая прелесть этой графики в «петербургскости» одинаково близкой и Достоевскому, и Пушкину, и... Андерсену. Положительно не знаю, какая нота звучит у него сильнее. Они созвучны в его искусстве, соединяющем элегичность, навеянную альманахами 30-х годов и панорамами «Санкт-петербурха», и лукавую романтику по детским воспоминаниям, и поэзию неизъяснимой городской жути. Я имею в виду не один петербургский пейзаж Добужинского, но весь аромат его графической лирики: какую-то насыщенность «Петербургом» в кавычках этих рисунков, отдающих по большей части старинкой и в то же время заостренных иронией современника, чтощего детские сны и от снов переходящего так естественно к сказкам-будням города. Добужинский всегда грезит и всегда наблюдает, любит и посмеивается, оплакивает дни минувшие и связан с явью, жестокой, мучительной, подчас безотрадной, подчас увлекающей терпким волшебством.

В Добужинском отлично уживаются эстет, забавник и психолог: эстет, сентиментально оглядывающийся назад на милые петербургские могилы, на милую русскую провинцию времен очаковских, забавник, умеющий, как никто, очаровать игрушечной чертовщиной, психолог, более глубокий, чем это кажется на первый взгляд, знающий цену искушениям и призракам жизни.

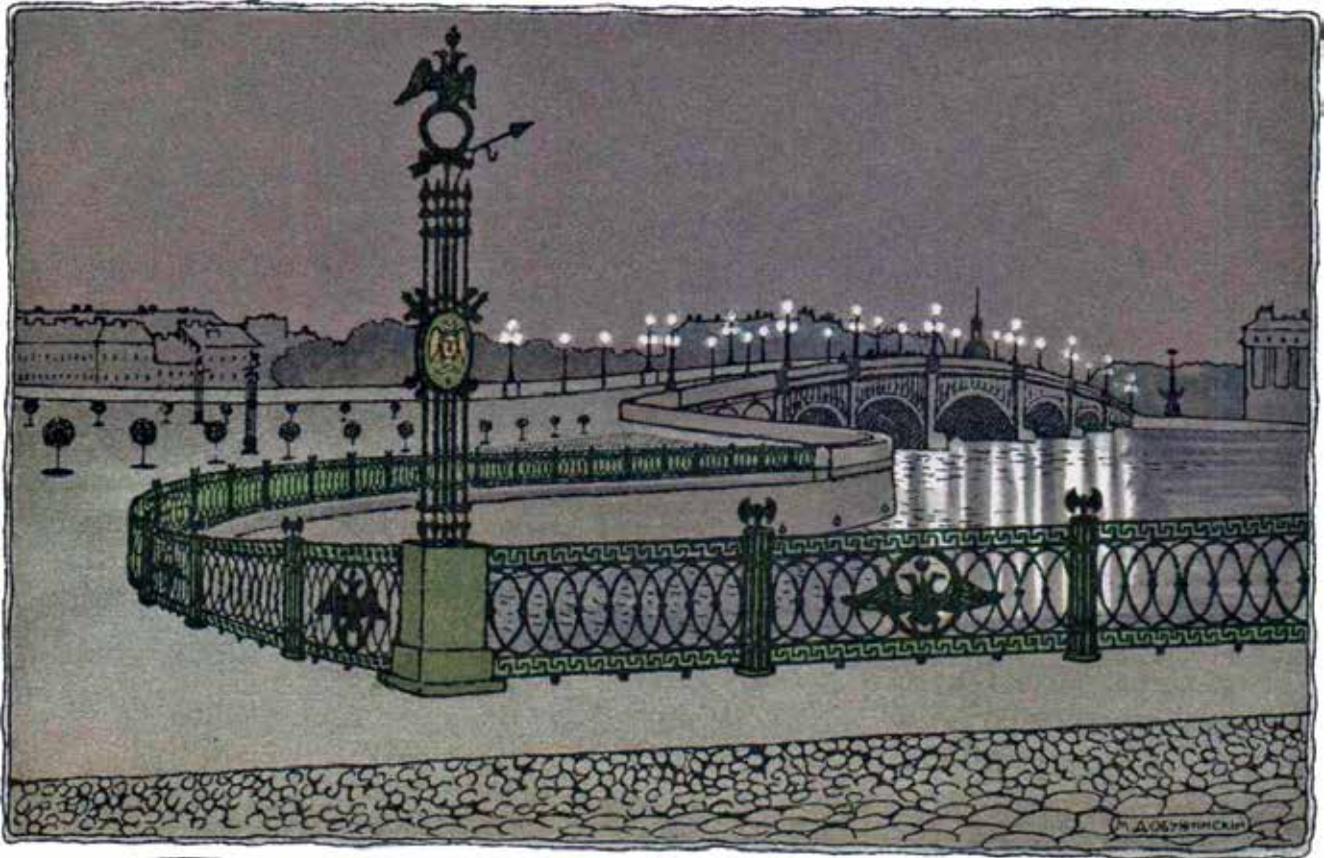
Так я ощущаю индивидуальность Добужинского, сквозящую в каждом его рисунке, в каждом штрихе, и это ощущение воскрешает во мне Петербург, оставшийся где-то позади, щемяще-близкий и далекий, – самый русский и самый нерусский город в России, поистине фантастический и умышленный город, прекрасный и уродливый, хмурый и ласковый, просторный и тесный, юноша-город в сравнении с другими европейскими центрами, и до чего дряхлый, до чего веющий неизбежно грустью исторических реминисценций... Добужинский – весь от Петербурга и от эстетической культуры «Мира искусства», такой типично петербургской. Конечно, только в Петербурге, духовной и физической родине европеизованной России, и могла сложиться или, точнее, окристаллизироваться эта культура дилетантствующего европейства, которой как бы подведены итоги художествам и бытовым очарованиям послепетровских веков.

«Мир искусства» – целая эпоха, и теперь еще не вовсе закончившаяся как будто, невзирая на художественные сдвиги десятилетий: эпоха декоративной выдумки, стиализма и лирического гротеска. Я подразумеваю прежде всего живопись и графику, но это определение можно отнести с оговоркой и к литературе, и даже к музыке... «Мир искусства» ретроспективен, мирискусники – энтузиасты старины. Но в то же время, мы

знаем, мирискусничество как мировоззрение – отнюдь не уклон к художественной консервативности, а, напротив, последовательное принятие всех находок и соблазнов новаторства. Влюбленность в прошлое никогда не мешала мирискусникам увлекаться, хоть и не заразиться, «современностью», вплоть до крайностей самой злободневной моды. Не сказало ли тут влияние все того же Петербурга, влияние антиномий, столь национальных, свойственных этому странному, необыкновенному городу?

Двойственность художественной идеологии, унаследованная Добужинским, как и многое другое, от старших друзей по «Миру искусства», достигает в его творчестве своеобразной остроты. Больше, чем кто-нибудь, он всегда в двух мирах: в очарованной стране мертвых и на земле живых. Константин Сомов – тот, кажется, ни разу не изменил возлюбленным своим призракам, не изменил просто потому, что не мог не дышать воздухом отчизны «сто лет тому назад». Александр Бенуа усиленно рвался прочь, на свободу, из колдующей тишины осеннего Версаля и написал этюды в Бретани, в Лугано, в Крыму, чтобы почувствовать себя современным пейзажистом; Стеллецкий давно сделался неуклонным стилистом, воспринимающим все и вся по древнеиконописному; Судейкин был и остался пленником кукольных фигурок, соскочивших со старинных лубков и дедовского фарфора; Лансере, Билибин, покойный Нарбут, Чехонин, Митрохин и другие стилисты, к ним примыкающие, если и не лишены сознания реальности, то во всяком случае чужды тому, что французы называют *peinture de chevalet*. У многих это чувство как бы атрофировалось под влиянием непрерывного стилистического искусства. <... >

Добужинский, конечно, стилист, но он не пленник прошлого. Он

Троицкий мост

М. В. Добужинский. «Троицкий мост». 1903

неугомонный перебежчик из страны мертвых в «актуальность» нашего бесстильного бытия, наших городских будней, волнующих подчас перспективами футуристского эйнштейновского царства. Если он большею частью и ретроспективен, то скорее по техническому навыку, а не от связанности воображения. Одновременно его тянуло, и властно тянуло, в другую сторону, и не составляло для него никакого труда, стряхнув старонкижность, подойти к теме без призм стилия. В особенности – когда дело касалось городского пейзажа. Недаром его назвали «художником города». Он умеет с глаза на глаз с каким-нибудь

излюбленным мотивом передать внимательным штрихом не столько формальную структуру, сколько линейную выразительность городского куска, – одушевленность кирпичных и бетонных громад с трубами, оконными дырами и гримасничающими вывесками, с заборами в афишах, сонными фонарями и провинциальными тумбами вдоль тротуаров. Такие мотивы избирал он часто: монументальное нищенство домов-ульев, убогую фантастику дома-тюрьмы, стены, облупленные дождевыми потоками, прокопченные фабричным дымом, углы столичных окраин и жалкие захолустья с подслеповатыми, сторбленными лачугами и вековой

грязью и глухонемой провинции, каких немало было в мое время чуть ли не в центре Его Величества Петербурга...

Не только у развалин, поросших мхами, не только у переживших столетия зданий-мавзолеев своя душа, нелюдимая и настороженная; у домов и домиков и у небоскребов, громоздящих к небу узкие этажи, почернелых от житейского смрада, изъеденных приливами и отливами людского потока, тоже душа, бердящая мысль жалобой одушевленных неодушевленностей. И чем неказистее наполняющая их жизнь, тем иногда фантастичнее их молчание. Пещерами троглодитов кажутся вдавленные в землю

подвалы, зубцами первобытных кремлей – мансарды и слуховые окна над крышами; как сигнальные башни торчат дымоотводы, а телефонные столбы с перекладинами похожи на виселицы. Неугомонно копошится, стонет и ропщет за их стенами озабоченный, усталый человек... Но бывают минуты, когда даже вблизи они кажутся необитаемыми, отошедшими в вечность руинами, и тогда их затишье – как тишина кладбищ. Бывают и другие минуты, когда от их неподвижности исходит странное напряжение. Они напоминают притаившихся чудовищ; вот-вот зашевелиятся спины крыш и, как щупальца, распрявятся коленчатые водостоки, и зевнут ворота, и засверкают хищными зрачками ряды окон...

Такие минуты бывают часто в глуши петербургских закоулков – ведь они любят сумрак, а есть ли город сумеречнее Петербурга? И есть ли город, где около парадных господских улиц, на которых не позволялось, еще на моей памяти, лавки открыть и прогромыхать ломовику, были такие безнадежные закоулки, вопиющие к небу о ничете, такие непроездные мостовые в аршинных выбоинах и деревянные дома-карлики, и заваленные мусором дворики, и огороженные пустыри, и тупики с подкравшимися друг к другу, словно заговорщики, крылечками, и с помойками на самом виду, и с какими-то неизвестно для чего поставленными будками, и с канавами, заросшими репьем и ромашкой.

Не о таких ли местах размышление Достоевского в его «Белых ночах» – помните?

«В эти места как будто не заглядывает то же солнце, которое светит для всех петербургских людей, а заглядывает какое-то другое, новое, как будто нарочно заказанное для этих углов, и светит на все иным, особенным светом. В этих углах выживается как будто совсем

другая жизнь, не похожая на ту, которая возле нас кипит, а такая, которая может быть в тридесятом неведомом царстве, а не у нас, в наше серьезное-пресерьезное время. Вот эта-то жизнь и есть смесь чего-то чисто фантастического, горячо идеального <...> чтоб не сказать: до невероятности пошлого».

Сколько раз страсть к бродяжничеству заводила и меня в эти столичные углы, – уж я не говорю о Гавани, о Петербургской стороне, о Песках, – совсем поблизости от улицы Ивановской, на которой я жил, и всегда мерещились мне в этих углах, как издали и сейчас, подкрашенные акварелью или пастельными карандашами рисунки Добужинского: задумчивая исповедь петербуржца, умеющего подстеречь говорящее безмолвие и многолюдное безлюдие притаившихся домов-логовищ.

В этой графической исповеди Добужинского много и других страниц, совсем не «от Достоевского», а посвященных Петербургу прошлых царствований и русской ампира-николаевской провинции, старой Вильне и старинным кварталам Лондона, так удивительно напоминающим именно Петербург, как заявил мне Добужинский, возвратясь из этого города городов с пачкой путевых зарисовок... Наконец, один из последних его трудов – литографии, навеянные пейзажем Петербурга в годы революции. Естественно, что я не могу судить, не выдав его в эти годы, о проникновении художника в меланхолию столицы, обреченной событиями на временное запустение. Знаю только, что очень печален и красив, по-новому красив и печален и по-прежнему обворожительно необыкновенен и жуток город Петра на этих литографиях Добужинского.

Еще дряхлей его недревняя дряхлость, увядаящая мысль к дням первых императоров, строителей его

европейского великодержавия; еще строже силуэт Петропавловской крепости, этот герб Петербурга прокалывающий золотым шпилем ладожские воды Невы; еще угрюмей колоннада зимнего Исаакия о котором кто-то из поэтов (не помню кто) сказал: «На нем трех царств изображение – гранит, кирпич и разрушение»; еще загадочнее сфинксы около кокоринской Академии, задумчивее Львиный мост, липы Летнего сада, аристократическая панорама Английской набережной и ряд других пейзажей столицы, словно обезлюдевшей навсегда, приобщенной суровому безмолвию всеуравнивающей земной вечности... Как бы в подтверждение этим мыслям, появилась в Петербурге своеобразная декоративность смерти, никак не свойственная его возрасту, – картина, полная гибели и разрушения, развалины заглохших или выгоревших домов, до которых никому нет больше дела, почти такие же руины, поросшие «мхом забвения», каким заворачивает Рим Пирамиды.

Прежде в Петербурге не было руин, не могло быть, но «настроение развалин» всегда в нем было, я уверен – даже во время цветущей его молодости. Иначе... не написал бы Пушкин «Медного всадника», не так бы написал, словно ноябрьское наводнение 1824 года – для него (в 1830 году) событие – легенда давно минувших лет. Иначе не был бы так дряхл Петербург и у другого певца его, Достоевского, так призрачно-дряхл, будто бы наваждение – весь этот гигант всероссийский и суждено ему сгинуть столь же внезапно, как он возник из мглы финского приморья «на берегу пустынных волн». Иначе не полюбили бы его «любовью старины» художники «Мира искусства» и не окрасили бы этой щемящей любовью своего творчества, и не стал бы

М. В. Добужинский. «Петербургский домик». 1905

Старый Петербург излюбленной темой модернистов, воспитавших свой вкус в свободных мастерских Парижа и Мюнхена.

«Старому Петербургу» главным образом посвящена и собственно книжная городская графика Добужинского. Пейзажи современного города, о которых я сейчас говорил (включая и литографии), графичны по манере, но многое в них относится к «живописному рисунку»; обнаруживая графический навык автора, они остаются трехмерным изображением. Переходя к плоскому изображению пером, т.е. рассчитанному на украшение книжной страницы и, во всяком случае, приближающемуся к виньетке, Добужинский предпочитает строгие

линии старинной архитектуры чудовищностям современной улицы. По несколько раз стилизованы им такие мотивы Петербурга, как старый «Чернышев мост», «Фонтанка», «Александринский театр», «Новое Адмиралтейство» и т.д. <...>

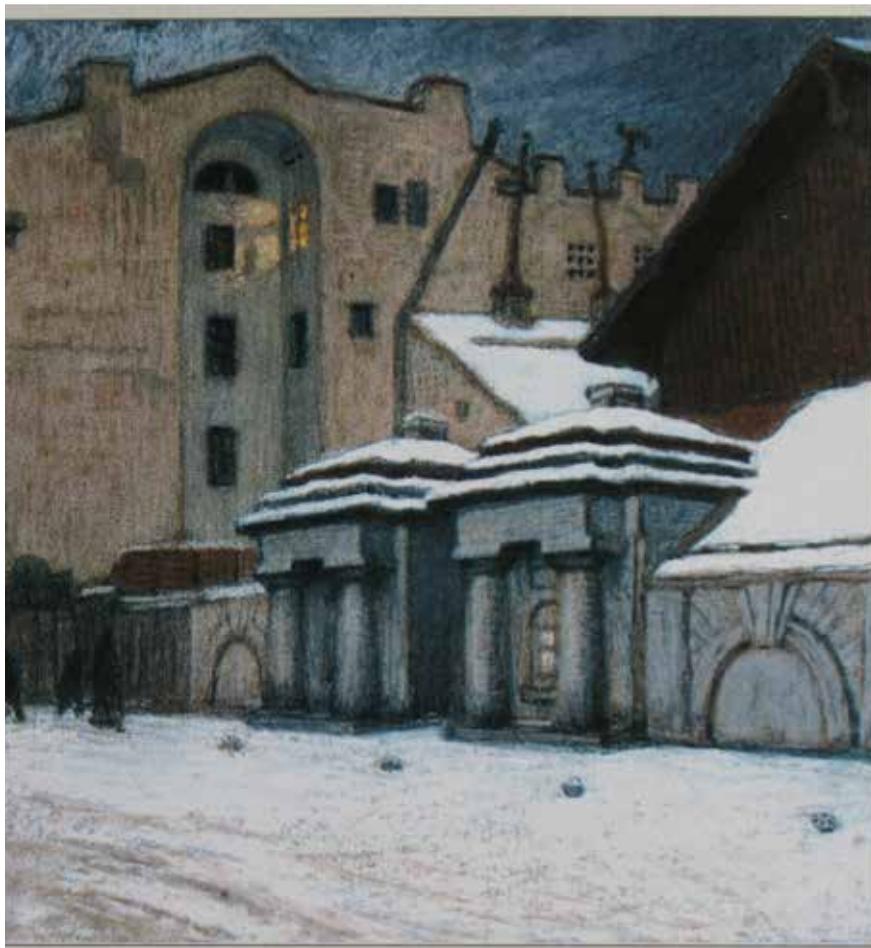
Добужинский знает, что игрушечность как-то особенно присуща Петербургу, его старине и бесчисленным чертам его быта, от которого еще недавно веяло забавным пережитком прошлого (теперь – не знаю). Его оштукатуренные и раскрашенные в разные цвета кирпичные здания с колоннами и лепными карнизами, – белые на охре, точно склеенные из картона, – его булыжные

мостовые горошинами и покревившиеся тумбы, давно отслужившие свою службу и существующие для того, чтобы на них наезжали экипажи; его выбегающие на панель подъезды с декоративными швейцарами; полосатые будки и прохаживающиеся возле них столетние заводные гренадеры в чудовищных меховых киверах башней (я вспоминаю то, что было тогда, когда еще не было петербургских развалин); его извилистые канавки, по которым снуют пыхтящие финляндские пароходики, царапающие свои бока о столбы пристаней то на правом, то на левом берегу; горбатые каменные мостики и деревянные мосты на барках через Неву, напоминающие

исполинских сороконожек, протянувшихся от Зимнего дворца к Бирже и от Патронного завода к клинике Виллье; водосточные трубы, льющие фонтаны дождевой воды, и зеленые кадки, откуда вода выплескивается на тротуары; дворники с бляхами у гостеприимно отпертых ворот; извозчики, неистово машущие вожжами, понукая пузатых лошадак-лилипутов с длинной шерстью и спутанными гривками; городские, вооруженные огромными шашками и прозванные «фараонами», вероятно за недоступность чувству жалости; пестрые вывески с золотыми коврами и сахарными головами, булочные крендели, ялики, черные шары на пожарных каланчах, ползущие «кукушки», надутые «собственные» кучера, не терпящие, чтобы их перегоняли, и сколько еще всяких общероссийских и чисто петербургских достопримечательностей, – разве не просится все это в окно игрушечного магазина, разве все это «всерьез», разве это не выдумка Щелкунчика детям на елку? <...>

Дух русской игрушки, отразивший исторические маскарады Петербурга, вселился и в графику для взрослых, игрушка приобщила к своему фантастическому ладу художников, иронизирующих влюбленно над прошлым «самого умышленного города на земном шаре». И несомненно, что-то сближает эту петербургскую «мечту в двух измерениях» с литературной традицией, определенно выраженной в русской литературе от времен Пушкина: мотив городского волшебства, заостренного грустью и насмешкой, мотив невероятного и будничного, нелепого и вещего, забавного и жуткого, как городские сказки современника Пушкина... Гофмана. <...>

Добужинский начал украшать детские книжки в 1908 году (первая его графика появилась в «Мире

М. В. Добужинский. «Уголок Петербурга. Двор». 1904

искусства» в 1902 году). Вскоре нарисованы иллюстрации к столь гофманскому «Ночному принцу» Ауслендера (в «Аполлоне»). Из собственно иллюстраций литературных произведений, исполненных до того, я вспоминаю лишь несколько малозначительных рисунков к «Станционному зрителю» Пушкина и к крыловским басням (в хрестоматии «Живое слово»). С тех пор иллюстрационный труд Добужинского значительно возрос, особенно за последние годы, хотя и не идет в сравнение по количеству с фейерверком его виньеток, обложек, фронтисписов, надписей, книжных знаков, эмблем, проспектов, заглавных букв, издательских марок и других

декоративных работ, давших ему славу лучшего нашего «книжника». Неумолимый художник наложил печать своего вкуса, и прямо и косвенно, на большинство художественно изданных в России за четверть века книжек...

«Ночной принц» Добужинского (четыре страничных иллюстрации, заглавный лист, концовка) – типичный петербургский *blanc et noir*, рисунки пером, с четкой, упорной обводящей линией, местами подправленной гуашью – в оригинале, и с ярким противопоставлением черных и белых пятен. Композиция свободна, не следует никакому старому образцу, но плоскостная стилизация, с уклоном к гротеску, определенно «ретроспективна»,

М. В. Добужинский. «Петербург». 1914

как и весь дух ауслендеровского рассказа, а шрифт и виньетки заглавной страницы напоминают о николаевском бидермейере. Для Добужинского особенно характерна именно русская готика, больше, чем ампир или какой-нибудь другой стиль, хотя стилизовал он одинаково мастерски в любом стиле.

Не случайно, конечно, проникновение в Петербург готики только при Николае Павловиче, вместе с усилившимся влиянием немцев. Стиль империи, несколько запоздавший в России, как

и многое другое, был последним отблеском античного идеала строгой простоты и равновесия. Западным романтикам в ампире стало тесно, совершенно естественным явилось в посленаполеоновскую эпоху возрождение готики, которую «открыл» еще в молодости Гете. Но готика не имела корней в России, ампир продолжал цвести до самых последних дней александровского царствования.

Возлюбив «Старый Петербург», мирикусники влюбились в александровский ампир. И тем не менее

русским романтикам двадцатого столетия готика духовно ближе. Готические ноты нет-нет проскальзывают и у Бенуа, и у Лансере, и у Нарбута. Они звучат постоянно в графике Добужинского. Узор многих его обложек можно назвать модернизированной готикой: заостренный, стрельчатый орнамент, колющие линии, зигзагами рассыпающиеся рамки, узкие шрифты, обилие эмблем, напоминающих геральдические знаки тайных рыцарских орденов. <...>

Примкнув к «Миру искусства» и занявшись книжной стилизацией, он, естественно, подчинился влиянию старших стилистов «Мира искусства», Бенуа, Сомова, Лансере и общего их наставника – Обри Бирдслея. Увлечен тонким филигранным штрихом: тем, что сам назвал впоследствии «вытачиванием линии». Можно сказать, что в первые десять лет, приблизительно, эстетика этой выточенной линии, унаследованной от иллюстратора уайльдовской «Саломеи», явилась для него главным содержанием графики. Он добивался, сосредоточенно, не щадя усилий, изысканной декоративности книжного узора, действительно «филигранил» его как ажурную драгоценность. Это был культ ювелирной стилистики пером. Исключительно – пером. <...>

Современные акценты искусства дороги Добужинскому не меньше, чем воскрешенная традиция. И доказывают это не одни его позднейшие рисунки. Так, будучи преподавателем в школе Званцевой (я хорошо помню выставки этой школы), он прививал ученикам никак не ретроспективность, а внимание к природе, я бы сказал, под сезанновским углом зрения. Из первой поездки в Лондон в 1906 году он вернулся уже в достаточной степени «революционизованным». Дальше – больше. «Геометрия» Добужинского

не случайная прихоть, он пришел к ней исподволь, изучая систематически искусство Запада. Пришел, однако, не с тем, чтобы отречься от прежних кумиров. Старый Петербург и новая Европа как-то неожиданно уместились на кончике его пера. В особенности обнаружилось это после вторичной поездки в Париж и Лондон (в 1914 году). <... >

Немного вышло художественных книг в России за 1918–1920 годы. Было не до того. А Петербургу пришлось особенно тяжело. Но политическая и бытовая трагедия столицы не ослабила энергии таланта у таких характеров, как Добужинский. Лишившись поддержки издательств, которые закрывались одно за другим, терпя вместе со всеми петербуржцами грозный петербургский голод, он находил время на книжную работу и выполнял ее с прежней принципиальной добросовестностью, не поступаясь ничем, в ужасающих условиях борьбы за существование.

В 1918 году исполнены Добужинским на редкость занятные иллюстрации к «Новому Плутарху» Кузмина. Подробное заглавие – «Чудесные приключения Иосифа Балзамо, графа Калиостро». Книга вышла годом позже в издании «Странствующего энтузиаста»: в ней свыше двадцати пяти рисунков различными манерами *blanc et noir*: сочным штрихом и густой заливкой, черным и белым силуэтом или импрессионистским наброском. Я уже говорил о «Барышне-крестьянке», созданной в 1919 году, выпущенной в свет в 1923 году (Госиздатом). Но этим и ограничиваются иллюстрации художника за голодный период. Нарисовал он также несколько марок и обложки: к стихотворениям Эрберга «Плен», к «Санктпетербурху» Столпянского (изд. «Колос»), к Известиям Высшего института фотографии и фототехники; кроме

того, виньетку для первого номера и прелестную обложку журнала «Дом искусств», знак Эрмитажа (для наклейки), два плаката тушью, «Будочник» и «Городовой», и форзац для издания Гржебина «Весь мир».

С 1920 года количество работ сразу возрастает. Начинаются новые городские циклы художника (серия «Городских снов», 1918–1921). Запустелый, разваливающийся Петербург овладевает его воображением. Снова он бродит по нему, наблюдая и зарисовывая, переживая по-новому пророческую жуть Достоевского. Мало-помалу восстанавливается быт, а с ним оживает и художественная книга. Много работает он также для «Петрополиса». <... >

Чуть ли не самым плодовитым годом по части графики за всю жизнь Добужинского оказался 1922 год. Он делает сериями иллюстрации для «Петрополиса» («Лески» Кузмина), для «Аквилона» («Белые ночи»), иллюстрирует свои «Воспоминания об Италии», «Разбойников» Шиллера, рисует автолитографии для «Розы и креста» Блока (иллюстрация и обложка), «Развалин Петербурга», «Станции Дно» и др., а также цикл из десяти листов для альбома «Петербург 1921 года». Помимо того, рисует заставку и виньетку к рассказу А. Ремизова, пять иллюстраций чернилами «Фонтанка белой ночью», четыре заставки к «Орфею» Глюка, иллюстрации к рассказам «Пых» и «Амуры и бесенята», плакат литографией для кабаре «Странствующий энтузиаст» и ряд обложек: для книги Петрушевского «Средневековое общество и государство», для «Поэм» Верхарна, для «Эстетических фрагментов» Шпета, «Переписки Скрябина» (изд. филармонии), театрального журнала «Зеленая птичка» (изд. «Петрополис») и др.

Наконец, к следующему году принадлежат: обложка «Огней Св. Доминика» Замятина, серия рисунков для «Западни» Эмиля Золя, обложка «Белых ночей», «Блок и театр» (изд. «Новая Москва»), «гратография» – «Виленинский дворник», иллюстрация к «Петербургу Достоевского» Анциферова изд. Брокгауза и Эфрона), фронтиспис и обложка для «Рисунков М. Добужинского» в издании Госиздата...

Графика Добужинского – явление сложное и многовыражающее... Но для меня, повторяю, она выражает прежде всего то, что навсегда останется в моей душе от души Петербурга... Петербурга старых годов, открытого на моих глазах художниками «Мира искусства», «прекраснейшей столицы в мире», как говорили когда-то иностранцы, Петербурга – призрика времен минувших и Петербурга действительного, реального, того вчерашнего Петербурга, каким знал его поэт «Белых ночей», будничного и фантастического в этой своей особой будничности, странного, умышленного города, и, наконец, – моего, детского Петербурга, облаканного светом первых, незабываемых впечатлений.

Вот это петербургское наваждение – графика Добужинского, оглядывающаяся назад, современная до грусти, волшебная, как игрушки, ирония-печаль, жуть-насмешка, улыбчивое волшебство. Она очень литературна, эта графика, насквозь пропитана ароматом тех книг, которые украшает. Но иногда кажется, что вся она, от начала до конца, ни о каких книгах ничего и знать не хочет, а только пользуется ими как поводом чтобы рассказывать нам одну-единственную мечтательную и лукавую думу своего создателя, художника-Калиостро, превращающего в графический узор странную душу Петербурга.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ РУССКОЙ ГРАВЮРЫ

Сергей Харламов: «Чтобы вырезать гравюры нужно большое терпение или, лучше сказать, смирение»

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

А. П. Остроумова-Лебедева. Портрет работы Н. В. Синицына

Возродится ли гравюра в России? Со всей страстью, на которую способна пока моя душа, люблю я русскую гравюру. Сейчас гравюра переживает трудные времена. О грустной участи жанра говорил и последний из могикан – Сергей Михайлович Харламов.

Но будем надеяться на лучшее... и вспомним замечательных русских художников-граверов. Вот у них бы поучиться любви к родине и своему труду.

Почему же так будоражит будущее русской гравюры? Я знал очень многих художников-граверов, а те в свою очередь были учениками и друзьями великих художников старшего поколения. Живую речь великих, отошедших уже в мир иной, я слышал в рассказах своих товарищей. На расстоянии «вытянутой руки» оказались со мной Остроумова-Лебедева, Павлов, Фаворский, Фалилеев, Кругликова...

Попробую выхватить у прошлого образы этих художников...

Анна Остроумова-Лебедева

Анна Петровна Остроумова-Лебедева родилась в Санкт-Петербурге в 1871 году. У нее с молодых ногтей был непереносимый характер. Это не значит, что она изводила близких капризами или была зла и нетерпима.

Вовсе нет! Просто с малых лет окружающие поражались твердости ее духа. Позже, когда Анна Петровна уже училась в Императорской Академии художеств, она не раз со всей прямолинейностью демонстрировала, чаще себе во вред, знаменитый остроумский характер. С поразительной честностью она высказывала человеку в глаза все (даже самое нелицеприятное), не задумываясь о том, какие последствия это может иметь для нее.

Не стоит удивляться, что звание академика она получила тринадцатью голосами против двенадцати. Ведь ее недоброжелателем был лично И. Е. Репин – великий русский художник, одно время мастер-куратор Анны Петровны в Академии. Зато Остроумовой повезло с учителями. Джеймса Уистлера без сомнения можно назвать остроумским учителем, научившим ее правильно обращаться с красками. Другим (а лучше сказать – первым) учителем был В. В. Матэ – гравер.

Она была пионером станковой цветной линогравюры. Благодаря Остроумовой-Лебедевой награвированные пейзажи стали восприниматься как самостоятельное произведение искусства. Кто бы мог в это поверить в XIX веке?! Оформляя книгу «Душа Петербурга», могла ли Анна Петровна предполагать, что воплотила в своих гравюрах самую душу Петербурга, что и она сама – душа любимого города.

В одном из последних писем своему другу Н. В. Синицыну Анна Петровна писала: «Как бы много я ни работала над живописью, или рукописью, или архивом, меня одолевает неистребимая тоска по гравюру. Смотрю работы других гравиров, как бы этим утоляя жажду. Но вот совсем на днях перед вашим приездом, представьте, я решила

А. П. Остроумова-Лебедева. «Снасти».

гравировать на дереве, забыв слабость моих рук. Резала доску небольшого размера очень длительное время. Правая рука так слаба, что с большим трудом штихель входил в самшит. Инструмент совсем не подчиняется моей воле, хотя, когда я начинаю гравировать, руки перестают трястись».

*Живительными силами играя,
Высокое призвание свое
Сознали Вы. Не тесное жилье
Вам – целый мир. Жизнь –
без конца и края.
И творчески ее запечатлев
Резцом и кистью, и пером, и словом
Живите в каждом поколеньи новом.*

Так «высоким штилем» Ю. Н. Верховский писал Анне Петровне в 1946 году. А она всю свою жизнь в этом «штиле» и прожила.

Иван Павлов

Иван Николаевич Павлов родился 17 марта 1872 года в местечке Поповка Тульской губернии. В дом, где жила семья Павловых,

переехала лито-типография, и мальчик заболел искусством.

Летом 1882 года на даче в деревне Строгино произошла любопытная встреча. Внимание Ивана привлек седобородый старик в длинной белой блузе, лежащий на высоком берегу Москвы-реки: – Что же ты тут, дедушка, делаешь?

– Я, милый, – отвечал он, – наблюдаю природу... Природу... понимаешь ты? После я напишу картину...

– А кто же ты такой будешь? – все любопытствовал я...

– Я художник Саврасов... Учись и ты наблюдать природу... Подрастешь, нарисуй картину таким же способом, как и я...

И Павлов отправился в Санкт-Петербург, поступил в Центральное училище технического рисования барона А. Л. Штиглица, а затем учился в Рисовальной школе Императорского общества поощрения художеств.

В 1883 году он награвировал двадцать досок по ступинской «Азбуке-картинке» и решил продать гравюры в издательство. Но Иван Дмитриевич Сытин

И.Н. Павлов. «Автопортрет». Конец 1940-х

не поверил в авторство мальчишки. А когда недоразумение разрешилось, заплатил ему рубль и, погладив по голове, сказал: «Учись, учись гравюре. Гравюры мне нужны. Выучившись, всегда найдешь у меня дело...»

Павлов много повидал и многого добился. Любил славу и деньги. Водил дружбу с сильными мира сего; до конца жизни Павлова берегло «крыло» его молодого друга Саши Герасимова, ставшего вдруг президентом Академии художеств СССР. Но фанатичная любовь к гравюре у Павлова была самая подлинная. «Тон бумаги в соединении с штрихами, глубоко впившимися в бумагу, дает тон непередаваемой

красоты... Гравер не есть скучный копиист, а создатель нового мира образов, где картину художника он переводит на свой язык, придает новые оттенки... Гравер это делает проникновеннее равнодушного объектива», — пишет он. И незадолго до смерти признает: «Исторические судьбы русской гравюры очень сложны: по своей специфике ксилографии приходится вести постоянную борьбу за свои права».

Владимир Фаворский

Корифеем, вождем граверной школы считается Владимир Андреевич Фаворский. Он родился

15 марта 1886 года. О нем спустя годы Осип Мандельштам напишет в одном из своих стихов:

*Как дерево и медь —
Фаворского полет,
В дощатом воздухе мы
с временем соседи.*

В начале XX века, поехав в Мюнхен учиться на экономическом факультете университета, Фаворский внезапно круто меняет свою судьбу, начиная посещать частную художественную Академию профессора Шимона Холлоши.

«Рисовать вы не умеете, нет в ваших рисунках цельности,

детали разбросаны, сплошные отдельные пятна». Это слова Шимона Холлоши. Что оставалось? Работа, работа, упорная работа. «Он первый открыл мне дверь в искусство и научил искать в натуре художественную правду, за что я всегда буду ему благодарен», – вспоминал Владимир Андреевич годы учебы.

В 1920-е годы Фаворский стал «профессором по деревянной гравюре» и начал преподавать во ВХУТЕМАСе. Много оформлял книг. Битый за формализм в 1930-е годы, Фаворский в 1937-м на Всемирной выставке в Париже удостоен высшей награды Grand Prix за оформление советского павильона.

Видимо, Владимиру Андреевичу позволялось то, что другим было запрещено. В этом смысле многое объясняет дневник Пришвина: «Я из интеллигенции единственно уважаю В. А. Фаворского, которого на чистке спрашивали:

– Что вы делаете для антирелигиозной пропаганды?

И он на это ответил:

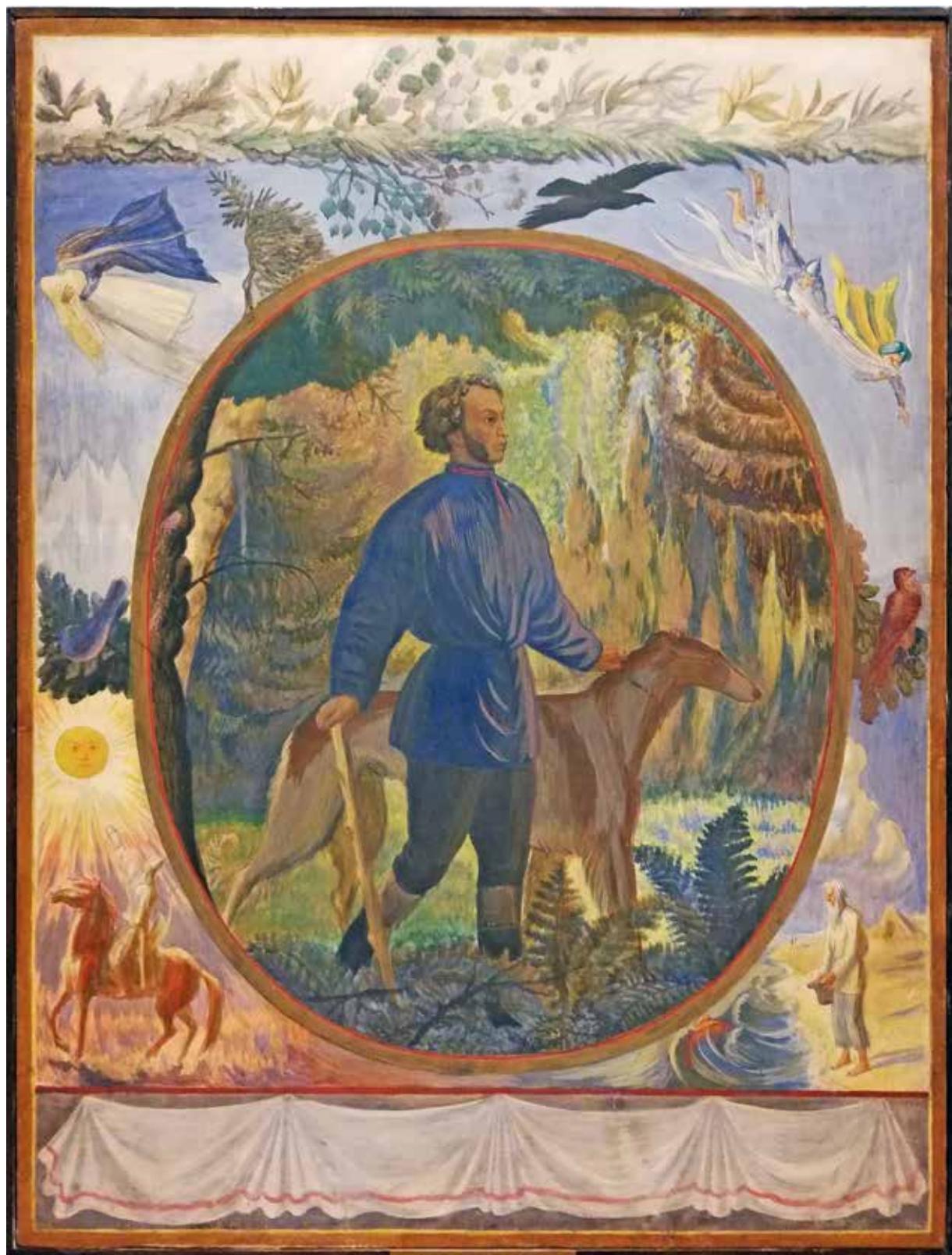
– Как я могу что-нибудь делать, если я в Бога верую?

За эти слова Фаворскому ничего не было, а того, кто спрашивал, посадили. Почему же других мучают за веру, а Фаворскому можно? Потому что Фаворского, как и меня, Бог любит».

Илларион Голицын, художник и юный друг Фаворского, написал: «Он до конца мыслил, творил. Когда он не смог делать гравюры на дереве, то перешел на линолеум, когда не смог гравировать, рисовал эскизы для керамики, когда не смог рисовать, выскабливал скальпелем рисунок на тарелочках, помните эти две обожженные тарелочки – последние работы художника. Когда он не смог работать руками, диктовал статьи о художниках, творчестве. А когда не смог и этого делать – его не стало».

В. А. Фаворский. Иллюстрация к «Борису Годунову», А. С. Пушкина

В.А. Фаворский. «Портрет А.С. Пушкина»

Елизавета Кругликова

Елизавета Сергеевна Кругликова родилась в Санкт-Петербурге в 1865 году. Кроме прочего работала в редком жанре силуэта. Сколько великих современников она увековечила в силуэте! Горького, Блока, Бенуа, Нестерова и многих других.

А. Н. Бенуа писал о Кругликовой, которая опекала молодых художников: «Елизавета Сергеевна ни у кого на службе не состоит, она антипод всякого чиновничества, но роль ее похожа на роль тех екатерининских корреспондентов». «Она очень талантлива. Ее все интересует. Вся жизнь кругом. Из ее кармана торчит карандаш и маленький альбомчик. Она все хочет видеть», — отмечала А. П. Остроумова-Лебедева.

Кругликова первая почувствовала опасность технического прогресса, отметив: «С возникновением и усовершенствованием фотографических приемов при приготовлении клише для типографского станка дорогостоящая и дающая ограниченное количество оттисков ручная гравюра для цели репродукции почти вытеснена из обихода». К ее опасениям товарищи по искусству не прислушались. А жаль.

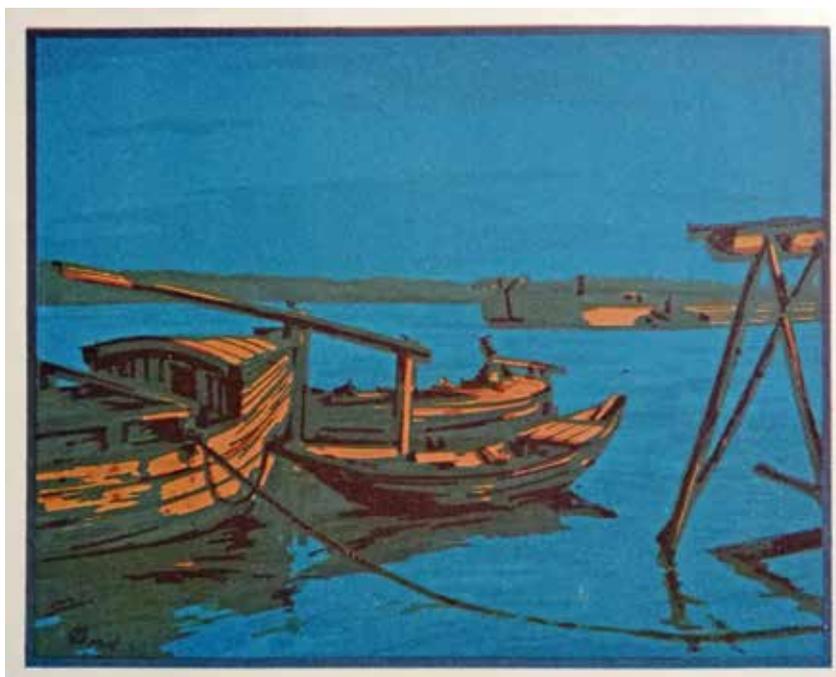
Вадим Фалилеев

Сейчас его знают больше антиквары и ценители гравюры. Хотя, как писал его друг, гравёр Иван Николаевич Павлов, «этот художник и человек, так трагически закончивший свой путь в искусстве, достоин самой доброй памяти».

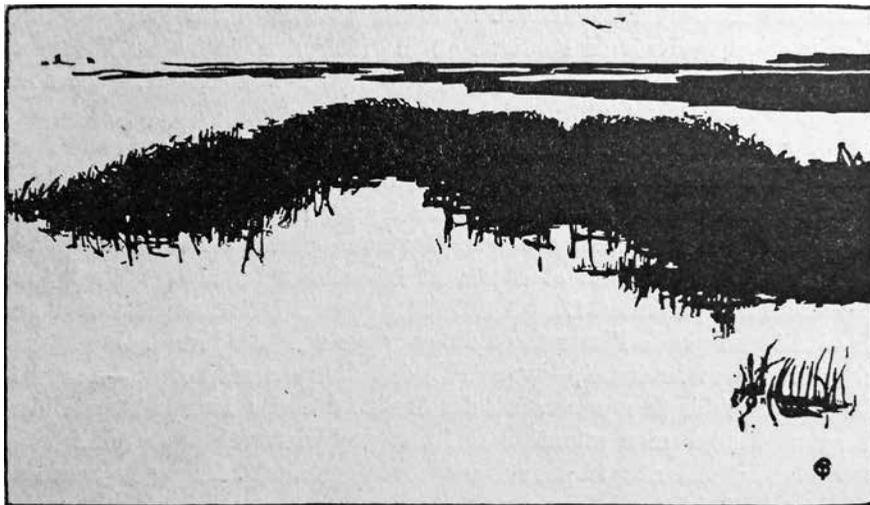
Вадим Дмитриевич Фалилеев родился в купеческой семье 31 декабря 1879 года в Пензенской губернии, где в селе Маиса

Е. С. Кругликова. «Автопортрет». 1934

В. Д. Фалилеев. «Сумерки»

В. Д. Фалилеев. «На озере»

располагалось родительское поместье. Учился в Киевской художественной школе княгини М. К. Тенишевой и в рисовальных классах в Санкт-Петербурге, а в 1903 году поступил в Императорскую Академию художеств.

Его гравюры сравнивали с картинами Ван Гога. О Фалилееве лучше всех написал его ученик, художник-гравер Михаил Владимирович

Маторин: «Я поражался энтузиазму этого человека как педагога. Он горел, горел огнем. Мы перед ним благоговели. Он безжалостно убивал на нас свое драгоценное время, не считаясь с часами, и мы не замечали, как оно летит. Дивный мастер, он старался и в нас вдохнуть этот всепожирающий огонь творчества. Когда дело касалось искусства, время для него не существовало.

М. В. Маторин. «Рытье картофеля». 1924

Гравюру, если он задумал и начал ее резать, он резал день, и ночь, и второй день, пока не кончал. Он был таким же страстным педагогом».

А скупая на похвалу Остроумова-Лебедева говорила: «Побольше бы таких граверов, тогда можно было бы быть спокойным за судьбу гравюры как свободного большого искусства».

Михаил Маторин

В 10-й книге многотомного издания «Истории русского искусства», вышедшего под редакцией Грабаря, читаем: «Многие из граверов младшего поколения были обязаны начатками своих художественных знаний И. Павлову, но лишь немногие из них, подобно М. Маторину, стали его последователями».

Многое сближало старого московского гравера Ивана Павлова с молодым другом – Михаилом Владимировичем Маториным, о котором он писал: «Начну я прежде всего с любимого ученика Миши Маторина. Много работая над собою, он развивался для дела искусства, которому отдал свою жизнь». Сколько было совместно пережито, как много наработали их резцы, сколько километров линолеума нарезали.

В автобиографических записках Маторин пишет: «Иван Николаевич спускался в школу сверху, где он работал как штатный гравер при типографии на особых, независимых условиях. Он приносил листы своих гравюр, первые опыты акватипии, листы «Провинции», отиснутые с линолеума. Гравюры действовали на меня завораживающе. Я до сих пор помню первый запах линолеума, – этот запах был обаятельным».

Он был великолепным художником, а еще педагогом. «Блестящий мастер гравюры, владевший

до тонкости всеми ее секретами, Михаил Владимирович с первого урока требовал строгого, серьезного отношения к искусству ксилографии, начиная со “становления руки”, выполнения обязательных штудий и копий с таких серьезных произведений, как гравюры Дюрера. Не могу без улыбки вспомнить, как будучи студентом “получил по рукам”, то есть по руке от своего преподавателя – эдакий легкий шлепок за неправильное владение штихелем. Это было время, когда Михаил Владимирович “ставил руку”, что особенно важно для начинающего гравера», – вспоминал его ученик Н. И. Каалита.

А другой ученик – великий художник, детский иллюстратор Н. А. Устинов – с доброй иронией писал: «На четвертом курсе, когда распределялись по мастерским, я пошел в книжную, к Дехтереву. А из печатных техник я занимался гравюрой у Михаила Владимировича Маторина. Наверное, я не стал настоящим гравером потому, что так и не научился точить инструменты. Михаил Владимирович говорил, пробуя мои штихеля пальцем: “Вы, Устинов, наверное, штихелем коньяк открывали”! И смеялся...»

Сергей Харламов

Сергей Михайлович Харламов по счастью еще жив и продолжает трудиться. Он последний из могикан русской гравюры. Патриарх! И как приговор звучат его слова из недавнего интервью: «Сейчас гравюра как искусство вымирает, почти никто ею не занимается. Я недавно говорил об этом с художником Николаем Воронковым, и он согласен с моим мнением. Однако я все равно продолжаю работать несмотря ни на что. Упадок гравюры связан с появлением компьютерных технологий,

отсутствием подходящего линолеума. В линогравюре нужен не тот линолеум, который кладут на пол, а особый – для резьбы.

В мое время искусство гравюры процветало. Существовали эстампные мастерские. Я делал гравюры, тиражировал, и все распродавалось. За картины получали серьезные деньги. Мы делали много копий с одной картины, например до ста оттисков. Компьютерная печать, несмотря на развитие, не способна заменить гравюру. Здесь каждый штрих выполнен руками художника. Одну работу вырезаешь месяцами, а иногда и год, поэтому разница между обычной печатью и гравюрой огромная. Чтобы вырезать гравюры нужно большое терпение или, лучше сказать, смирение».

Перебирая штихели, нанося рисунок на линолеум, начиная резать новую гравюру, я думаю: появятся ли в России новые замечательные художники-граверы? И не могу себя заставить самообмануться, надежды мало. Может быть, мы просто не можем следовать наставлениям стариков? «Основой подвига является забвение себя. Это достойно удивления. Но основа тут та же: из любви к чему-то забыть себя», – писал Фаворский. Как это понятно! Но до чего трудно

следовать этому совету! Гравером, пожалуй, нужно родиться.

«Помню тот момент, когда я начала резать первый раз пальмовую доску. Хрустение дерева при встрече со сталью было мне знакомо. Ощущение, когда инструмент бежит по доске, – совсем особое ощущение. И волнующее, и сладкое. Я дожила до старости, и всегда, когда начинаю резать дерево, меня охватывает непонятное волнение и радость, главное – радость», – говорила Остроумова-Лебедева.

Вспоминаются и слова замечательного гравера Петра Николаевича Староносова: «Я думаю, что еще раз вернусь к теме, которой я отдал все свои творческие силы, накопленные за многие годы».

С. М. Харламов. «За русскую землю»

РОЗЫ И... КРЕСТ

Переключка городов – Санкт-Петербурга и Москвы. Трагическая, напряженная, сквозь годы и людские судьбы. Особенно остро звучит этот диалог, когда он ведется между двумя столицами через жизнь большого Поэта Александра Блока. Писатель и литературовед Вячеслав Недошивин предлагает читателям «Русской мысли» фрагмент из своей новой книги, которая стала логическим продолжением его «Прогулок по Серебряному веку», удостоенных многих литературных премий.

ВЯЧЕСЛАВ НЕДОШИВИН

Александр Блок в 1903 году

«Думали – человек! И умереть заставили. Умер теперь. Навек. – Плачьте о мертвом ангеле!..»

Так написала об Александре Блоке Цветаева. Но помните ли вы: стихи эти написаны за пять лет до смерти Блока? Невероятно! Да, поэты – пророки! Ведь так все и случится: смерть Блока станет и самоубийством, и убийством его.

Умереть именно «заставят» – гениальное слово гения – о гении.

«Уюта – нет, покоя – нет»... Может, эту строчку Блока – кто знает? – шептала на перроне одна москвичка вслед огням уходящего поезда. Поезд увозил в Петроград Блока. Увозил умирать. Он только что, склонившись из окна вагона, сказал ей: «Прощайте, да, теперь уже прощайте...»

«Я обомлела, – пишет она. – Какое лицо! Какие мученические глаза! Я хотела что-то крикнуть, остановить, удержать поезд, а он все ускорял свой бег, все дальше и дальше уплывали вагоны, окно – и в раме окна незабвенное, дорогое лицо...»

Там, в Питере, на вокзале, его встретит другая, измучившая его и себя женщина, его жена, его когда-то «Прекрасная Дама». Но что думал он в дороге, о чем думал? Неизвестно. Известно, увы, другое. Когда-то в молодости он написал в стихах: «О, я хочу безумно жить!» А за полгода до смерти, в одном разговоре, прервав собеседника на полуслове, вдруг

спросил: «Вы хотели бы умереть?» И, перебивая ответ, порывисто, горячо, страстно сам же и выдохнул: «А я очень хочу» ... Очень!

Вот между этими «хочу жить» и «очень хочу умереть» и уместилась вся сорокалетняя жизнь поэта.

1. ДВЕРЬ В ИСТОРИЮ

(Адрес первый:

Москва: ул. Черняховского, 4)

Дверь в квартиру была приоткрыта. На Черняховского меня уже ждали. Это было лет десять, наверное, назад, но я помню – мне хватило считанных минут, чтобы на легу у метро «Аэропорт» купить букет нарциссов, отыскать в путанном «писательском квартале» нужный подъезд и, взбежав по лестнице, перед последним уже маршем, увидеть, наконец, эту приоткрытую дверь. Детектив, кажется, заканчивался! А еще помню, что, увидев заранее открытую дверь, сердце на мгновение дрогнуло. Ведь дверь, образно говоря, открывалась в саму историю. В события столетней давности, в некий загадочный эпизод из жизни Блока. И – предчувствие не обмануло. Я только не догадывался, что истинный, настоящий детектив только начинался...

Я снимал тогда с телевизионщиками фильм о Блоке в Москве. Два десятка домов, где он жил или бывал, хроника того времени, «синхроны» – все было уже готово. И все могло рухнуть, ибо к монтажу фильма мы так и не смогли найти хотя бы одну фотографию женщины, которая любила Блока. По ее словам, любила с 1913 года. А по мнению Блока – «любила... всю жизнь...» Той женщины, которая самой Цветаевой признается позже: «Я... всех к нему ревновала!» Наконец, той, которая последней видела поэта в Москве. Ведь это она 11 мая 1921 года провожала Блока в Петроград. Провожала

фактически умирать – жить ему оставалось меньше трех месяцев.

Имя ее – Надежда Александровна Нолле-Коган. Она переживет поэта на 45 лет, умрет в 1966-м. И все это время будет хранить какую-то тайну его. Ведь как раз ей Блок написал может, самую туманную из известных мне фраз: «Я Вам расскажу, в какую петлю я попал, как одно повлекло за собой другое». И рассказал! Когда она приехала в Петроград, еще в 1920 году, он, гуляя с ней в Летнем саду, поведал ей «о том, что тяжким бременем долгие годы лежало на его душе и темной тенью стлалось над светлыми днями его жизни...»

Так пишет она. О чем шла речь – и ныне не знает никто. Блокведы даже не ставят вопроса об этой тайне. Оба унесли ее в могилу. В коротких мемуарах ее осталась лишь фраза: «Рассказывать об этом я не считаю себя вправе, ибо дала слово Блоку никогда и никому об этом не говорить...» Никому, запомним, и никогда!

Разумеется, все это было и в моем сценарии, и в отснятом уже фильме о Блоке. Но мне и в голову не могло прийти, что на сегодняшней день не сохранилось ни одной фотографии Нади Нолле-Коган. Невероятно! А с другой стороны, невероятным виделся фильм о Блоке без фотографии той, которую он любил и о которой много говорилось в отснятом уже материале. Крах, ведь почти катастрофа!

Снимков Нолле-Коган не оказалось ни в Литературном музее, ни в российском архиве, ни даже в музее Серебряного века. Директор музея М. Б. Шапошников сказал, правда, что в фондах он, вроде бы, видел какую-то фотографию, где на скамейке рядом с Брюсовым сидела Надя Нолле. «Понимаете, – говорил, – жена Брюсова написала на фотографии, что это Нолле, но надпись сделала уже в старости». И как бы по секрету

сообщил: «Знаете, если бы этой надписи не было, я бы точно решил, что на фотографии Брюсов и... Крупская. Такая она там старая и страшная...» Мы оба посмеялись, конечно, хотя знали – этого не могло быть. Брюсов ведь умер в 1924-м – значит, Нолле не могло быть больше 35-ти.

Директор другого музея, музея Андрея Белого, Моника Спивак, сказав, что у них тоже нет фотографии, едва ли не умоляла: «Дайте мне слово, обещайте: если найдете фотографию Нолле, обязательно поделитесь с нами. У нас выходит монография о Белом – нам позарез нужен хоть какой-нибудь снимок ее».

Слово я, разумеется, дал, но где искать этот снимок? В отчаянии набираю телефон музея Цветаевой – Нолле дружила с ней. Цветаева даже читала письма Блока к ней, которых, по точному счету, было 147. Увы, опять – ничего! Фотографии не было нигде – ни в книгах, ни в случайных кадрах кинохроники. Ну, разве не детектив? В конце концов, нахожу в Интернете статью с упоминанием имени Нолле. Статья 1999 года, да еще в «Огоньке» – уж в этом-то журнале почти не бывает материалов без фотографий. И – что же? Фотографий к материалу тьма, но ее – ни одной!..

– Не мудрите, – отзвонили мне из музея Цветаевой. – Ищите следы Кулешова, был такой писатель – он был сыном Нолле.

Нахожу. В старом справочнике Союза писателей читаю: «Кулешов Александр (Нолле Александр Петрович), прозаик, г. Москва, ул. Черняховского... тел...» Набираю номер:

– Але-е, – слышу хриловатый, прокуренный женский голос.

– Могу я поговорить с Александром Петровичем?

– Он умер.

Вот тебе и на! Хотя по времени сходится – он ведь родился в 1921-м.

Александр Блок. Портрет работы Константина Сомова. 1907

– Но это дом Кулешовых? – спрашиваю осторожно.

– Да, это наша квартира. Я его жена – Анна Наумовна.

Сумбурно, не выбирая слов, говорю ей про Блока, про фильм, про Надежду Александровну Нолле. Она, не дав закончить, перебивает:

– Приезжайте. Как добраться? Сейчас дочь объяснит.

– Здравствуйте, – слышу я молодой голос. – Вы на машине?

Объясняю, что нет. В свою очередь спрашиваю, как ее зовут.

– Надежда Александровна...

– Как, извините? – ахаю. – Как и Надежду...

– Да, – отвечает она, – меня называли в честь бабушки...

Вот и все! Дальше вы все знаете: букет нарциссов, лестничный марш, приоткрытая дверь. В уютной квартире – кофе, старый торшер, книги, пожилая дама в кокетливых клетчатых шортиках и высокая, с густой шапкой отливающих медью курчавых волос, женщина лет сорока.

Фотографию я, конечно, нашел, передо мной в старом фибровом еще чемоданчике их была целая

россыпь. И та, с кем у Блока был роман, и впрямь оказалась красавицей. Тонкое лицо, большие строгие глаза, родинка на левой щеке, какая-то утонченность в повороте головы. Но больше всего в этом доме меня поразили не ее снимки – фотографии сына Нолле – покойного писателя Кулешова. Детские, представьте, фотографии. Они стояли на стеллаже, за стеклом. Мальчик трех-четырех лет. Но, поверьте мне, с них смотрел не сын Нади Нолле – Александр Блок! Уж его-то детские фотографии я знал отлично...

– Похож? – прогудела над ухом хозяйка квартиры. – Нет, нет, это не Блок – это мой муж – Саша. Ему года три здесь. Царство ему небесное...

Я же, пораженный сходством, обернувшись к дочери ее, к Надежде Александровне, буквально впился глазами в ее волосы:

– Извините меня, простите за бестактность, но это у вас – не завивка? Вы не красили волосы? Это что – ваш «родной» цвет?

– Не красила... родной, – испуганно пробормотала дочь Кулешовых.

И я понял: детектив, кажется, только-только начинается...

2. ДВА БУКЕТА

(Адрес второй: Петербург, Университетская наб., 7–9)

Все было предопределено в его жизни. И все – загадочно. «Меня вело, – скажет Блок. – Я никогда не ошибался в пути. Понимаете? Падал, бился, разбивался, подымался и все шел – меня вело...» Похоже на правду.

Вообще, тайн в жизни его полно. Иные не раскрыты и поныне. Отчего умер? Отчего дважды писал о самоубийстве. В 22 года, гимназистом, вывел в записке: «В моей смерти прошу никого не винить.

Причины ее вполне «отвлеченны» и ничего общего с «человеческими» отношениями не имеют». Потом, незадолго до смерти, уже в «Записной книжке», как бы раздумывал: «Руки на себя наложить...» А мистическая встреча с Андреем Белым, поэтом, когда оба, не будучи знакомы, в один день написали друг другу письма, которые «скрестились» в Бологом – не тайна? А два вызова на дуэль? Наконец, два букета будущей жене – ведь совершенно фантастическая история?..

Блоку было шесть месяцев, когда его впервые привезли в Москву. Вернее – в Подмосковье. Сошли на станции Подсолнечное, у нынешнего Солнечногорска. Стояло лето 1881 года. Дед поэта, Бекетов, ректор Петербургского университета, приобрел здесь, в восемнадцати верстах от станции, в Шахматове, небольшую усадьбу. Для просто летней дачи далековато, конечно, от Петербурга, но на то были свои причины. И вот впервые привез сюда полугодовалого внука. Мы, может, и знаем теперь это место благодаря тому незаметному событию из частной жизни ученой семьи конца XIX века. Но так начинался нынешний всемирно известный «Государственный историко-литературный и природный заповедник А. Блока» – музей поэта Шахматова.

Хотелось бы написать возвышенно: возможно, тогда будущий великий поэт и полюбил Москву. Но это вряд ли. Хотя Москву Блок действительно полюбит. Да, родился, жил и умер в Петербурге – в книге о Серебряном веке я посвятил восемь глав его жизни в Северной столице. Но Москва – это же другое дело. В Москве, вернее в Шахматове, он влюбился в будущую жену, здесь будет венчаться с ней, в Москве жили его двоюродные и троюродные братья, здесь, а не в Петербурге вышли первые книги его. Наконец, в Москве жили три женщины, которых он любил.

Вообще-то, деда его, ботаника Бекетова, соблазнил красотой Подмосковья приятель по университету и сосед по жизни в Петербурге, знаменитый уже химик Дмитрий Менделеев. Тот еще в 1865-м, едва «изобретя» водку (на самом деле всего лишь защитив докторскую «О соединении спирта с водой»), увлекся вдруг сельским хозяйством и в поисках доказательств, что химический состав российских почв позволяет рожать злаки не хуже европейских, что из крапивы можно, представьте, ткать волокно, а домашний скот кормить по часам, приобрел под свои опыты и землю, и имение в Боблове – в Клинском уезде Соголевской волости Московской губернии. Рядом с Шахматовым. Боблово – место древнее, сведения о нем есть даже в завещании Дмитрия Донского 1389 года – тогда только устанавливали границы Московского и Тверского княжеств.

Менделеев купил усадьбу за восемь тысяч. Купил за восемь, а через тридцать семь лет оценит свое ухоженное имение уже в семьдесят две тысячи. Покупал Боблово пополам с директором Петербургского технологического института Н. П. Ильиным. Он многих тогда соблазнит ландшафтами Алаунской возвышенности Подмосковья – этот сумасшедший подвижник с горящими глазами. А юного Блока через полтора десятилетия «соблазнит», считайте, красотой своей дочери. Впрочем, когда полугодовалый поэт-младенец возник в Шахматове, Любы, дочери Менделеева, не было еще и в проекте. Великий химик к тому времени не развелся даже с первой женой – женщиной с редким именем – Феозва. Любу будет рожать Анна Ивановна – молоденькая художница, вторая жена ученого. А Феозву утешал, урезонивал, уговаривал на развод как раз дед Блока – Бекетов. Так что знакомство

двух профессоров можно назвать скорей близкой дружбой. Кстати, пишут, что, когда Менделеева и Феозву развели, какой-то свитский адмирал, которому такого разрешения как раз не дали, кинулся к самому царю – вот, мол, Менделеева развели, а меня? На что монарх, говорят, ответил: «Адмиралов у меня – пруд пруди, а Менделеев – один». Не берусь утверждать, что это не легенда, но точно знаю, что на развод повлияло рождение у Анны Ивановны как раз Любы. Из-за рождения Любы до брака возникла даже ошибка в дате ее появления на свет. По метрике родилась 29 августа 1882 года, а на деле, как пишет сама в книге – 29 декабря 1881-го. «Получилась эта путаница из-за того, что ко времени моего рождения формальности по разводу отца с первой женой и по заключении церковного брака с моей матерью были еле-еле окончены. Крестить и записать меня как “законную” дочь было еще нельзя...» Но родилась Люба, как и Блок, в стенах Петербургского университета – в служебной квартире отца на Университетской набережной в доме 7–9. Тоже ведь – судьба!

Повторю, все было предопределено в жизни Блока. Ведь первый букет будущей жене Блок подарил, например, будучи еще трехлетним ребенком, и как раз в Шахматове. У дороги в сторону нынешнего Солнечногорска.

«Ваш принц что делает? – посмеивался порой Менделеев, спрашивая у Бекетова про внука. – А то наша принцесса уже пошла гулять...»

Счастливое детство! Корней Чуковский, который был, как известно, незаконнорожденным, не без грусти, а может, и не без зависти, напишет потом про Блока: у нас «не было таких локонов, таких дедов, такой кучи игрушек». И – такой любви, добавлю от себя. Ведь

Любовь Менделеева. 1905–1906

трехлетний еще Саша, «Биба», как звали его дома, встретив на прогулке с дедом синеглазую «принцессу» в золотистом плюшевом пальто – двухлетнюю Любу, сидевшую на руках у матери, вдруг протянул ей собранный им букет ночных фиалок. Люба, как пишет ее мать, растрепала цветы, потащила их в рот.

Но букет-то ведь был – первый букет будущей «Прекрасной Даме».

Я бы не стал повторять этот эпизод, уже рассказанный мной когда-то, если бы ровно через двадцать лет, 17 августа 1903 года, здесь же в Шахматове, Блок, нервно поглядывая на часы, не нарвал бы Любе другого букета. Второго. Ибо в то дождливое утро он будет

вновь и вновь выбегать к воротам, ожидая специально заказанного в Москве шикарного букета, но уже не для девочки-«принцессы» – для Любы-невесты, которая в тот день должна была стать его женой. Шафер его, нетерпеливо топтавший рядом, давно должен был ехать к ней в Боблово, чтобы везти ее под венец. Била копытами тройка белых рысаков, нанятых в Клину, все были уже при параде, а цветов, заказанных в Москве, все не было и не было. И тогда Блок, не выдержав, кинулся в шахматовский цветник и, как в далеком детстве, сам нарвал букет для Любы. Не фиалок теперь – любимых Любиных крупных розовых астр.

Весь роман их родом из Шахматова. Здесь Блок и Люба, сыгравшие на домашней сцене – попросту в сенном сарае – Гамлета и Офелию, вдруг «заметили» друг друга, здесь встречались на неведомых полянках, ездили друг к другу в гости, объяснялись глазами. Он так полюбит ее, что за полгода до свадьбы напишет: «Ты – Первая моя тайна и Последняя моя Надежда... Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе... Я – Твой раб, слуга, пророк и глашатай. Зови меня рабом...» А в следующем письме едва не испугал ее: «Вели – и я убью первого и второго и тысячного человека из толпы... Вся жизнь в одних твоих глазах, в одном движении...» Она ответит: «Твои письма кружат мне голову, все мои чувства спутались, выросли, рвут душу на части, я не могу писать, я только жду, жду, жду нашей встречи, мой дорогой, мое счастье, мой бесконечно любимый!...» Вот когда рождалась «Прекрасная Дама» тех чуть ли восьми сотен стихов, которые он посвятит Любе. Из них в первый сборник войдет меньше сотни.

Он сразу увидел в Любе, а может убедил себя в этом, не обычную девушку, а предсказанный Владимиром Соловьевым, мистическим философом, образ «Вечной Женственности». Кстати, племянник В. Соловьева и внук великого историка Сергея Михайловича Соловьева, а также троюродный брат Блока по матери, Сергей Соловьев, и окажется тем шафером на свадьбе поэта.

Венчались молодые в церкви Михаила Архангела в Тараканове, ныне восстановленной, в сельце между Шахматовым и Бобловым. Свечи, отдельное кресло для Менделеева, поставленное в правом пределе храма, деревянные ангелы поверх иконостаса, а на головах венчавшихся – серебряные, древние, не золотые венцы. Известно, что суровый священник покрикивал на Блока: «Извольте, сударь, креститься...», а Менделеев, надевший по случаю все ордена и ленты, прослезился. Потом, за свадебным столом на сто персон, «установленным майонезами, – как пишет Соловьев, – пили “за науку”, пили “за работающего на духовной ниве”»... Молодые прямо из-за стола должны были ближайшим поездом ехать в Петербург. Все еще праздновали, когда Любовь Дмитриевна вышла из своей комнаты, но уже не в белом, а изящном сером дорожном костюме. Под звон рюмок коляска отъехала. «К вечеру, – пишет Соловьев, – я вернулся в опустевшее Шахматово, где около пруда бродили гуси – свадебный подарок местных крестьян...»

О, шахматовские буколические крестьяне – это особый разговор. Потомки их еще, наверное, живут в Солнечногорском районе. А их прапрадедов дед поэта звал когда-то «мальшами», обращался к ним по-французски, а когда встречал кого-нибудь из них со спиленными в его же хозяйстве березой или дубком, то, не догадываясь

о воровстве, бесхитростно предлагал: «Ты устал, дай я тебе помогу...» Идиллия! Золотой век! Неудивительно, что у выхода из церкви шахматовские крестьяне щедро, от всей души, забросали новобрачных хмелем и поднесли им и хлеб-соль, и пару белых живых гусей в розовых лентах. Удивительно другое: через 15 лет, уже после революции, эти же крестьяне и, разумеется, опять-таки «от души» – разорят и сожгут Шахматово. Доберутся даже до секретных ящичков старинного отцовского стола Блока, который поэт сам привез как-то из Петербурга и где хранились письма Любы, ее портреты, девичий дневник. Какие там гуси в подарок, все растащат из барского дома, а что не растащат – пустят по ветру. Когда Блоку незадолго до смерти привезут уцелевшие обрывки бумаг, архива, черновики стихов, он разглядит на них, как запишет, «грязь и следы человеческих копыт (с подковами)». Тоже ведь судьба! Сам ведь торопил, ждал, звал в стихах очистительную, справедливую революцию. Ведь еще в 1905 году Люба не без гордости скажет Сергею Городецкому, что на какой-то рабочей демонстрации «Саша нес красное знамя». А про февральскую революцию 1917-го сам поэт напишет: «Все будет хорошо, Россия будет великой. Но как долго ждать, и как трудно дожждаться...»

«Меня вело», – скажет Блок, предполагая именно судьбу, волю небес, мистическое предназначение. А позже напишет вдруг нечто опровергающее это. «Все, что человек хочет, – напишет, – непременно сбудется. А если не сбудется, то и желания не было, а если сбудется не то – разочарование только кажущееся: сбылось именно то...»

И юность, молодость поэта подтвердит это – ведь все у него сбывалось. Он стал поэтом, как хотел, женился на «Первой тайне

и Последней Надежде». Наконец, захотел счастья – оно померещилось ему в московском небе – и получил его.

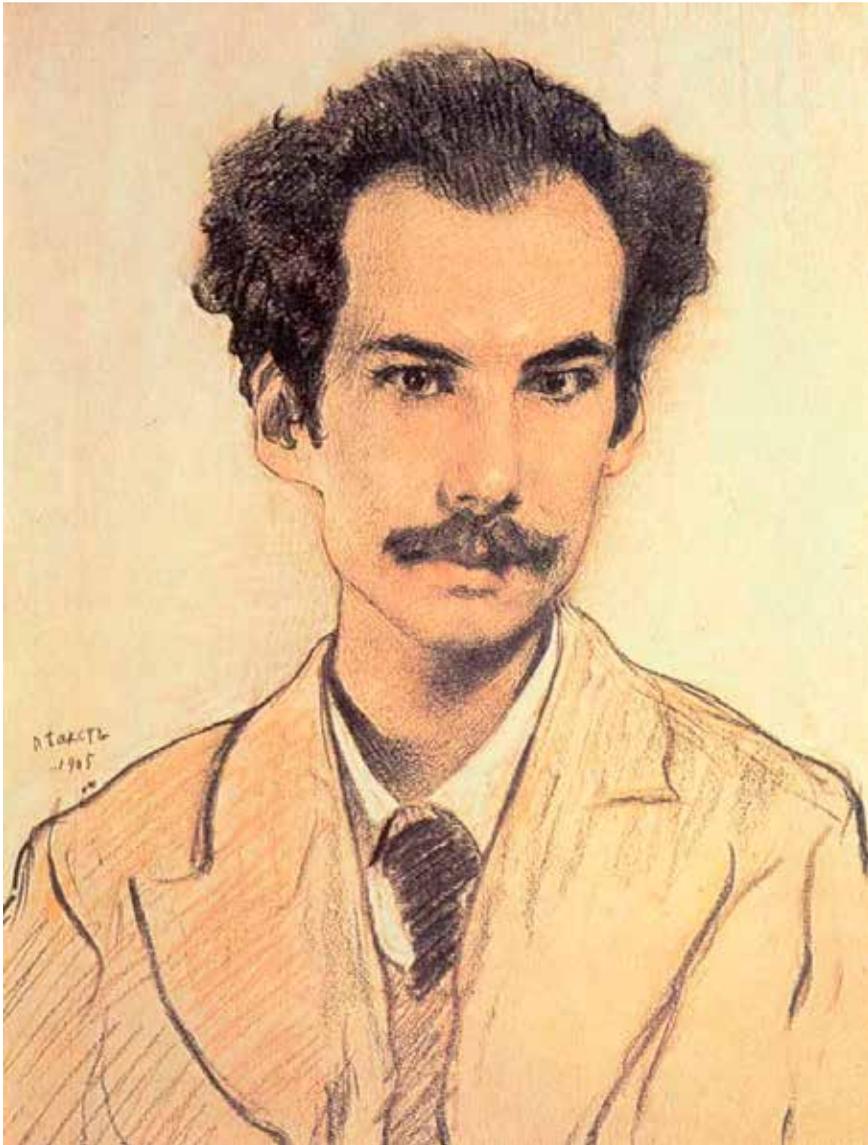
3. НЕСМЕНЯЕМЫЙ ЧАСОВОЙ

(Адрес третий: Москва,
Спирidonовка, 6)

«Я хотел бы умереть на сцене от разрыва сердца», – ответит Блок на вопрос давней, юношеской еще анкеты. Мечтал быть актером, даже псевдоним выбрал – «Борский». Но актрисой станет его жена, хотя сцена не раз будет мстить поэту. Уж как-то так получится, что такой «сценой» станет Петербург, а жизнью вольной, не «по роли» – Москва.

Ах, какой красивой, сказочной, щеголеватой парой явились они из Петербурга в Москву уже мужем и женой. В морозный январский день 1904 года нанесли первый визит Андрею Белому, с которым до того были знакомы по письмам. Дом, где жили в Москве Бугаевы, родители Бориса, пишущего под псевдонимом Андрей Белый, и сейчас стоит на углу Арбата и Денежного переулка (Арбат, 55). Там и сейчас, как сто лет назад, «Аптека», а на третьем этаже – угловой балкон, на котором Боря в летние ночи, установив столик, любил писать до зари.

«Меня спрашивают в переднюю, – вспоминал он про тот январский денек, – вижу: стоит молодой человек и снимает студенческое пальто, очень статный, высокий, широкоплечий, но с тонкой талией; и молодая нарядная дама... Веселые, молодые, изящные, распространяющие запах духов...» Студент и курсистка – «царевич с царевной», по выражению Белого. В прихожей мужчины засуетились, хозяин торопливо бросился

Андрей Белый. Портрет работы Леона Бакста. 1905

вешать пальто, Блок долго пытался засунуть в карманы пальто белые рукавицы, и лишь Люба в меховой шапочке своей не поддавалась смущению. В гостиной (Белый подчеркнет: «оливковой гостиной») все «пренеловко» сели в «старофасонные» потертые кресла, закурили и взмахами ладоней развивая дымки папирос заговорили о Москве. «И вдруг я, как сорвавшийся с горы камень, – вспоминал Белый, – полетел и понес чепуху. И Саша застенчиво улыбнулся...

Улыбнулся душой моей душе. И с этой минуты я по-новому, без памяти влюбился в него...» Правда, в тот же вечер выпалит знакомому: «Знаете, на кого похож Блок? На морковь». «Что я этой нелепицей хотел сказать, – писал он, – не знаю». Но имел в виду, думаю, витальность петербургского символиста: его здоровье, его кирпичный румянец и тугой вид.

С женой Блок оказался в Москве впервые. До этого бывал здесь и не раз с шестнадцати

лет – с 1896 года. Я, к слову сказать, долго искал, где же останавливался он, наезжая в Москву, пока в недавней книге Нины Молевой не наткнулся на адрес его родственников, на угловое закругленное здание Пушкинской площади, где еще недавно был Дом актера (Тверская, 16). Оказывается, дом этот, ныне надстроенный (а может, и перестроенный!), принадлежал когда-то самому архитектору Баженову, а позже стал владением П. А. Бекетова, прадеда Блока по матери. Здесь в годы юности Блока жили его двоюродные братья, в частности – Платон, ставший в будущем издателем, и здесь – больше вроде бы негде! – еще мальчишкой Блок навсегда влюбился в Москву.

«Ваша Москва чистая, белая, древняя, – писал тогда одному родственнику. – Никогда не забуду Новодевичьего монастыря вечером...» Матери восторженно сообщила: «Москва поражает богатством всего». А питерскому другу признался: «Московские люди более размычивы, чем петербургские. Они умеют смеяться, умеют не пугаться. Они добрые, милые, толстые, не требовательные. Не скажут... В Москве смело говорят и спорят о счастье. Там оно за облачком, здесь – за черной тучей. И мне смело хочется счастья...»

Счастье и случилось! Две январские недели с женой в Москве станут счастьем. Он поселится с Любой в двухэтажном белом домике на Спиридоновке – в «необитаемой малой квартирке» на первом этаже у еще одних родственников своих – у братьев Марконетов (Спиридоновка, 6). Об их житье-бытье здесь вспоминают, в чем-то по-разному, и Сергей Соловьев, и Андрей Белый.

Сергей Соловьев: «Когда-то в уютной квартире... собиралось большое и веселое общество у моего дяди А. Ф. Марконета. Теперь

хозяина уже не было в живых, вдова его была больна и временно находилась в лечебнице... Жила только старая кухарка Марья... Блок переехал на Спиридоновку, и... каждый вечер мы собирались в пустой квартире... просиживали до глубокой ночи...»

Андрей Белый: «В. Ф. (Владимир Федорович, брат А. Ф. Марконета – В.Н.), учитель истории... рудопегий, козлотородый, с табачного цвета глазами... добродушно гремел... невинною шуткою по адресу декадентов... ежеминутно выкрикивал: “Цто, цто?” Это “цто” (вместо “что”) постоянно выскакивало... В. Ф. ежедневно являлся у Блоков. Посиживал, осведомлялся, все ли удобно, тянуло его к “Саше Блоку”... “А вот – Саша: вот поэт... Цто?.. Бывало, мы выйдем на улицу – он, как собака какая-то, сделает стойку: погоду заметит... какой цвет небес, и какая заря, и какие оттенки на тучах... Все запомнит... Не надо его и цитать... Цто?..”»

Сергей Соловьев: «Простота и изящество Люб. Дм. всех очаровали... Ее тициановская и древнерусская красота еще выигрывала от умения изящно одеваться: всего более шло к ней белое, но хороша она была также и в черном, и в ярко-красном... Была очень милой и внимательной хозяйкой. Блок бежал в угловую лавочку за сардинками. Люб. Дм. разливала великолепный борщ...»

Андрей Белый: «Я помню, как встретился с Блоком на Арбате – слякотью брызгали сани... сырое пальто, перемокшая на бок фуражка, бутылка, которую нес в руках... “Несу себе пива к обеду, чтоб выпить...” Блок завернул в переулок... Он шел, чтоб обедать; а за обедом, чтоб выпить; и капало с крыш; и шаркали метлы, метущие грязь; и – хотелось смеяться... Я помню беседы втроем... мечталась мне тихая жизнь среди лесов

и скитов... “Ах, как хорошо бы всем вместе – туда!..” Л. Д. слушала... положив золотистую голову на руку; слушала и светила глазами... Сидения прерывались шутками, импровизацией, шаржем... Мы хохотали...»

Борщи, сидения, разговоры до зари! На самом деле жизнь молодоженов в Москве напоминала бешено вертящийся kaleidoscope и дни летели стремительно.

«Утром приходит Сережа, – пишет Блок матери 12 января. – Мы втроем едем на конке в Новодевичий монастырь. Сережа кричит на всю конку, скандалит, говоря о воскресении нескольких мертвых на днях, о том, что антихрист двинул войска из Бельгии. Говорим по-гречески. Все с удивлением смотрят... Из монастыря бродим по полю за Москвой, у Воробьевых гор... Входим в квартиру Рачинских... Конфеты, чай, варенье... Рачинский сказал в восторге, что он не ожидал, что я выше Брюсова (а Бальмонта он не выносит – подробности лично!)... В первом часу смотрели у Иверской, как в 12 часов ночи повезли икону Божьей Матери в карете на шестерке при большом стечении народа...»

13 января сообщает: «Мчусь на извозчике к Бугаеву, чтобы ехать в “Скорпион”. Не застаю, приезжаю один... После чаю едем на собрание “Трифов”; заключаемся в объятия с Соколовым... Ужин... Входит пьяный Бальмонт... Уходим в третьем часу...» Наконец, 16 января – отчитывается: «Мы перешли с Бугаевым на ты. Вернувшись... пошли обедать с Сережей в “Славянский базар”. Сидели долго... Люба перешла с ним на ты...»

Словом – две недели кутерьмы, снежной круговерти, бесконечных визитов, ночных прогулок, утренних поездок. Сани, конки, возки, пролетки. И ведь дома, где бывали, известны. У Григория Рачинского были на Садовой

(Садово-Кудринская, 7). «Скорпион», издательство, располагалось в гостинице «Метрополь» (Театральная пл., 1/4). Издательство «Гриф» вообще было на дому у директора его – С. Соколова (Знаменка, 20). Ну, а про «Славянский базар» кто ж не знает – он был в двух шагах от Кремля (Никольская, 17).

Но главные события происходили все-таки на Спиридоновке. Брюсов, Эллис, Петровский – кто только не едал здесь борщи, которые разливала Люба? Пили за русских девушек, в них видели спасение России, кейфовали за чаем, читали только что написанные стихи. Бальмонт даже написал стих для Любы: «Я сидел с тобою рядом, Ты была вся в белом...» Бальмонт «выбрасывал» строчки, пишет Белый, «как перчатки, – с надменством: “Вот вам – дарю: принимайте, ругайте, хвалите, мне все безразлично: я – солнце!”» Брюсов, напротив, читал, словно подавал на стол «блюдо – в великолепнейшей сервировке: “Пожалуйста-с!”» А сам Белый, как-то боком, точно по кочкам ходил в черненькой курточке и спрашивал: «Хорошо? Правда? Хорошо, что приехал Блок? Вам нравится Любовь Дмитриевна?» Еще бы! – кричали поэты. Но когда все расходились, когда гасли парадные канделябры, лишь двое оставались у Блоков до зари: Белый и Соловьев. Один приходил сюда всегда с розами, другой – неизменно с белыми лилиями. Именно тогда и основали они «Братство Рыцарей Прекрасной Дамы». То есть – Любы. «Мы даже в лицо смотреть ей не смели, боялись осквернить ее взглядом, – рассказывал Белый. – Она, светловолосая, сидела на диване, свернувшись клубком, и куталась в платок. А мы поклонялись ей. Ночи напролет».

Короче, Москва влюбилась в Блока, а Блок – в Москву. Биографы, исследователи поэта в один голос

Александр Блок. Между 1911–1917

говорят ныне, что вообще-то было два Блока. Утренний и вечерний, светлый и темный, трезвый и пьяный, добрый и злой. Даже Люба через много-много лет, в книге воспоминаний, как бы спросит у нас: «Рассказать... другого Блока, рассказать Блока, каким он был в жизни? Во-первых, никто не поверит; во-вторых, все будут прежде всего недовольны – нельзя нарушать установившихся канонов». Ясно, конечно, что имела в виду. Измены, случайные связи, приступы дикой депрессии, пьяные шатания

по кабакам, длившиеся порой неделями. Да, было два Блока. Но ярче всего, на мой взгляд, они различались, а, лучше сказать – «делились» на Блока петербургского и того, кого можно назвать сегодня московским Блоком. Он был другим в Москве – всегда другим. Не пил, не впадал в загулы, не предавался бездонному отчаянию. В Москве он был светлым, здесь был счастлив, наконец, тут у него сбывалось почти все, чего он хотел. Он ведь даже мечтал переехать в Москву и всерьез писал об этом

Белому. А другу в Петербург общал не без грусти: «В Москве есть еще готовый к весне тополь, пестрая собака, розовая колокольня, водовозная бочка, пушистый снег, лавка с вкусной колбасой». Матери в письме из Москвы признавался: «Хочется святого, тихого и белого... От людей в Петербурге ничего не жду, кроме пошлых издевательств или "подмигиваний о другом"... Мы тысячу раз правы, не видя в Петербурге людей, ибо они есть в Москве». Любил Москву так, что после двух январских недель, как пишет Сергей Соловьев, «вернулся в Петербург завзятым москвичом». «Петербург и Москва стали для него символами двух непримиримых начал. Все в Москве ему нравилось...» Блок, пишет Соловьев, даже стих сочинил, где изображалась борьба Петербурга с Москвой, антихриста Петра с патроном Московской Руси святым Георгием Победоносцем, кончающаяся победой светлого мужа: «Я бегу на воздух вольный, Жаром битвы упоен. Бейся, колокол раздольный! Разглашай веселый звон!..»

«Воздух вольный» – не за это ли любил?! Московский, целительный своей свободой воздух будет жадно вдыхать и в юности, и в зрелости. А перед кончиной, в те две знаменитые последние поездки в Москву, когда ни на день не будет расставаться в Надей Нолле-Коган, даже жить остановится в ее доме, этот вольный воздух «сожмется» для него, риску сравнить – в два предсмертных глотка. Ведь его и убьет отсутствие воздуха. Помните его слова, сказанные за полгода до смерти? Он трижды повторит их и один раз напишет: «И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса, – скажет. – Его убило отсутствие воздуха...». Кстати, «воздух», как некое спасение, упомянет и Белый. Он, влюбившись в Любу еще на Спиридоновке, через два года дословно напишет

Блоку: «Милый Саша, клянусь, что... Люба – это я, но только лучший. Клянусь, что Она – святыня моей души... Ведь нельзя же человеку дышать без воздуха, а Люба – необходимый воздух моей души...»

Так что же все-таки произошло между друзьями, между двумя поэтами, «близью души», как отзовется Блок о Белом? История не только не простая – долгая. Просто Белый, влюбившись в Любу и заподозрив «ложь» в ее браке с Блоком, поклялся, что «спасет» ее. Вырвала эту «клятву» у него, кстати, сама Люба. Кокетничая и рискованно флиртуя с Белым, она взяла с него слово, что он увезет ее, даже если она передумает вдруг. «Увезите, – умоляла его. – Саша – тюк, который завалил меня...» И все два года писала ему странные, я бы сказал – провокативные письма. «Знаешь ли ты, что я тебя люблю и буду любить? – писала. – Люби, верь и зови... Целую тебя. Твоя». Через несколько дней меняла мнение: «Несомненно, что я люблю и тебя, нетленно, вечно; но я люблю и Сашу... я его на тебя не променяю. Я должна принять трагедию любви к обоим вам». Потом, через три дня, вновь манила: «Теперь люблю тебя, как светлого брата с зелеными глазами». Потом – через день: «Я поняла все. Истинной любовью я люблю Сашу. Вы мне – брат». Наконец, опять через три дня: «Если возьмете все на себя, приезжайте. Я и твоя, да, да, и твоя. Целую тебя долго, долго, милый...»

Тихий ужас, короче! И как тут не потерять голову Белому? А кроме того, конфликт между двумя поэтами и без Любы был, думается, почти неизбежен. Уж слишком разными были они – два полюса, два вектора, несовместимые в принципе. Хорошо знавшая обоих, Зинаида Гиппиус, уж простите за длинную цитату, но зорко сравнит их: «Если Борю иначе, как

Борей трудно было назвать, Блока и в голову бы не пришло звать “Сашей”. Серьезный... Блок – и весь извивающийся, всегда танцующий Боря... Блок весь твердый, точно деревянный или каменный. Боря весь мягкий, сладкий, ласковый... Блок... исключительно правдив... Бугаев... исключительно неправдив... Блок по существу был верен... Боря Бугаев – воплощенная неверность... Из Блока смотрел ребенок задумчивый, упрямый, испуганный, очутившийся один в незнакомом месте. В Боре – сидел баловень, фантаст, капризник, незаконник, то наивный, то наивничавший. Блок мало знал свою детскость. Боря знал отлично и подчеркивал ее, играл ею... Но если в Блоке чувствовался трагизм – Боря был драматичен и, в худшем случае, мелодраматичен...»

Трагизм Блока и мелодрама Белого лоб в лоб «столкнутся» как раз в Москве, в августе 1906 года. Это случится, когда Люба опомнится, когда поймет, что думает теперь лишь о том, как бы «избавиться от этой уже ненужной любви» Белого. «Что же это? ведь я ничего уже к нему не чувствую, а что... выдывала!» – напишет в мемуарах. И тогда же вместе с Блоком решит, что Белому больше не следует приезжать к ним в Петербург. Вот когда Белый, узнав это, бросит Блоку жуткую, невыносимую меж ними фразу – «Один из нас должен погибнуть...»

Решающий разговор случится в «Праге», в ресторане (Арбат, 2). Блок с женой, матерью и теткой доживали лето в Шахматове. Оттуда и послали записку, приглашая Белого встретиться в ресторане. Тетка поэта, М. А. Бекетова, запишет в дневнике: «Завтра Сашура едет с Любой в Москву... объясняться с Борей... Аля (мать Блока – В. Н.) страшно боится, что он будет стрелять в Сашуру... Люба в восторге от интересного приключения,

ни малейшей жалости к Боре нет... Сашура относится к нему с презрением, Аля с антипатией, Люба с насмешкой, и ни у кого не осталось прежнего...»

Белый вспоминал позднее этот переломный для него день: посланный – записка – его ждут в «Праге». «Я – лечу, – писал, – я влетаю на лестницу; вижу, что там из-за столика, поднимаются». Он увидел ласково посмотревшего на него Блока и «спокойную, пышущую здоровьем и свежестью, очень нарядную и торжественную» Любу. Она, кого Белый по-прежнему жаждал спасти, сразу поставила ультиматум – «утомониться!» «Я – пишет Белый, – ехал совсем на другое, я думал, что происходит полнейшая сдача позиций мне Блоками...» И, не веря ушам, едва присев за стол, он тут же вскочил: «Нам говорить больше не о чем – до Петербурга, до скорого свидания там...» – «Нет, решительно: вы – не приедете». – «Я приеду». – «Нет». – «Да». – «Нет». – «Прощайте!..»

Вот и вся встреча. Я думаю, она длилась минут пять.

Белый запомнит, что, выпрыгнув из-за стола, увидел лишь открытый в изумлении рот лакея, который как раз разливал по бокалам токайское перед фактически пустыми стульями уже. На лестнице ресторана, той парадной лестнице, которая до последней ступеньки цела и поныне, убегавшая с Блоком Люба торпливо обернулась, и Белый прочел в ее глазах ужас, словно у него в кармане был револьвер. У выхода из ресторана, не прощаясь, разбежались. Блоки к Поварской, Белый – к Смоленскому рынку...

Оружия, как показалось это Любе, у Белого, конечно, не было. Но на другой день он и пошлет Блоку вызов на дуэль. Каково?! Поединок, к счастью, не состоялся. «Поводов – нет, – скажет дождливым шахматовским днем Блок

Санкт-Петербург. Дом, в котором находится Музей-квартира А. Блока

прибывшему из Москвы секунданту Белого. – Просто Боря ужасно устал...» И найдет какие-то такие слова, что секунданта этот, вернувшийся к Белому, только и будет твердить ему про бывшего друга: «Александр Александрович, – он: хороший, хороший!...»

Кстати, секунданта этот, а им был друг Белого – Элис, окажется едва ли не первым, кто убедится в «хорошести» Блока. И если ныне Блока справедливо зовут уже «святым русской поэзии», то, еще при жизни, о нем говорили как о человеке «исключительной душевной чистоты». Да, да! Да, он, «падший ангел» – беспробудно пил, любил ветреных и стихийных женщин, пропадал в самых грязных заведениях, жадно искал порой продажной любви и впадал в трущобную «цыганщину» – все это было. Но все было только канвой – внешним «рисунком» существования его. Душевно – оставался высок и чист. «Он и низость, – горячо утверждал потом поэт Георгий Иванов, – исключают друг

друга понятия». Поэт Пяст, который долгие годы был в ссоре с Блоком, чуть ли не молился на него: Блок, говорил он – «может быть, лучший человек на земле». Так что Элис, повторяю, оказался всего лишь первым в этом славном ряду славящих поэта.

Помирятся Блок и Белый только в 1910-м, ровно через четыре года после несостоявшейся дуэли. Я даже знаю дом в Москве, где это случится. За четыре года много чего произойдет в их жизни. Будет еще один вызов на дуэль, который пошлет Белому уже Блок, взбешенный его публичными нападениями и обвинениями в предательстве, в штрейкбрехерстве. Потом – сухая, почти официальная переписка. Затем – какой-то нечаянный разговор, который, начавшись в квартире Белого на Арбате, шел, вообразите, 12 часов и закончился на рассвете у площади трех вокзалов, куда Белый пошел провожать Блока к семичасовому поезду в Петербург. «Так будем же верить», – скажет доверчиво один из них

на перроне. – «И не позволим людям, кто б ни были люди, стоять между нами...» – ответит другой. Поезд при последних словах тронется. «Я шел по Москве, – вспоминал Белый то утро, – улыбаясь и радуясь: просыпалась Москва...»

Красиво пишет! Через 23 года, в 1930-м, Белый раздраженно скажет Петру Зайцеву, с которым приятельствовал: «Откуда взялся миф о нашей дружбе с Блоком? Мы с ним были дружны всего два года. Остальные годы изжили все то, что накопилось между нами». И не без скрытой зависти добавит о Блоке: «Первая скрипка! Но только первая скрипка!...» Нет, права была Гишпиус, «неверность» Белого и впрямь была сутью его натуры. А Блок именно тогда, после второго несостоявшегося поединка, и напишет Белому, возможно, главные слова, главные даже для нас, потомков. «Я очень верю в себя, – напишет, – ощущаю в себе какую-то здоровую цельность и способность и умение быть человеком – вольным, независимым и честным... Душа моя – часовой несменяемый, она сторожит свое и не покидает поста...»

Словом, много чего будет в их жизни, но вполне мирно встретятся, повторяю, лишь 1 ноября 1910 года. Это случится в особняке Маргариты Морозовой (Смоленский бул., 28). Здесь, в роскошном здании, на заседании «Религиозно-философского общества» Белый в тот день будет читать доклад «Трагедия творчества у Достоевского». Собрание почтит присутствием сам Брюсов, а юный, никому неизвестный еще Пастернак, именно здесь и тогда познакомится с Костей Локсом, будущим другом своим, который станет потом профессором литературы. Именно Локс и напишет, что на этом вечере он увидел впервые «трех властителей дум»: Брюсова, Блока и Белого. Белый, вспоминал Локс, в своем

докладе о Достоевском не мог не сказать и о Льве Толстом, который только что, накануне, ушел из Ясной Поляны – еще не умер, но уже ушел. С Толстого Белый и начал речь, прокричал со сцены, потрясая рукой: «Лев Толстой в русских полях!..» «Брюсов, – пишет Локс, – как-то сбоку посмотрел на Белого и скверно улыбнулся. Великий поэт (Локс имеет в виду Брюсова – В.Н.) был на этот раз в помятом сюртуке, с несколько помятым лицом и мало походил на мага. Мне было приятно увидеть Брюсова в таком, можно сказать, домашнем облике. По мере того, как А. Белый, по обыкновению смешивая все вместе, Достоевского, Веданту, платонизм и христианскую мистику, вел речь к определению цели... Брюсов становился все мрачней и мрачней... Во время перерыва, – пишет далее Локс, – в зал вошел довольно высокий, плотный молодой человек с копной рыжеватых густых волос. Я узнал его только тогда, когда А. Белый бросился к нему, и они расцеловались. “Мы из Шахматова”, – услышал я ровный спокойный голос. Здесь они оба отошли. Я смотрел им вслед... Блок внешне мало походил на поэта “Прекрасной Дамы”. Только приглядевшись к нему можно было понять его необычность. В нем не было ничего исключительного. Наоборот, подчеркнутая сдержанность... А между тем, – заканчивает Локс, – неизвестно, кто по существу был безумнее – он или Белый...»

Точны ли в деталях воспоминания Локса – не знаю. Сам Белый утверждал потом, что Блок успел не к перерыву – к началу его лекции. У зала, среди атласа, вуалей, лорнетов, визиток и сюртуков толпились, гудя, покуривая, перебрасываясь репликами, раскланиваясь друг с другом, целуя ручки красавиц-хозяйки Морозовой, Бердяев, Булгаков, Степун, Гершензон,

Кизеветтер. Какие имена, госпо-ди! И вдруг, из-за роя причесок, голов, Белый увидел знакомое, улыбающееся лицо Блока, неловко пробиравшегося к нему. «Как будто бы мы лишь вчера с ним расстались», – напишет Белый. Напишет через много лет, но опять как-то недоброжелательно. И «мешковато деревенским» выглядел, дескать, Блок, и пиджак у него был короткий, и под глазами круги, и конфузился в обществе, словом – «провинциал». Да, да, Белый несколько раз и почти подряд повторит это слово – «провинциал»...

«Мы стояли, – вспоминал он, – среди пробирающихся к стульям людей; и уже над зеленым столом раздавался звонок председателя; и очки его важно облескивали все собрание: “Ну вот, – сказал Блок, – как я рад, что поспел”. – “И я рад”. – “Знаешь, Боря, я думал, что я опоздаю: ведь я прямо с поезда; ехал, чтобы поспеть”. – “Сегодня из Шахматова?” – “Восемнадцать верст тряса до станции, чтобы не опоздать: перепачкался глиною; вязко: ведь – оттепель, а ты знаешь, какие дороги у нас...”» А потом во время лекции Белый не раз ловил в зале синие глаза Блока, в которых, как напишет, выразительно читал: «Но вот встретились: вот – хорошо...»

Нет, все-таки не три «властителя дум» сошлись в тот вечер в зале Морозовского особняка. По настоящему, с точки зрения сегодняшнего дня, ни Белый, ни уж тем более Брюсов таковыми не были и не станут уже. Властитель дум был один – как раз Блок – «провинциал», скромно прятавшийся в толпе. Несменяемый часовой не только собственной души – эпохи. Открытое, воспаленное сердце России. «Властитель дум» и прошлого, и даже нашего будущего...

Они, Блок и Белый, увидятся еще раз на другой день в «Мусагете», в издательстве, где собирались

поэты и писатели (Гоголевский бул., 31). В этом доме, который тоже сохранился (по-моему, только внешне), сходились и сидели порой до глубокой ночи Леонид Андреев, Бальмонт, Брюсов, Бунин – потом Северянин и даже юная Цветаева. Здесь, в трех комнатках издательства, читали стихи, устраивали вечера, занимались в кружках – Белый вел, например, кружок ритмики. И сюда на зов его явился на утро Блок. Дом этот, как я сказал, стоит и по сей день, но ту гостиную «Мусагета», «косоугольную уютнейшую комнату с палевыми стенами», в которой на серо-синем диване и в креслах напротив круглого стола курил Блок, «распуская уютно дымки папиросы», и пил чай из огромной чашки, конечно, не найти. Как не найти сегодня сгинувший под зданием нынешней Госдумы ресторан Тестова, куда оба отправились в тот же вечер. Там, у Тестова, за разговорами о Пушкине, о цыганах и о Варе Паниной, оба пили водку у стойки бара, и Белый свысока отметит про себя, что – «пьет много он; в жесте его опрокидывать рюмочку – обнаруживается “привычка”, какой прежде не было?»

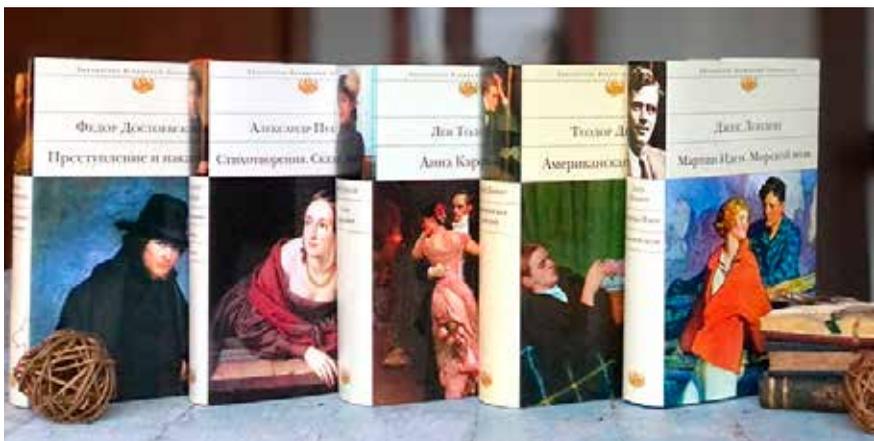
Где это все теперь? От того ноябрьского денька (к вечеру пошел снег!) только и останется ныне сборник стихов Блока «Ночные часы», изданный «Мусагетом» через год – в 1911-м. Впрочем, книгу эту тоже не найти сегодня – раритет из раритетов. Но именно ее, эту тонкую книжечку стихов, Блок через два года и засунет торопливо в муфту одной петербургской красавице, курсистке-бестужевке, которая нахально, чтобы не сказать – нагло, вломится в его квартиру. Я бы сказал не в квартиру – в жизнь. Звали эту красавицу Надей Нолле-Коган. Да, да, именно ее фотографию я искал в Москве через девяносто с лишним лет.

Продолжение следует

О ДВОЙСТВЕННОСТИ МИРОВЫХ КУЛЬТУР

Санкт-Петербург был, есть и будет оставаться одной из интеллектуальных столиц России. Самые накипевшие проблемы дня всегда горячо и живо обсуждались питерскими мыслителями: писателями, учеными, журналистами... Предлагаем читателям «Русской мысли» недавнее интервью-монолог замечательного знатока мировой культуры петербуржца Якова Гордина, главного редактора журнала «Звезда» (Санкт-Петербург) порталу «Фонтанка». Оно посвящено миротворческой миссии Достоевского, Толстого и иже с ними, о которой столь часто рассуждают культурологи в крупнейших западных масс-медиа. И, как правило, ответа не находят.

ЯКОВ ГОРДИН

Не сегодня поставлен роковой вопрос – может ли влиять высокая культура, в частности литература, на бытовое поведение индивидуума и общества в целом? И мы стараемся убедить себя, что это несомненно, и поражаемся, когда реальность демонстрирует обратное.

В своей Нобелевской лекции Иосиф Бродский сказал: «Я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительней, чем для человека, Диккенса не читавшего».

При всем почтении к нобелевскому лауреату позволю себе усомниться.

Во время Крымской войны в сражении под Инкерманом читатели гуманиста Диккенса, популярнейшего в то время писателя Англии, властителя умов, хладнокровно и успешно расстреливали из скорострельных и дальнобойных ружей русских солдат, чье вооружение находилось на уровне наполеоновских войн. Они выполняли свой долг.

При объективном взгляде на реальность выясняется: самая что ни на есть развитая культура находится в парадоксальной и противоречивой связи с жизненной практикой ее носителей.

Обратимся к нашему российско-и историческому опыту.

Михаил Александрович Бакунин, родовитый дворянин, высокообразованный, читавший Гегеля на немецком... И что? Все это не помешало ему превратиться в революционера-разрушителя, отрицавшего все моральные нормы и возлагавшего надежды на «лихой разбойничий мир».

Алексей Петрович Ермолов, европейски образованный, в молодости переписывавшийся с друзьями-офицерами на итальянском, высоко ценивший Пушкина и Лермонтова, будучи «проконсулом Кавказа», мог без колебаний отдать приказ об уничтожении горского аула с сотнями женщин и детей, считая это стратегически целесообразным.

Кстати, о Лермонтове. Русский поэт Лермонтов был носителем самой что ни на есть гуманистической культуры. Русский офицер Лермонтов был военным-профессионалом, крови не боящимся, командовавшим сотней «охотников» (спецназом), выполнявшим отнюдь не бескровные задания. Кажется, что автор гуманного и мудрого «Валерика» и участник этого сражения, писавший своему другу, что он «вошел

во вкус войны», и гордо называвший число убитых горцев, – разные люди.

Пушкин, которого мудрый Георгий Федотов назвал «певцом империи и свободы» (казалось бы, взаимоисключающие вещи) – ярчайший пример той парадоксальной связи высокой культуры и политической практики.

Да, Пушкин был человеком с имперским сознанием, написавшим «Клеветникам России» и в частном письме после восхищения храбростью мятежных поляков твердо сказавшим: «Их надо задавить...» Но, подводя жизненный итог, он определил свои ведущие идеи совсем по-иному: «...чувства добрые я лирой пробуждал... в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал».

Ситуация Пушкина принципиально характерна для русской литературы как особого явления. В ней боролись две мощные тенденции – суровая имперская и прекраснодушная гуманистическая. Первая тенденция была вполне органична для культуры военной империи, построенной Петром. Но имперская жесткость у людей культуры вызывала не только понимание, но и отторжение. Иногда радикальное, как у позднего Пушкина. Тем не менее в некотором смысле мы по сию пору живем в петровском государстве.

Поражающими примерами этой парадоксальной двойственности были два гиганта нашей культуры – Достоевский и Толстой.

В «Дневнике писателя за 1876 год» Федор Михайлович писал: «Да, Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше, но не для захвата и не для насилия, отвечу я <...>. Это случится само собой, именно потому, что время пришло <...>. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы».

Поздний Достоевский – империалист: Константинополь должен быть русским. Но он и гуманист – никакого захвата, никакого насилия. Как он себе это представлял?

Поздний Толстой – воинствующий гуманист. Он создает свою религию, основанную на одном только постулате – любви к человеку. Но он и неукротимый радикал – он призывает к тотальному разрушению государства, что неизбежно чревато большой кровью.

Сейчас принято вспоминать о преступлениях европейских колонизаторов. Не возразишь – что было, то было. Но за плечами тех, кто совершал подчас чудовищные преступления в Африке, в Азии – англичан, испанцев, французов, стояли великие культуры. Причем христианские культуры.

Истово верующий Кромвель доносил богобоязненному английскому парламенту о деяниях его армии в Ирландии: «Я приказал своим солдатам убивать их всех. В самой церкви было перебито около тысячи человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы». Это были католические монахи.

Увы, такова была общемировая практика. Восточные завоеватели и усмирители не отличались от европейских.

В XVIII веке, когда просвещенные европейцы совершали свои «подвиги» в разных концах света, Российская империя строилась отнюдь не в белых перчатках и не по евангельским заветам.

Например, существует большая научная литература, основанная на фундаментальных источниках, посвященная башкирским восстаниям и их свирепому подавлению в 1730–1770-х годах. Башкиры сопротивлялись изъятию у них исконных земель и самодурству чиновников. Русские и советские историки отнюдь не склонны были

к «очернению» отечественной истории. Они просто честно делали свое дело. По их данным, только с 1735 по 1740 год было убито и отправлено на каторгу от 40 до 60 тысяч повстанцев. Дело доходило до столь чудовищных по жестокости эксцессов, что ужасалось высшее командование.

Повторю – исторический опыт показывает, что величие культуры и жизненная практика народов находятся в сложнейшей, отнюдь не прямой связи.

В этом отношении великая – истину великая! – русская культура не является исключением. В лучших своих образцах она была резко антикрепостнической, что не мешало русским дворянам (христианам!) до середины XIX века торговать русскими крестьянами (христианами!).

Великая русская литература не предотвратила катастрофу 1917 года и не смягчила ее жестокость.

И не будем строить иллюзий относительно степени воздействия культуры, какой бы мощно гуманистической она ни была, на политическую практику народов и государств. Роль культуры велика и благотворна, но – не определяющая. Тем более если учесть неизбежную двойственность, заложенную в каждой из мировых культур.

Значит ли это, что титанический труд, свершенный людьми русской культуры на протяжении всей ее истории за много веков, был бесполезен для определения общей судьбы? Ни в коем случае. Культура неспособна была предотвратить катастрофы, но оказывалась необходима в процессе выздоровления и духовного возрождения.

Сама двойственность нашей культуры – литературы прежде всего – предлагала возможность выбора. А там, где есть право выбора, – есть надежда.

fontanka.ru

ГОРОД ПОЭТОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Воплощенные в поэзии образы великого города стали его неотъемлемой частью

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Максим Воробьев. «Исаакиевский собор и памятник Петру I в Санкт-Петербурге». 1844

С Петербургом связаны имена многих русских поэтов, отразивших в своих творениях величие и неповторимую красоту Северной столицы.

Александр Пушкин

«Город пыльный, город бедный, // Дух неволи, стройный вид, // Свод небес зелено-бледный, // Скука, холод и гранит...» Таков Петербург в поэме «Медный всадник». Город Петра, символ самодержавия и величия

империи, но и город равнодушный, которому нет дела до «маленького человека». Образ Северной столицы возникает во многих произведениях поэта, и всегда он разный – величественный и романтический, гармоничный и контрастный, чарующе прекрасный и грозный...

Медный всадник (фрагмент)

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,

Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,

Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пуниша пламень голубой.

1833

Александр Блок

Блок родился и вырос в Петербурге и проникся атмосферой родного города – то романтической и возвышенной, то суровой и безжалостной. Поэт тонко чувствовал и любил родной город, восхищался им, порой ненавидел и, казалось, чувства эти были взаимны.

Петр

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.
Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Заплашет факельное пламя.
Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и тротуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.
Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в маньячем взгляде.
Пусть невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!
Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!
Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских – крикливых,
женских – струнных!
Он будет город свой беречь,
И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.

22 февраля 1904

Анна Ахматова

Петербург занимает особое место в творчестве Анны Ахматовой. Их судьбы тесно переплелись: оба они прошли через тяжелые испытания, пережили две мировые войны, революцию, блокаду...

«Разлучение наше мнимо: // Я с тобою неразлучима, // Тень моя на стенах твоих, // Отраженье мое в каналах, // Звук шагов в Эрмитажных залах...» – пишет Ахматова в «Поэме без героя» (1962).

Любовь поэтессы к родному городу порой горькая, но непоколебимая и нетленная.

Стихи о Петербурге

Вновь Исакий в облаченье
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпенье
Конь Великого Петра.
Ветер душный и суровый
С черных труб сметает гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.
Сердце бьется ровно, мерно.
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.
Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.
Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.
Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, –
Над Невой темноводной,
Под улыбною холодной
Императора Петра.

1913

Петроград. 1919

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зоры родины великой.
В кругу кровавом день и ночь
Болит жестокая истома...
Никто нам не хотел помочь
За то, что мы остались дома,
За то, что, город свой любя,
А не крылатую свободу,
Мы сохранили для себя
Его дворцы, огонь и воду.
Иная близится пора,
Уж ветер смерти сердце студит,
Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.

1919

Игорь Северянин

«Король поэтов» родился и большую часть жизни провел в Петербурге. Здесь был издан «Громкокипящий кубок» (1913) – первый сборник стихов Северянина. Здесь его настигла оглушительная слава, сравнимая с идолопоклонничеством.

Пасха в Петербурге

Гиацинтами пахло в столовой,
Ветчиной, куличом и мадерой,
Пахло вишнею Пасхой Христовой,
Православною русскою верой.
Пахло солнцем, оконною краской
И лимоном от женского тела,
Вдохновенно-веселую Пасхой,
Что вокруг колокольно гудела.
И у памятника Николая
Перед самой Большою Морскою,
Где была из торцов мостовая,
Просмоленную пахло доскою.
Из-за вымытых к Празднику стекол,
Из-за рам без песка и без ваты
Город топал, трезвонил и цокал,
Целовался, восторгом объятый.
Было сладко для чрева и духа.
Юность мчалась, цветы приколовши.

А у старцев, хотя было сухо,
Шубы, вата в ушах и галоши ...
Поэтичность религии, где ты?
Где поэзии религиозность?
Все «бездельные» песни пропеты,
«Деловая» отныне серьезность ...
Пусть нелепо, смешно, глуповато
Было в годы мои молодые,
Но зато было сердце объято
Тем, что свойственно только России!

Владимир Набоков

Петербург Набокова соткан
из детских воспоминаний писателя,
покинувшего родину в молодости.
Город грез и ожидания счастья
предстает в стихах радужным, светлым,
гармоничным, но и прозрачным,
как несбывшаяся мечта ...

Петербург (фрагмент)

Мне чудится в Рождественское утро
мой легкий, мой воздушный
Петербург ...
Я странствую по набережной ...
Солнце
взошло туманной розой. Пухлым слоем
снег тянется по выпуклым перилам.
И рысаки под сетками цветными
проносятся, как сказочные птицы;
а вдалеке, за ширью снежной, тают
в лазури сизой розовые струи
над кровлями;
как призрак золотистый,
мерцает крепость
(в полдень бухнет пушка:
сперва дымок,
потом раскат звенящий);
и на снегу зеленой бирюзой
горят квадраты вырезанных льдин.
Приземистый вагончик темно-синий,
пером скользя по проволоке тонкой,
через Неву пушистую по рельсам
игрушечным бежит себе; а рядом
расчищенная искрится дорожка
меж елочек, повоткнутых в сугробы:
бывало, сядешь в кресло на сосновых
полозьях –
парень в желтых рукавицах

за спинку хватать, – и вот по голубому
гудящему ледку толкает, крепко
отбрасывая ноги, косо ставя
ножи коньков, веревкой кое-как
прикрученные к валенкам, тупые,
такие же, как в пушкинские зимы ...
Я странствую по городу родному,
по улицам таинственно-широким,
гляжу с мостов на белые каналы,
на пристани и рыбные садки.
Катки, катки –

на Мойке, на Фонтанке,
в Юсуповском серебряном раю:
кто учится, смешно раскинув руки,
кто плавные описывает дуги,
и бегуны в рейтузах шерстяных
гоняются по кругу, перегнувшись,
сжав за спиной футляр
от этих длинных
коньков своих, сверкающих,

как бритвы,
по звучному лоснящемуся льду.
А в городском саду – моем любимом, –
между Невой и дымчатым собором,
сияющие, легкие виденья
сквозных ветвей склоняются
над снегом,

над будками,
над каменным верблюдом
Пржевальского,
над скованным бассейном, –
и дети с гор катаются, гремят,
ложась ничком на бархатные санки.
Я помню все: Сенат охряный, тумбы
и цепи их чууунные вокруг
седой скалы, откуда рвется в небо
крутой восторг зеленоватой бронзы.
А там, вдали, над сетью серебристой,
над кружевами дивными деревьев –
там величаво плавает в лазури
морозом очарованный Исакий:
воздушный луч – на куполе туманном,
подернутые инеем колонны ...
Мой девственный, мой прозрачный!..

Навеки
в душе моей, как чудо, сохранится
твой легкий лик,
твой воздух несравненный,
твои сады, и дали, и каналы,
твоя зима, высокая, как сон
о стройности нездеиной ...
Ты растаял,
ты отлетел, а я влачу виденья

в иных краях –
на площадях зеркальных,
на палубах скользящих ...
Берлин, 14 января 1923

Борис Пастернак

В Санкт-Петербурге Пастернак
побывал лишь дважды – в 1904
и 1915 годах. Северная столица по-
казалась ему слишком строгой, хо-
лодной и равнодушной по сравне-
нию с Москвой, столь им любимой.
Он словно увидел великий город
глазами Достоевского. Но «цар-
ская ярость» и грандиозность за-
мысла Петра восхищают поэта.

Как в пулю сажает вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.
О, как он велик был!

Как сеткой конвульсий
Покрылись железные щетки,
Когда на Петровы глаза наворачнулись,
Слезя их, заливы в осоке!
И к горлу балтийские волны, как комья
Тоски, подкатили; когда им
Забвенье владело; когда он знакомил
С империей царство, край – с краем.
Нет времени у вдохновенья. Болото,
Земля ли, иль море, иль лужа, —
Мне здесь сновиденье явилось, и счеты
Сведу с ним сейчас же и тут же.
Он тучами был, как делами, завален.
В ненастьях натянутый парус
Чертежной щетиною ста готовален
Врезалась царская ярость.
В дверях, над Невой, на часах,
гайдуками,

Века пожирая, стояли
Шпалеры бессонниц в горячем геме
Рубанков, снастей и пицалей.
И знали: не будет приема. Ни мамок,
Ни дядек, ни бар, ни холопей.
Пока у него на чертежный подрамок
Надеты таежные топи.

1919

ИМПРЕССИОНИЗМ МИЛОСЕРДИЯ

«И вдруг петербургские зимы покажутся вечной весной...»

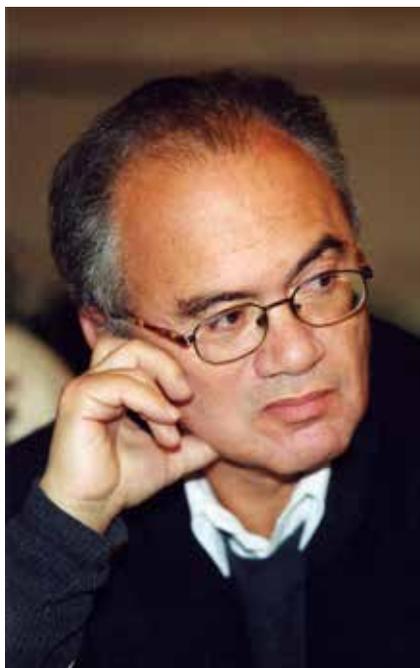
АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Писать гражданские стихи в России
слишком просто.
Уж лучшие сосны, лучшие мхи,
печальный вид погоста.
За дружбу Клодтова коня
с Фонтанкой крутолобой!
Писать стихи на злобу дня,
но сторонюсь я злобы.

Рукоплеци, партийный зал,
неистово и громко.
В одной строке я все сказал,
не стыдно мне потомка.
Вдруг и ему рукоплескать
когда-нибудь придется?
У ней особенная статья, и в ней
хоронят солнце.

Страны не чуя под собой,
в который раз не чуя,
Я не хотел бы жить в другой,
и в ссылку не хочу я.
Все тот же жесткий переплет,
и время подпирает.
Читатель все и так поймет,
он все прекрасно знает.

Дождь не любит политики,
тополь тоже,
Облака ничего про нее не знают.
Ее любят эксперты и аналитики,
До чего ж друг на друга они похожи:
Фантазируют, мрачные, и вещают,
Предъявляют пружинки ее
и винтики,
Видно, что ничего нет для них дороже.

Александр Кушнер

Но ко всем новостям, завершая новости,
Эпилогом приходит прогноз погоды,
И циклоны вращают большие лопасти,
Поднимается ветер, вспухают воды,

Злоба дня заслоняется мирозданием,
И летит, приближаясь к Земле, комета
То ль с угрозой, то ли с напоминанием,
Почему-то меня утешает это.

Великие люди исчезли, пропали,
Ни власть их не балует больше,
ни пресса.
В каком-нибудь клубе сидят или в зале,
А может быть, дома – к ним
нет интереса.

И новому Байрону не расиуметься,
Чтоб мир потянулся к нему
и услышал,
Как он возмущился, схватился за сердце
И, хлопнув дверями, из Англии вышел.

Пусть пишет стихи и живет
потихоньку.
И русскому мальчику
в пыльных Тарханах
На ум не взбредет
потянуться вдогонку
За ним: он не думает об англичанах.

Французы о немцах не думают тоже,
И новому Листу похлопают в Вене
И даже в Москве, но мурашки по коже
Футбольный успешнее вызовет гений.

Не надо властителей дум и кумиров,
Устало от них человечество, хватит!
Идеи, трактаты, знамена и мира
Как солнце сквозь ельник горят
на закате.

Я дубу говорю: читай «Войну и мир», –
Тогда узнаешь, как вести себя весною.
Зазеленеют все, а ты на этот пир
Не торопись. Потом
оденешься листвою.

Пускай в себя придет сначала
князь Андрей,
Очнется, оживет
и влюбится в Наташу.
Пусть думают, что ты
зависимый от людей
И разделяешь скорбь и веришь
в правду нашу.

Александр Кушнер – неоспоримый авторитет в мире отечественной словесности. Поэт от Бога, он блестящий представитель классической российской литературы. И особое место в творчестве Кушнера занимает образ его родного Санкт-Петербурга-Ленинграда. Судьба лирического героя поэта неотделима от его родного города: «Он и не мыслит счастья без примет // Топографических, неотразимых ...», или «Ты – как Нева, но только до Петра, // В предчувствии высоких дел петровских ...»

Впрочем, дадим слово самому замечательному русскому поэту. Спасибо, Александр Семенович, за эту публикацию в «Русской мысли».

Душа – элизиум теней и хочет
быть звездой.

Но звезды знают ли о ней в ее
тоске земной?

Они горят миллионы лет, быть
может, потому,

Что о душе и речи нет
у спрятанных во тьму.

Но, может быть, во тьме ночной,
в сиянье неземном

Звезда б хотела быть душой,
омытой летним днем,

И в хладной вечности своей, среди
надмирной тьмы,

Раскрыв объятья для теней, быть
смертною, как мы.

Деревья мне нравятся большие, чем люди,
Хоть клен, хоть рябина, хоть
липа, хоть ива:

Не лгут, не лукавят,
не спорят, не судят,

Такое признание не слишком красиво.

Но я человек, а не дерево тоже,
Не тополь, не дуб, не береза, не ясень,
Не мною – любитесь ими прохожий –
И я с предпочтением этим согласен.

Попробуем точными быть,
не бросаться

Словами: конечно, чего-то мы стоим,
Быть может, не меньше

ракут и акаций,
Зато от деревьев так веет покоем!

И так ли уж мы хороши, если честно

Итак ли уж мы хороши, если честно

Сказать, и без нас еще лучшие пейзажи,
И это признание нас ставит на место,
И что-то есть в этом отрадное даже.

Отгородясь от мира ясенем,
Кипящим за моим окном,
Как будто с чем-то не согласен я
И помышляю об ином,

Но под живой его защитой,
Как за зеленою стеной,
Я не срываюсь, не завидую,
Не рвусь, как воин, в вечный бой.

Я счастлив лиственным кипением,
Зеленым дымом без огня.
И Блок, наверное, с презрением
Посматривает на меня,

Но вечный бой, и гнев, и взвинченность
Ведут к такой большой беде,
Что лучшие слабость, половинчатость,
Несоответствие мечте.

В импрессионизме милосердия
Столько, сколько радости и света ...
Розоватым воздухом бессмертия
Подышу – так нравится мне это.

Есть ли смерть? –
спрошу французских лодочников,
Лодочники скажут: смерти нету.
Я ответ их внятный, установочный
Рад принять за чистую монету.

Потому что завтрак продолжается
Вместе с поцелуями и смехом,

И все это где-то отражается
В небесах каким-то вечным эхом.

Потому что ближе человечество
Никогда уже не подходило
Краю близко так: не надо жречества,
Дьякона не надо и кадила,
Потому что солнцем легче лечится
Все, что на земле страданьем было.

В декабре мне не спится.
Почему? Потому что декабрь,
Месяц сумрачнолицый,
Гасит солнце, а светит фонарь.

А не спится в июне,
Потому что и ночью светло.
Птицы благоразумней:
Снят в гнезде, голова под крыло.

А не спится в апреле,
Сентябре, октябре, ноябре,
Потому что в постели
Сплю – не в волчьей, не в лисей норе.

Почему мне не спится?
Потому что закрою глаза –
Мысль влетает, как птица,
Иль крадется, как волк и лиса.

Не может быть хуже погоды,
Чем та, что бывает у нас.
Некрасов на долгие годы
Ее нам, нахмурясь, припас.

Уж он-то дождя, и тумана,
И сырости не пожалел:
Вот ужасы вам без обмана,
Румянец и мертвенный мел.

Но странное дело, над нами
Висящая пологом мгла
Вдруг вспыхнуть готова стихами
И даже сгореть в них дотла.

И вдруг петербургские зимы
Покажутся вечной весной,

Как будто и впрямь мы любимы
Безмужнею музой одной.

Так изучай же мозг, как космос,
но скорей,
А то скучает он без звездной
карты клеток.
Вот рай, вот Козерог, вот ад,
вот Водолей,
Нейронные пучки и путаница веток.

Зачем развился он
за сотни тысяч лет
На маленькой, как мяч,
затерянной планете?

Ты станешь Божества искать
остывший след,
А я люблю, когда читают книгу дети,

Взобравшись на диван, вдвоем
или втроем,

Большую взгромоздив
на тонкие колени, —
Пускай расскажет им,

как ярко мы живем,
А тени ни к чему:
им рано видеть тени.

Да будет к ним добра трава
без сорняков,
Органика без язв, устройство
без изъяна, —

Тогда и влажный блеск
прекрасен облаков,
И будущее вдруг проглянет из тумана.

Я бы в Томске томился,
В Туруханске струхнул,
На окно бы косился,
Опустившись на стул.

В неба черном мазуте
Звезд звучал бы хорал.
Я страдал бы в Сургуте,
В Салехарде хворал.

Как живут в Уренгое,
В Нарьян-Маре живут?

Вот где точно герои,
Даже если запьют.

И, прислушавшись к вьюге,
Я бы в Омске умолк.
Я уснул бы в Усть-Луге —
И какой с меня толк?

Даже в Пензе, в Казани
Я обратный билет
Проверял бы в кармане,
Петербургский поэт.

Невысокого мненья,
Дорогая страна,
О себе я: с рожденья
Мне поблажка дана.

Вдалеке от окраин,
Избалован в тепле,
Я — плохой россиянин
В этой смуте и мгле.

Не грех, какой тут грех? Не рок,
Не мог же рок на стольких сразу
Людей обрушиться, не Бог,
Наказывающий порок,
Ведь зал набит был до отказа
И танцевали, — что же тут
Дурного? Значит, только Случай.
Он — главный жизни атрибут,
Аспект, абсурд и абсолют.
Не утешай меня, не мучай!

А это что у нас растет, болиголов?
Кокорыши, борщевик —
ужасные названья.

А может быть, купырь.
О, сколько диких слов,
Внушающих тоску! Народное сознание,
Латиницы в обход, сумело оценить
Их подлинную суть,
воздав им по заслугам.

Ты спрашиваешь, что?
Я думаю, что сныть:
От страха так назвать могли ее,
с испугом.

И тот, кто первый дал такое имя ей,
А ближние легко и дружно

подхватили,
Не меньше, чем Гомер, не хуже,
чем Орфей,

Да только не писал стихов или забыли
Их... Не забыли, нет!

Нам кажется, что мы
Листаем каталог

клубящихся растений,
А это к нам дошла трагедия из тьмы,
Поэма вещей снов и точных
наблюдений.

Куда-то подевав мобильный телефон,
Я номер наберу — и отзовется он
Из ящичка стола, из куртки,
с книжной полки,

Очнется, запоет, затерян, унесен,
Засунут и забыт, — и поиски недолги.

Я радуюсь, его, как в сказке, обретя,
Ведь мог бы и пропасть, как
царское дитя,

Быть найденным другим,
попасть в чужие руки...
Софокл бы оценил такой

сюжет, хотя
Смутили бы его все эти наши штуки.

В сад сегодня не выйдешь, так сыро.
Постоишь на крыльце — и домой.
Ты, ей-богу, как в рубке буксира
Над жемчужно-туманной травой,
На густые поделенной пряди,
Словно кто-то ее причесал
Так, чтоб спереди пышно и сзади
Сад лоснился, клубился, мерцал.

Никакой поэтической мысли
В этом стихотворении нет,
Только радость дымящейся жизни,
Только влагой насыщенный свет.
Кто мне дал эту сырость густую,
Затруднил по траве каждый шаг?
Я не мыслю, но я существую.
Существуя, живу, еще как!

МАЛЕНЬКАЯ ПОЭТЕССА С ОГРОМНЫМ БАНТОМ

Ирина Одоевцева: возвращение на берега Невы

ИГОРЬ СУХИХ,
доктор филологических наук, профессор СПбГУ

Ирина Одоевцева. Портрет работы Владимира Милашевского. 1922

«А это кто?» – возможно, спросит сегодняшний невежда, школьник или даже студент.

Ни Гумилев, ни злая пресса
Не назовут меня талантом.
Я – маленькая поэтесса
С огромным бантом.

Написано в 1918-м.

Сколько ей было? Она сама называла две даты (1895, 1901), омолаживаясь на целых шесть лет. А дней рождения и вовсе пять – с февраля по ноябрь – можно отмечать целый год.

Жизнь Ирины Владимировны Одоевцевой кажется интереснее ее стихов.

Вообще-то она – Ираида Густавовна Гейнике. Родилась в Риге в семье преуспевающего немецкого юриста. В двадцать лет вместе с семьей оказалась уже не в Петербурге, а в Петрограде (город изменил имя после начала Первой мировой войны).

Революция, литературные кружки, второй «Цех поэтов», Николай Гумилев, первая книга стихов «Двор чудес» (1922), эмиграция через Ригу в Париж (в том же 1922-м) – и долгая-долгая жизнь в послании.

Была замужем трижды. Имя первого избранника почти не упоминала, кажется, он был ее родственником, а брак – фиктивным (по первому мужу она Попова). С поэтом Георгием Ивановым прожила 37 лет, но брак был узаконен через десятилетие, уже в эмиграции.

Оставленное отцом наследство позволило ей, в отличие от большинства русских эмигрантов, безбедно жить во Франции в межвоенные годы, навещая и родной город в ставшей независимой Латвии. Одна из тем ее тамошней лекции – «О метафизике моды,

о секс-аппиле, о жадности к жизни, о новом типе – роковой женщине, об извращении и новой морали».

Потом была вторая война, потеря всего, жестокая нужда, обвинения в антисемитизме и коллаборационизме/сотрудничестве с фашистами.

Георгий Иванов умер в 1958 году в пансионе для престарелых русских эмигрантов. А она через два десятилетия (в 83 года!) вышла замуж еще раз, три года спустя похоронив и третьего мужа.

«Когда мы в Россию вернемся... о Гамлет восточный, когда?» – спрашивал Георгий Адамович, многолетний друг-враг семейства Иванова – Одоевцевой. И отвечал в конце стихотворения:

*Когда мы в Россию вернемся...
но снегом ее замело.
Пора собираться. Светает. Пора бы
и трогаться в путь.
Две медных монеты на веки.
Скрещенные руки на груди.*

Их мечта о возвращении, как правило, оканчивалась на Сен-Женевьев-де-Буа.

Мне много лет не дает покоя рассказ Юрия Трифонова «Победитель» (другое заглавие – «Базиль»). Три советских человека, иностранный корреспондент и два его друга, приезжают в маленький французский городок к глубокому старику (ему 94 года), который уже много лет прикован к инвалидному креслу, а когда-то участвовал в Парижских олимпийских играх 1900 года, но занял на своей дистанции последнее место. Он ничего не помнит, с трудом реагирует на вопросы, его сознание напоминает «полумертвый радиоприемник». И вдруг он заявляет, что победитель – именно он. Во всех видах.

«Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике.

Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, – все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля – окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета».

«В России надо жить долго» – реакция К. Чуковского на получение – в 80 лет – Ленинской премии по литературе. В «зарубежной России» – тоже.

Звездный час, минута славы Ирины Одоевцевой выпала на конец восьмидесятых годов. Кто-то из журналистов назвал ее последней улыбкой Серебряного века. Таких улыбок было минимум две. Вероятно, только два человека в мире могли веско произнести: «Николай Гумилев провожал меня до дома...» Или: «Когда я общалась с Ходасевичем...»

Но Нина Берберова, тоже вдова большого поэта, через семьдесят лет приехала в СССР на гастроли. Ирина Одоевцева рискнула (а что ей было терять?) вернуться навсегда.

Теперь – уже издалека – видно, что это возвращение не было лишено перестроенной эйфории/истерии и характерно советских деталей.

Юная энтузиастка-журналистка Анна Колоницкая (ей будут завещаны авторские права) после цепи случайных встреч и совпадений находит забытую Одоевцеву в парижском далеке. «Боже мой, вы, наверно, ангел с неба, дайте мне до вас дотронуться. Вы мне проделываете жизнь».

Корреспондент «Литературной газеты» в Париже публикует огромный очерк.

Уже не передвигающуюся самостоятельно 92-летнюю Одоевцеву доставляют в Ленинград. Ленинградские чиновники срочно выделяют квартиру на Невском проспекте (через несколько лет Г. Владимов так и не сможет вернуть собственную квартиру, отнятую после эмиграции), начисляют пенсию, обеспечивают уход. Еще один чиновник, уже московский, распечатывает медальон редакторов и дает указание срочно выпустить мемуары знатной эмигрантки (скромным по тем временам тиражом 250 000 экземпляров).

Есть фотография апреля 1987 года. Очень пожилая, но еще бодрая (она всегда выглядела моложе своих лет) дама в инвалидном кресле с испуганно-вопросительным выражением лица – и восторженные незнакомые ей люди тянутся к руке, которую, может, мгновением раньше целовали. И конечно, «торжество справедливости» снимают несколько телекамер. Вечером уже миллионы увидят репортаж в «До и после полуночи» – «Прожекторе перестройки».

Через год, участвуя в этой передаче – с ярким маникюром, чудовищно грассируя, – Одоевцева заявила, что никогда не чувствовала себя эмигранткой.

«... За Манделштама и Марину / я отогреюсь и поем». Б. Ахмадулиной в свое время досталось за эти строки. Одоевцева тоже получала за – за всех, кто мечтал и не смог, за иллюзию воссоединения двух (или многих?) Россией.

Сказка возвращения окончилась через три года. На Волковом кладбище в Петербурге Ирина Одоевцева упокоилась рядом с великими (и номенклатурными тоже) писателями прошлого и позапрошлого веков.

Что осталось от Одоевцевой-литератора? Несколько сборников стихов, пять романов, сочинявшихся для заработка до и после Второй мировой войны, плюс дюжина рассказов (том прозы Одоевцевой вышел в 2017 году приличным по нынешним временам тиражом 2000 экземпляров), две живо написанные книги воспоминаний: «На берегах Невы» (1967) и «На берегах Сены» (1978–1981).

Степень их достоверности до сих пор вызывает споры. И вполне оправданно: вспомним мистификации по поводу собственной даты рождения.

Кроме того, книга переполнена прямой речью встреченных Одоевцевой людей, которую автор цитирует почти через полстолетия. Между тем Ахматова утверждала, что использование в мемуарах прямой речи надо приравнять к уголовному

преступлению. Сказанное при тебе трудно адекватно воспроизвести даже через несколько минут. Что уж говорить о десятилетиях.

Едва ли не главным героем книги «На берегах Невы» оказался Николай Гумилев.

«Как началась моя дружба с Гумилевым? Но можно ли наши отношения назвать дружбой? Ведь дружба предполагает равенство. А равенства между нами не было

Первая ласточка

Русские давно селились в этом квартале на границе Парижа с рабочими пригородами. Сто шагов в сторону – и начинаются Бийянкур с заводами «Рено», где как минимум половину персонала составляли бывшие воины Добровольческой армии, и Исси-ле-Мулине, еще в начале века освоенный армянскими беженцами... Узкая улица Касабланка, вроде бы с виду вполне буржуазная. Однако квартиры в каменных добротных домах больше похожи на скворечни. В одной из таких «гарсоньерок», мини-комнатке для бедных холостяков, жила Ирина Одоевцева (квартира досталась от ее третьего мужа – писателя Якова Горбова). Там мы и познакомимся.

Я пришел к «старейшей русской поэтессе» (так Ирину Владимировну прозвали отечественные журналисты), чтобы вместе с оператором Виктором Бабаевым взять у нее интервью для советского Центрального телевидения. Одоевцева была царственна и снисходительна к молодому репортеру. Причину своего возвращения на родину объяснила сразу: «Меня никто не обижал. Но настоящих друзей не осталось, замучило безразличие... Знаете, есть русская тоска... В Европе она меня раздавила. Возвращаюсь с восторгом! Знаю, что теперь у меня масса друзей, даже родственники нашлись».

Человек не простой, но при этом легкий, верящий в свою счастливую звезду, Одоевцева, всегда считавшая себя красивой («Овал лица имела идеальный!»), охотно и радостно согласилась на предложение реэмиграции. Иначе это позднее (отнюдь не запоздалое!) возвращение в Россию и не назвать. Это чудо осуществилось по инициативе журналистов, в том числе и тогдашнего собкора «Литературной газеты» в Париже Александра Сабова.

В Ленинграде, еще не Санкт-Петербурге, «бабушку русской литературы» встретили с восторгом: издали ее книги невообразимыми ранее для Одоевцевой многотысячными тиражами, предоставили большую квартиру в самом центре, на Невском, обласкали вниманием... И забылись-развевались сомнения, которые перед отправлением Одоевцевой в самолет «Аэрофлота» старались

посеять в душе поэтессы, многолетней музы Георгия Иванова парижские эмигранты «советского призыва». Ведь Ирина Владимировна была первой ласточкой, вернувшейся в страну начавшейся перестройки всего и вся. Прошло всего несколько месяцев, и за Одоевцевой потянулись обратно, на берега Невы и Москвы-реки, десятки, нет – сотни россиян всех мастей, ранее уехавших на чужбину. А тогда...

Чтобы посадить в машину Ирину Владимировну, ее, прикованную к креслу и постели из-за перелома шейки бедра, выносили на руках. Когда это закончилось успехом, все вздохнули с облегчением, зная, что в Ленинграде Одоевцеву ждут в Пулковке десятки людей. Прямо у трапа, куда – в порядке исключения – пустили делегацию писателей и журналистов.

Вечером я был на каком-то суаре в Советском центре науки и культуры, что на улице Буасьер, 61. Встретил в коридоре молодого российского модельера-искусствоведа, не столь давно приехавшего во Францию по туристической визе и выбравшего местом своего дальнейшего творчества Париж. Новый «французский русский» схватил меня за пуговицу:

– Так это вы отправляли в Ленинград бабушку Одоевцеву?

– Отчасти... Начали это мои коллеги, лично я этим делом специально не занимался.

– Ах, вы больше по молодым русским эмигрантам работаете! – Станным образом среагировал он, и на его грушевидном лице нарисовалась презрительная улыбка...

Пролетит несколько лет, и мой невольный тогдашний собеседник шумно появится в Белокаменной, чтобы вернуться в квартиру на Фрунзенской набережной и начать вести на одном из федеральных каналов утреннюю передачу для женщин бальзаковского возраста.

Господи праведный, чего только не случается под Луной!

Кирилл Привалов

и быть не могло. Я никогда не забывала, что он мой учитель, и он сам никогда не забывал об этом. Да, дружбы между нами не было, хотя Гумилев в редкие лирические минуты и уверял меня, что я его единственный, самый близкий, незаменимый друг».

Самые большие сомнения вызвала история о Гумилеве как участнике антибольшевистского заговора. «На вопрос, были ли Гумилев в заговоре или он стал жертвой ни на чем не основанного доноса, отвечаю уверенно: Гумилев бесспорно участвовал в заговоре».

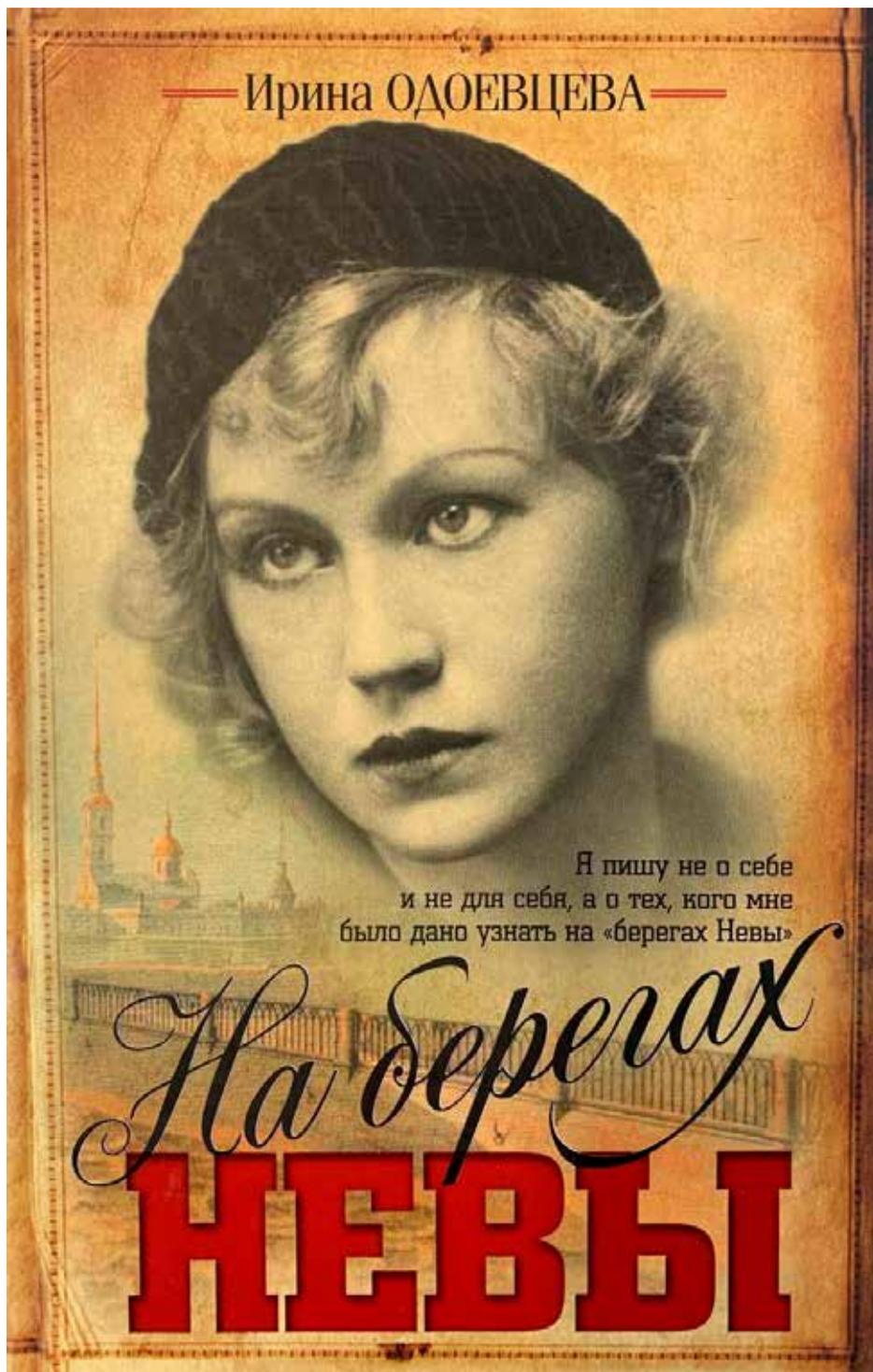
Эта версия какое-то время была препятствием для публикации книги в СССР. Тогда защитники поэта, пробивавшие его стихи в печать, пытались «примирить» его с советской властью и подозревали Одоевцеву в вымысле. Позднее как раз образ Гумилева-заговорщика и монархиста понадобился создателям его антисоветского образа.

Один из ранних эмигрантских рассказов Одоевцевой, «Падающая звезда», похвалил Бунин. Правда, об этом мы опять-таки узнаем только из ее мемуаров.

В «Строфах века» о ней восторженно писал Е. Евтушенко. Впрочем, оговариваясь: «Одоевцева так и не стала большим поэтом».

Ирина Одоевцева до последних дней старательно изучала оптимизм. Но главная ее лирическая нота была совсем иной, похожей на безнадежно-прозрачные стихи второго мужа.

*Потомись еще немножко
В этой скуке кружевной.
На высокой крыше кошка
Голосит в тиши ночной.
Тянется она к огромной,*

Я пишу не о себе
и не для себя, а о тех, кого мне
было дано узнать на «берегах Невы»

*Влажной, мартовской луне.
По-кошачьи я бездомна,
По-кошачьи тошно мне.*

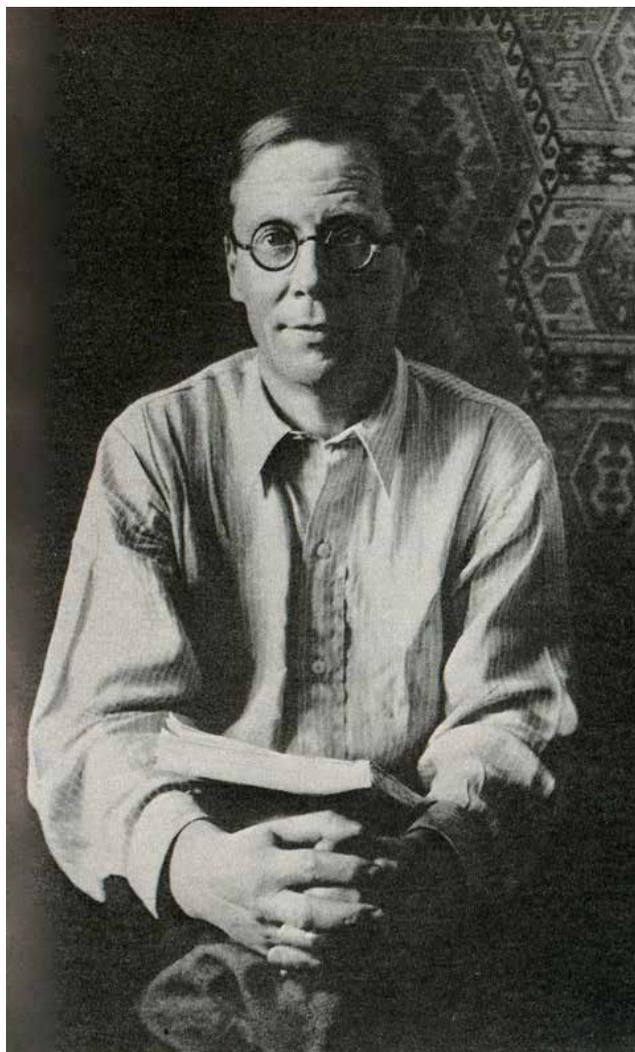
Краеведы свидетельствуют:
рижский дом семьи Одоевцевой

на улице Гоголя сохранился,
но стоит бесхозный
и заколоченный. (До реституции
она не дождала.) Возможно,
когда-нибудь на нем появится
мемориальная доска.

МЕРЦАНИЕ МНОГОЗВЕЗДНОГО ШАТРА

К 120-летию со дня рождения Николая Заболоцкого

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Веревочными лестницами закрученные «Столбцы» – или впрямь столпы новой поэтической веры? Ибо вера в силу слова, живущая в сознании и сердцах большинства поэтов, воистину религиозна. И как культовые строения выглядят различно, даже в пределах одной

лишний, мол, да и не до языков игрищ, когда такое строительство вокруг...

...Заболоцкий выжил – чтобы обогатить храм поэзии русской высотами прозрений и совершенной образностью, искусством мысли и сгустками словесного опыта:

конфессии, так и храмы книг могут предлагать разные формы восприятия яви. В данном случае, как в «Столбцах»: щедро-игровые, отчасти абсурдные, с янтарным блеском метафорики, с часто алогичными связями внутри стиха.

Жизнь, казалось, далека от каверз: жизнь, связанная с речью избыточна, примет игру, впитает ее, поймет, оценит...

Тучи приходят, когда не ждешь, хотя сгущение атмосферы тогдашней реальности не могло обойтись без туч, и великолепный Николай Заболоцкий вычеркивается из жизни:

*Сылет дождик большие горошины,
Рвется ветер, и даль нечиста.
Закрывается тополь взъерошенный
Серебристой изнанкой листа.*

Как великолепен взъерошенный тополь и как чудно закольцована четвертая строчка!

А «Можжевеловый куст», «Читайте, деревья, стихи Гесиода», «У могилы Данте» вырублены из мрамора и высятся значительными памятниками речи.

«Рубрук в Монголии» содержит массу оживляющих текст подробностей, клубится сгустками истории: как будто поэт сам был свидетелем путешествия Рубрука.

Ясность и высота, прозрачность лесного озера, до глубины, до мелких подробностей раскрывается жизнь в поздних стихах Заболоцкого, и поистине сократовская мудрость жесткой солью переполняет их.

От игры – до величия, ибо ради поздних стихов Заболоцкий и выжил.

Заоблачно-конкретный Петербург Заболоцкого

Заболоцкий, так точно и тонко переложивший мир, данный окрест, в суммы своих созвучий, – городской поэт. Вертикально-великолепные «Столбцы» доказывают это: природный, противостоящий городу мир чувствуется им до тончайших алхимических сосудов

трав, что не отменяет его городской тайны...

Каждый город имеет душу: отсюда и русская поговорка: «Что ни город – то норов». И ежели речь о Санкт-Петербурге, то здесь норов, разрастающийся до мистической тайны бытия: в недрах которого (учитывая историю и географию) город играл сложную роль... Роль Гамлета, мстящего за отца: ибо Петербург заменил собой столицу, сам став ею...

Но есть в таинственно-конкретном образе города нечто от вечного, ветхого принца: никогда не умирающего, всегда вчиненного в смерть...

И разворачивается посвящение, исполненное Заболоцким Даниилу Хармсу, разворачивается густо и плотно – так соты созидаются пчелами, и Заболоцкий, столь тонко чувствовавший жизнь... всех, включая насекомых, находит словесные ритмы, наиболее соответствующие великому граду:

*Стругали радугу рубанки
В тот день испуганный, когда
Артиллерийские мустанги
О камни рвали поводья,
И танки, всеми четырьмя
Большими банками гремя,
Валились...*

*В мармеладный дом
Въезжал под знаменем закон,
Кроил портреты палашиом,
Срывал рубашиечки с икон, –
Закон брадат, священна власть,
Как пред Законом не упасть?*

Сияют созвучия. Слова переключаются, радуясь, кажется, тому, как нашел их великий поэт...

И град Петра Великого раскрывается неожиданно: по-заболоцки, с его ощущением сердца и пульса колонно-дворцового, дымчато-великолепного Петербурга...

Язык Заболоцкого периода «Столбцов» густ и сломан: сломан

в колене, в узле, предполагающем новаторство, которым и одарил Заболоцкий русскую речь (прозаический аналог дал М. Зощенко): речь, обогащенную им, как уран, впитал Петербург, которому суждено было меняться, может быть, не так, как видел поэт, но формула, им выведенная, играет метафизическими символами времен:

*Но уж корона вкруг чела
Другие надписи прочла.*

И потом вспыхнет «Прощание»: убийство С. Кирова, ставшее поводом для поэтического речения:

*Прощание! Скорбное слово!
Безгласное темное тело.
С высот Ленинграда сурово
Холодное небо глядело.
И молча, без грома и пенья,
Все три боевых поколенья
В тот день бесконечной толпою
Прошли, расставаясь с тобою.*

Советская риторика тут не используется: тут – метафизика: при всех сменах исторического антуража величественной остается сущность Санкт-Петербурга, так тонко прочувствованная поэтом...

Новые ритмы

Время длилось – звякало и звенело, пронеслось трамваями, наплывало новым бытом; время требовало ритмов, ранее неслыханных, и они зазвучали:

*Ликует форвард на бегу.
Теперь ему какое дело!
Недаром согнуто в дугу
Его стремительное тело.
Как плащ, летит его душа,
Ключица стучается звонко
О перехват его плаща.*

Все не так: все со сдвинутым полюсом, со смещенным центром тяжести, и вместе с этим – именно и только так возможно передать наплывающую современность: когда даже ключица начинает стучаться звонко о перехват плаща...

«Столбцы» Заболоцкого подчеркнута вертикальны, никакая горизонталь тут неуместна: они рвутся вверх, к солнцу новой жизни. Или к новому солнцу, которое непременно должно прорезать пространство, ибо старое обветшало...

*Звезды, розы и квадраты,
Стрелы северного сиянья,
Тонки, круглы, полосаты,
Осеняли наши зданья.
Осеняли наши дома
Жезлы, кубки и колеса.
В чердаках визжали кошки,
Грохотали телескопы.
Но машина круглым глазом
В небе бегала напрасно:
Все квадраты улетали,
Исчезали жезлы, кубки.
Только маленькая птичка
Между солнцем и луною
В дырке облака сидела,
Во все горло песню пела:
«Вы не вейтесь, звезды, розы,
Улетайте, жезлы, кубки, —
Между солнцем и луною
Бродит утро за горами!»*

«Столбцы» Заболоцкого выплескиваются в реальность, стихи, польхая, воспаряют к небесам, живут, тешась и играя, внедряя поэзию в пространство реальности, сильно противоречащей ей.

Современник всем векам

Провидческое, всеобъемлющее зрение поэта! Оно идет не из снов, не из фантазий, но от подлинности ощущений:

*Мне вспоминается донья,
Как с небольшой командой слуг,
Блуждая в северной пустыне,
Въезжал в Монголию Рубрук.*

Фламандский монах-францисканец по заданию Людовика IX совершающий путешествие к монголам, еще не знает, что предстоит ему написать книгу, по значению сопоставимую с трудами Марко Поло.

Много невиданного сулит Рубруку его путь, много словесной роскоши развернется в поэме...

О, начало путешествия будет слишком неблагоприятным. Пламенеющий путь Чингиса точно ударит

в лицо мужественного Рубрука, обнажая суть Востока: захват... Захват всего, прав сильнейший...

Впрочем, тут уже не Восток, тут какая-то космическая ошибка, ведь прав должен быть тот, кто более прав!

*Навстречу гостю, в зной и в холод,
Громадой движущихся тел
Многоколесный ехал город
И всеми втулками скрипел.*

Покатится живой город, замелькают кибитки, оживет такое далекое время, что и не представить его толком – если только тени его. Много вольется в грандиозное словесное построение Заболоцкого: и неистовые пасущие кобылиц монголки, и трудности перевода... остается ощущение, что поэт был рядом с путешественником, ибо он, поэт, современник всем векам.

Ирреальность реального искусства

Шикарная, смертельная, пышная, коварная, великолепная игра обзриутов! Язык, во многом определяющий человека, терпит любые эксперименты на бумаге, требуя порой в расплату живые судьбы. Объединение реального искусства предпочитало ирреальность: иначе не отразить происходящие зримо и исподволь процессы в обществе. Грядущее безвестно: оно, накапливаясь, может обрушиться погребавшей под собой лавиной, но пока...

Пока щедрость «Столбцов» Заболоцкого плетется из таких созвучий, что дух захватывает. Мир должен быть обновлен, слово должно быть обновлено, метафора должна засиять: все будет не так, как раньше. И в «Столбцах» все это ликует и играет в избытке.

Хармс, во многом опережая Франца Кафку, ничего не знавшего о русском эксперименте,

кропотливо и терпеливо выращивал зерна абсурда, и всходы покачивались, отливая разными тонами.

И фантазировал Введенский, закручивая алогичные образы, сочетая мысль и метафизику.

Коли электрон ведет себя, как частица и волна, почему бы языковым электронам не брать с него пример? Кванты языка, электроны речи, раблезианский карнавал оной... Следует культивировать абсурд, алогизм, гротеск – и действительность, подражая, увлекается игрой, превращая судьбы поэтов в гротеск, в кошмар, в абсурд...

...Николай Заболоцкий выжил ради великолепной ясности поздних своих стихов и грандиозной пирамиды переводов.

Космизм поэта

Нечто от бесконечного поиска Циолковского, от его прорывов в бездны фиалкового, снежно-белого, прошитого золотом, абсолютно счастливого космоса сквозит в поэзии Заболоцкого, четко разделенной на раннюю и позднюю.

Поздние стихи Заболоцкого перекликаются с полетом ракеты в такие пределы, какие еще не изучены мыслью, не охвачены чувством. Но и ранние выются космическим экспериментом языка. И вновь мерцает тень Циолковского, но и – Платонова, ибо кто, как не он, погружался в языковую запредельность речи?

Излом, изгиб, нарушение размера, неистовство метафор – ранний Заболоцкий. Поздний – мерцание многозвездного шатра. И тот и другой стянуты в единство грандиозной личностью поэта.

Как внешний слом привычной жизни вторгался в стихи раннего Заболоцкого абсурдом, взрывами чего-то основного, так поздний Заболоцкий, имевший право рекомендовать деревьям читать стихи Гесиода, прорастал в глубину, в космос бытия.

Внешнее и внутреннее всегда соизмеримы, хотя часто находятся в противоречии, порою смертельном.

Удары «Столбцов» точно пробились в атмосферу традиционности, предлагая специфическое видение мира – шатающееся, словно пьяное от своего безумия или от роскоши своего будущего.

... Но будущее самого поэта оказалось кошмаром: репрессии, коснувшиеся его железным дыханием, могли и вовсе уничтожить носителя огромного дара.

Или тот, чья воля выражается в непонятном напластовании опыта, часто ужасного, устроил все именно так для очистки грядущих стихов поэта от лишнего, внешнего, избыточного? Чтобы зазвучали они космической силой «Лица коня», «Лесного озера», «Осени»? Как знать...

Из ранних ран росли и поздние стихи Заболоцкого, иначе выстраивающие отношения с миром и толкующие его.

Тонкая гармония светового братства не зависит от сияния стихов; но без ощущения глобальной всеобщности бытия не будет поэзии, тем более такой значительной, как поэзия Заболоцкого.

*Во многом знании – немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец,
но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?
Природа хочет жить, и потому она
Миллионы зерен
скармливает птицам,
Но из миллиона птиц к светилам
и зарницам
Едва ли вырывается одна.
Вселенная шумит и просит красоты,
Кричат моря, обрызганные пеной,
Но на холмах земли,
на кладбищах вселенной
Лишь избранные светятся цветы.
Я разве только я? Я – только
краткий миг
Чужих существований. Боже правый,*

*Зачем ты создал
мир, и милый,
и кровавый,
И дал мне ум, чтоб
я его постиг!*

Много в раннем Заболоцком того сгущения, которое предлагает новый быт и смена веков, но и проглядывающее сквозь все это мещанистое, пусто-наглое подвергается осмеянию...

Заболоцкий тяжелый поэт: строки его необыкновенно весомы. Заболоцкий поэт неба – все его травы и колбочки трав так влиты в сияющую синеву вертикаль, что странно, как люди не взлетают, держась за ниточки стихов Заболоцкого.

*Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица – подбоя ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.*

Ах, как редко встречаются такие лица! Обрести бы самому...

Вертикали стихов Заболоцкого столь стремительны, что, читая, сам не заметишь, как окажешься в дальнем отсеке духовных небес...

Ранний Заболоцкий, диагностировавший слом общества через сломанный же, с новой выразительностью данный язык, далек, очевидно от философии космизма, подразумевающей пронизанность мира духовными лучами.

Но уже крестьяне в «Торжестве земледелия», обсуждающие

«... где душа? Или только порошок остается после смерти?», связаны с этим феноменом отчетливо, крепко, простыми нитями и простыми душами...

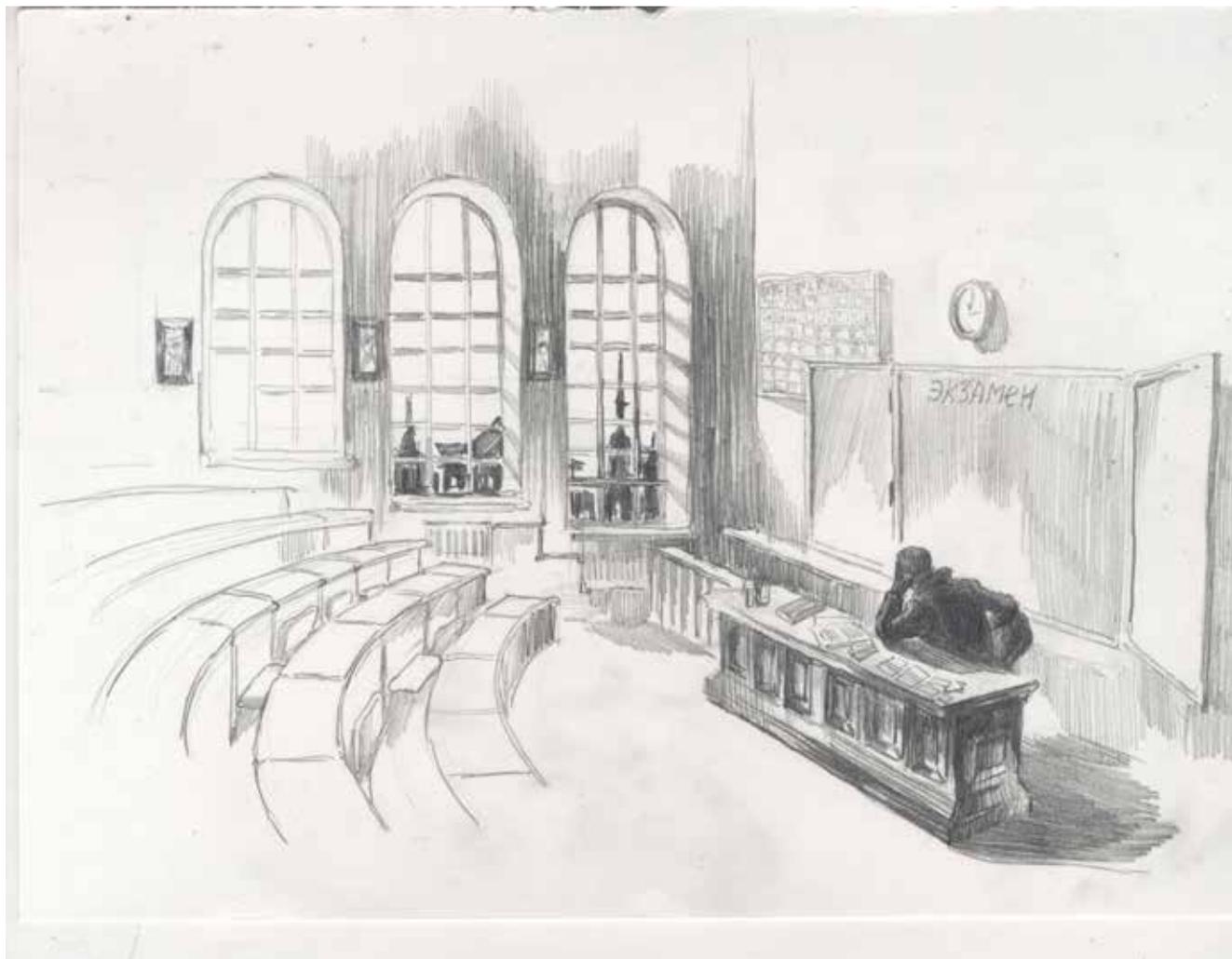
Своеобразный космизм Заболоцкого раскрывается в поздний период его творчества, когда, глядя в «Лицо коня», можно установить, что чувствовал поэт, переживший столько чудовищного, как влит он был душой в таинственные небесные дуги, заставляющие отдельные русские души взлетать все выше.

Призыв к деревьям – читать стихи Гесиода – из той же сферы: ибо космизм русский подразумевает основой единое ядро Вселенной и тем более – единое человечество.

И у позднего Заболоцкого это выражено, как нельзя лучше...

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Мальшева из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

Приват-доцент Олег Петрович Приходько скучал на очередном университетском экзамене. С грустью он смотрел в окно на серое небо Петербурга и понимал, что в ближайшие три часа он вынужден будет выслушивать сбивчивые ответы молодых дарований и якобы не замечать, как они пользуются шпаргалками. Вся эта процедура повторялась для Приходько многократно и давно уже перестала его интересовать.

Но изменить что-либо не представлялось возможным, потому как других средств к существованию у него просто не было. Тем более сейчас деньги были ему особо необходимы по причине предстоящей женитьбы на приятной молодой курсистке.

Свадьба была намечена аккурат через неделю после наступления нового, 1914 года, и все к ней было практически готово. Это событие занимало приват-доцента

намного больше, чем текущий экзамен. Чтобы хоть как-то скоротать это занудное время, Приходько обычно развлекал себя тем, что по внешнему виду студента старался определить, как тот будет отвечать, бойко или заикаясь, и какую отметку в конце концов он заслужит. И еще была у Олега Петровича одна забава – угадывать, какой номер билета вытянет очередной испытуемый. Надо сказать, изредка это ему удавалось, отчего

приват-доцент получал истинное удовольствие и вне зависимости от качества ответа ставил счастливчику высший балл.

Вот с таким настроением, пересилив себя и собравшись, Приходько приступил к экзамену. К вечеру, когда уже начало смеркаться, в списке наконец-то остался один студент по фамилии Лебедев, который и был приглашен в аудиторию. Он вошел робко, какой-то скользкой крадущейся походкой, выставив правое плечо вперед. Неказистый вид студента несколько взбудрило и даже развеселило Олега Петровича, и он игриво предложил:

– Нуте-с, молодой человек, выбирайте, надеюсь, вам повезет.

Лебедев не раздумывая взял ближайший билет и, мельком взглянув в него, присел к столу.

– Голубчик, идите сначала вон за ту парту, подготовьтесь, соберитесь с мыслями, а уж потом пожалуйте ко мне, – назидательным тоном произнес Приходько.

– А я готов, – последовал ответ.

– Не слишком ли вы самонадеянны, может, все-таки соберетесь с мыслями? – раздраженно предложил приват-доцент.

– Да нет, разрешите отвечать, господин профессор, я спешу – вечером дел, знаете ли, много, – настаивал на своем Лебедев.

– Однако, – растерялся Приходько и, помолчав немного, сказал: – Ну, во-первых, я – приват-доцент, а во-вторых, коль вы так настаиваете, извольте начинать, но потом не говорите, что я вас не предупредил.

– Ну, во-первых, вы наверняка станете профессором, а во-вторых, отвечаю на первый вопрос о значении добычи нефти в промышленности Российской империи, – в тон Олегу Петровичу произнес Лебедев и стал излагать материал.

В течение следующих пятнадцати минут, пока приват-доцент приходил в себя от неожиданного отпора

студента, тот четко, логично и уверенно ответил на все вопросы билета. Придраться было абсолютно не к чему. Также легко и непринужденно Лебедев преодолел самые заковыристые ловушки, расставленные Приходько в дополнительных вопросах. Блестящий интеллект студента бесспорно вызывал уважение и никак не вязался с его внешностью. Олег Петрович был поражен и заинтригован. Он молча взял зачетную книжку, медленно вывел в ней «отлично» и все-таки, не выдержав, сказал:

– У вас талант, господин Лебедев, кстати, как вас по батюшке?

– Борис Дмитриевич, – последовал ответ.

– Так вот, уважаемый Борис Дмитриевич, мой вам совет – займитесь чем-нибудь серьезным, и, если захотите, сможете многого добиться. Не разменивайтесь на мелочи, поверьте моему опыту – время летит быстро. Начните прямо сегодня. Вот вы говорили, что вечером у вас много дел, а дел-то, поди, всего встреча с мамзель какой-нибудь или попойка с друзьями?

– Спасибо, господин профессор, учту ваши советы, – ответил Лебедев и продолжил: – Только я не на свидание, мне в библиотеку успеть надо, материалы кое-какие для диплома почитать.

– Ах, вот оно как, вы уже и над дипломом работаете? – удивился Приходько. – А позвольте узнать о предмете ваших изысканий, что за тему вы подобрали?

– Видите ли, меня заинтересовала проблема получения пресной воды из сырой нефти, – скромно ответил студент.

– Получения чего?! – чуть не поперхнулся Приходько.

– Воды из нефти, – повторил Лебедев.

– А вы, батенька, часом ничего не перепутали? Зачем же дорогущую нефть в простую воду переделывать?

Воды-то кругом – куда ни ткни на карте, везде реки да озера, моря и океаны. Вот уж не ожидал от вас такой глупости! Да с такой темой вы не то что не защититесь, а вылетите с треском из университета! И как только мысли такие вам в голову, вроде бы светлую, приходят? – выдохнула Приходько.

– Спасибо, господин профессор, учту ваш совет, а только все не совсем так. Начнем с того, что все живое на Земле состоит наполовину и даже больше из воды, вот человек, например, на шестьдесят процентов, – с жаром заговорил Лебедев и продолжил: – Это сейчас, в начале века, много воды и мало нефти, а лет этак через сто все может измениться. Вот ведь и Сахара, как показывают исследования, когда-то была плодородной долиной, а потом пески все засыпали, и цветущая земля омертвела. Кто знает, как все повернется, вдруг вся планета в Сахару превратится? И тогда ни нефть, ни золото с алмазами не нужны будут. У кого вода, тот и выживет. Одно ясно: если не будет воды, жизнь на Земле закончится. В этой ситуации воду будут добывать из любых источников. Без нефти люди жили тысячи лет и могут прожить еще столько же, в конце концов, есть уголь, лес и прочие горючие материалы. Вот почему я и решил изучить вопрос добычи воды из нефти, которая в сыром виде в слоях залегания содержит определенное количество пресной влаги, полпроцента кислорода, а уж водорода предостаточно. Так вот, господин профессор, если мы научились расщеплять молекулу воды на водород и кислород, то почему бы не попробовать сделать обратное – взять из нефти водорода, из воздуха кислород, объединить их и превратить в «аш два о», то есть в воду. А вот тогда, даже если пересохнут реки, для малого количества людей можно будет получить спасительную жидкость.

Студент вошел в раж, глаза его блестели, он своей речью как бы гипнотизировал Олега Петровича, у которого от напряжения на лбу выступил пот. Наконец Лебедев закончил, и наступила тишина. После некоторой паузы Приходько сказал:

– Вы, господин студент, часом не приболели? Как вам в голову такое могло прийти? Бросьте все это, а то, не ровен час, в психушку угодите. Идите уж лучше на свидание, и всего доброго.

Прощавшись, Лебедев ушел, а Олег Петрович еще просидел полчаса, приходя в себя, и поехал в ресторанцию на встречу с коллегами. Там за рюмкой коньяку он со смехом поведал друзьям историю о студенте, вызвав всеобщее веселье. А через полгода началась мировая война, потом

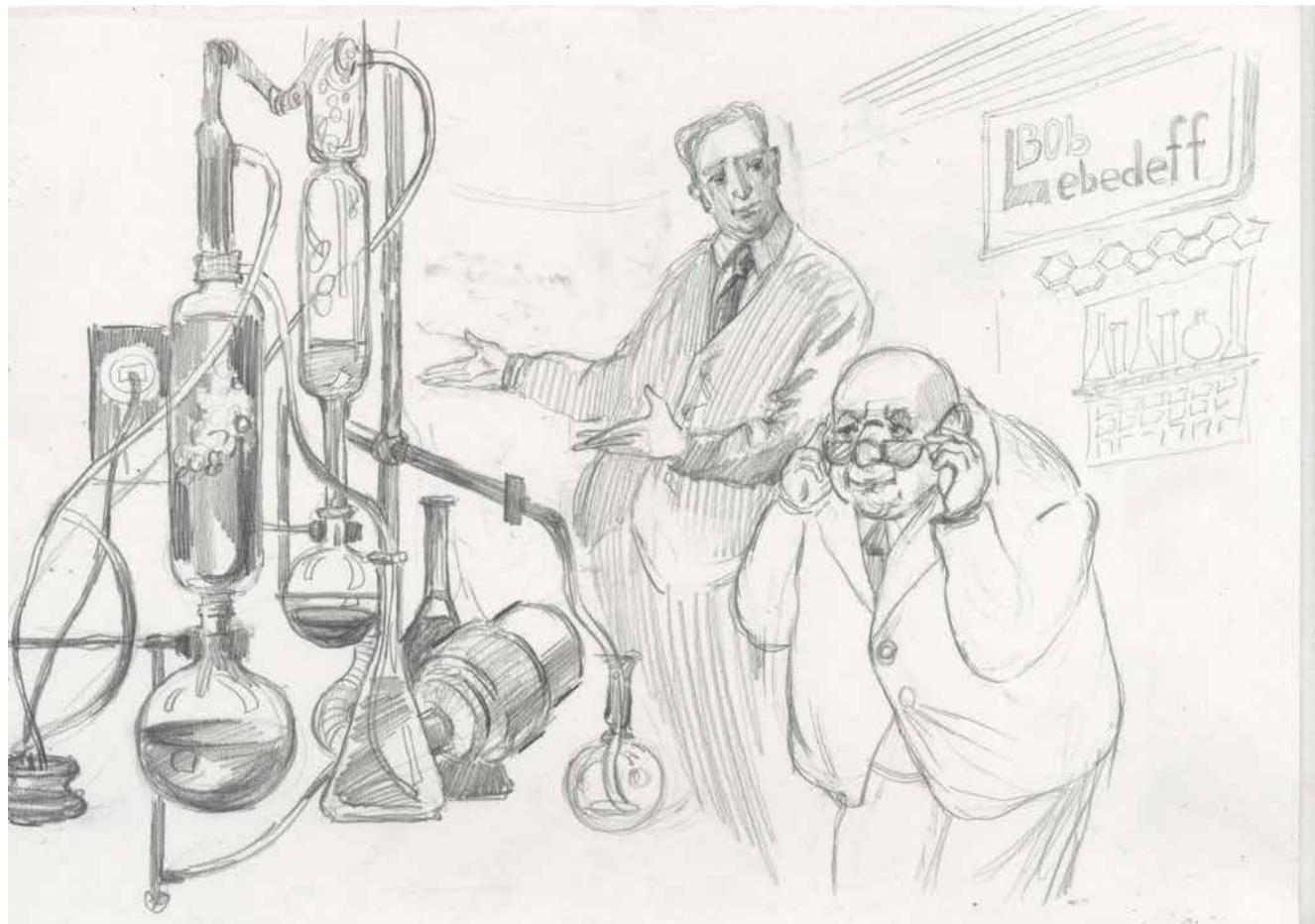
случилась революция, и пришла советская власть. При ней Приходько не только стал профессором, но даже выбился в академики. Про студента Лебедева он изредка с ухмылкой вспоминал, но больше никогда о нем ничего не слышал.

Однажды в период потепления отношений с Америкой в конце шестидесятых годов его включили в научную делегацию для поездки в Нью-Йорк на конференцию. По тем временам это была неслыханная щедрость начальства. Встречи с зарубежными коллегами были насыщены докладами, круглыми столами, а по вечерам заканчивались неформальным общением в каком-нибудь баре или небольшом ресторанчике.

Особенно Приходько сблизился с профессором Джоном

Картером – таким же, как и он, представителем фундаментальной науки. В один из вечеров, после употребления немало количества напитков, Джон так расчувствовался, что пригласил Олега Петровича посетить институт, где он занимался научными изысканиями, намекнув, что не все могут туда попасть. Договорились встретиться в субботу, когда вся делегация ринется по магазинам и экскурсиям.

Институт находился на окраине города и состоял из нескольких невзрачных сереньких зданий, больше похожих на складские помещения. Однако внутри все выглядело по-другому: стильные интерьеры, а главное – прекрасные лаборатории с современным оборудованием. Все это привело Олега Петровича в неописуемый восторг. Под

конец Картер завел его в свой кабинет и угостил шикарным виски. Пошла неторопливая беседа про жизнь, семью, ну и конечно же, про науку.

– Послушай, Джон, – немного захмелев и расслабившись, спросил Приходько, – вот ты всю жизнь нефтяными проблемами занимаешься, а можешь мне объяснить, почему ваша страна все последние десятилетия часть своих запасов законсервировала и покупает нефть у других стран?

– Видишь ли, дорогой Олег, во-первых, ближневосточная нефть значительно дешевле нашей, а во-вторых, руководство страны считает разведанные залежи стратегическим резервом и приберегает их на будущее. Мало ли что произойдет в мире, – ответил Картер.

– Да что может случиться-то? – удивился Приходько. – Этой нефти еще из нашего шарика качать и качать, лет на сто, не меньше, запасов хватит, а там атомная энергия свое возьмет.

– Ну мало ли какие сюрпризы природа нам подкинет, – задумчиво произнес Джон и свернул тему. – Давай-ка еще по одной и поедем, а то засиделись мы с тобой.

Пропустив по стаканчику, они вышли на улицу и, ожидая машину, закурили. Напоследок Олег Петрович еще раз окинул взглядом главное здание института и невольно обратил внимание на подсвеченную у входа табличку: «Bob Lebedeff Institute». Он подошел ближе и прочитал иностранную надпись: «Здесь с 1924 по 1964 год работал выдающийся ученый, основатель теории ресурсосбережения

профессор Боб Лебедефф». Что-то знакомое и давно забытое всколыхнулось в памяти Олега Петровича. «Боб Лебедев, Боб Лебедев...» – пронеслось у него в голове. «Да нет, не может быть!» – подумал он и, попрощавшись, уехал в гостиницу.

Наутро делегация улетала в Ленинград. И когда самолет лег на курс, Приходько, уютно устроившись в кресле, вдруг вспомнил вчерашний вечер, коллегу Картера и табличку со странной полурусской-полуамериканской фамилией. «Да нет, не может быть», – ухмыльнулся он и задремал.

По официальным данным, в 2020 году на планете от недостатка пресной воды страдает сорок процентов населения.

ЛЕГЕНДАРНАЯ КИНОСТУДИЯ

Советская киностудия «Ленфильм» подарила зрителям множество замечательных фильмов

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Появлению знаменитой киностудии предшествовало важное событие – 16 мая 1896 года в петербургском саду «Аквариум» состоялся первый в России киносеанс. В антракте оперетты зрителям продемонстрировали десятиминутную подборку документальных фильмов братьев Люмьер. «Ожившие картинки» стали сенсацией, а Петербург – местом рождения отечественного кино...

Первое в России «синемаграфическое ателье» в 1907 году открыли братья Дранковы, а через год появилась кинофабрика «Омниум-кино» инженера Владислава Карпинского. Оба предприятия просуществовали до революции, но ателье Дранковых растворилось в национализации, оставив след в виде первого отечественного фильма «Понизовая вольница», а вот «Омниум-кино» начала долгое и трудное превращение в «Ленфильм». Первое время киностудия переименовывалась чуть ли не каждый год: «Севзапкино», «Кино-Север», «Госкино», «Ленинградкино», «Совкино», «Союзкино», «Росфильм», «Союзфильм» и только в 1934 году обрела окончательное название.

В 1914 году «Омниум-кино» стала киноотделом военного Скобелевского комитета, а после революции перешла к Петроградскому кинокомитету северных коммун вместе еще с несколькими студиями, съемочными павильонами знаменитого режиссера Бориса Глаголина и 68-ю городскими

ЛЕНФИЛЬМ
К И Н О С Т У Д И Я

кинотеатрами. Задачей кинокормитета была «пропаганда принципов и идей советской власти», и первым же фильмом стала агитка «Уплотнение» про подселение рабочих в профессорскую квартиру.

В ходе национализации небольшая киностудия стала продвинутым кинопроизводством со своей прокатной сетью. Первое время на ней снимали агитационные и революционные фильмы, а также экранизировали спектакли-пантомимы. Самыми успешными работами того периода стали комедия «Чудотворец» и драма «Дворец и крепость», которые даже попали в международный прокат.

Почти с самого начала на киностудии заработали Фабрика эксцентричного актера, руководимая режиссерами Григорием Козинцевым

и Леонидом Траубергом, а также экспериментальная мастерская Фридриха Эрмлера. Через школу молодежных мастерских прошли многие знаменитые в будущем актеры и режиссеры – Сергей Герасимов, Янина Жеймо, Алексей Каплер, Сергей Мартинсон и другие. В 1925 году для повышения качества сценариев организовали литературную коллегию, и в коридорах студии можно было встретить Вениамина Каверина, Михаила Зощенко, Виктора Ардова, Евгения Замятина, Ольгу Форш, Самуила Маршака и других популярных писателей. Вместе с Фабрикой эксцентричного актера они вывели киностудию на новый уровень – даже агитки стали высокохудожественными!

Драма «Чертовое колесо», полуфантастическая комедия «Похождения Октябрины», экспериментальная трагикомедия «Шинель» по мотивам гоголевских повестей, полускандалная новаторская драма «Новый Вавилон», мелодрама «Третья Мещанская» в корне отличались от того, что снимали в то время, тем более по разряду. Уже тогда было понятно, что у ленинградской киностудии сформировалась своя манера работы, которая отличалась от московской. Здесь больше внимания уделялось психологическому состоянию героев, живописной манере подачи материала, но главное отличие было в чем-то неуловимом, чему киноведы безуспешно будут искать определение... Негласное противостояние московского

и ленинградского кино растянется на долгие годы.

Студия на удивление безболезненно перешла на звуковое кино, почти не растеряв актерский состав и усовершенствовав техническую базу. В 1934 году на экраны вышел фильм «Чапаев» братьев Васильевых, с которым киностудия сразу вошла в историю – в титрах впервые появилось название «Ленфильм». История комдива стала блокбастером 30-х годов! Зрители штурмовали кинотеатры и разбирали фильм на цитаты. На I Московском кинофестивале «Чапаев» получил главный приз, его закупили для американского и испанского кинопроката, а исполнитель главной роли Борис Бабочкин стал суперзвездой. Впрочем, признание получили все занятые в фильме актеры, включая Георгия Жженова, сыгравшего свою первую заметную роль.

В 30-х годах вообще пошла череда успешных фильмов «Юность Максима», «Человек с ружьем», «Депутат Балтики», «Семеро смелых»... На киностудии того периода работали Сергей Герасимов, Борис Чирков, Петр Алейников, Тамара Макарова, Николай Черкасов, Борис Ливанов, Татьяна Окуневская, Алексей Грибов, а также ученики легендарного театрального режиссера Всеволода Мейерхольда, которые потеряли работу после закрытия его театра.

Во время Великой Отечественной войны киностудию эвакуировали в Казахстан. Переехали не все – часть ленфильмовцев ушла на фронт, а часть осталась в Ленинграде и работала над кинохроникой. Работы фронтовых операторов вошли в документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой», который получил первый советский «Оскар».

На базе Алма-Атинской киностудии была организована ЦОКС – Центральная объединенная

киностудия, куда вошли «Ленфильм» и «Мосфильм». Совместно они выпустили почти 80% всех фильмов, которые снимались во время войны. В Алма-Ате были сняты «Воздушный извозчик», «Небесный тихоход», «Жди меня», «Беспокойное хозяйство» – всего 23 полнометражные картины, 10 короткометражек и множество боевых киносборников. Эта эвакуация превратила казахскую киностудию в передовую – уезжая, ленфильмовцы и мосфильмовцы оставили отстроенные павильоны, часть техники и прекрасно подготовленные кадры. Сюда был эвакуирован ВГИК, и набравший курс Сергей Герасимов учил не только приехавших издалека Нонну Мордюкову, Клару Лучко и Инну Макарову, но и местных студентов.

Возвращение в Ленинград киностудия отметила одним из самых известных послевоенных фильмов – сказкой «Золушка». Общая атмосфера не располагала к мыслям о дворцах, балах и принцах, но именно тогда были нужны жизнеутверждающие сюжеты

и красивые кадры... Сценарий был дан худсовету в конце мая 1945 года, а премьера состоялась через два года.

«Золушка» вышла в «эпоху малокартинья», которая чуть было не стала роковой для киностудии. На фоне разрухи, отсутствия средств и больших потерь – а за годы войны погибло 359 ленфильмовцев! – киностудию практически лишили возможности работать. По постановлению Сталина в год могло выйти не более 10 идеологически правильных и высокохудожественных фильмов. Режиссеры затаились и тихо снимали документальные ленты и биографические фильмы о великих соотечественниках, которые считались необходимыми для патриотического воспитания и шли «вне очереди». Даже первым цветным фильмом «Ленфильма» стала не особо популярная у зрителей драма «Мусоргский»...

После смерти Сталина количество фильмов резко возросло, и «Ленфильм» смог вернуться к любимому «ленинградскому кино» с разбором слабостей,

конфликтов и внутреннего мира героев: «Дело Румянцева», «Солдаты», «Дорогой мой человек», «Два капитана», «Дон Кихот», «Чужая родня»... Не оставался «Ленфильм» без милых комедий («Укротительница тигров», «Улица полна неожиданностей», «Максим Перепелица») и мелодрам, таких как «Она вас любит», «Неоконченная повесть» и получившая признание Каннского кинофестиваля «Дама с собачкой». Все

эти фильмы были сняты примерно за пять лет, и это были ударные темпы! На киностудии появлялись новые лица – Алексей Баталов, Иннокентий Смоктуновский, Олег Басилашвили, Олег Стриженов, приходили новые режиссеры, которые запросто находили общий язык с корифеями – Козинцевым, Хейфицем, Кошеверовой и другими. Начался «золотой век» киностудии, который длился почти 30 лет.

Еще в середине 50-х возникла идея придумать эмблему «Ленфильма». Заставку с Медным всадником в лучах софитов придумала художница «Ленфильма» Марина Бологовская. В начале 90-х заставку пересняли – ее основой стала копия Медного всадника, которая стояла в кабинете у тогдашнего директора «Ленфильма» – режиссера Виктора Сергеева. В 2015-м логотип решили еще раз обновить, и теперь ленфильмовский «Медный всадник» просто 3D-модель.

В 60-е годы на киностудию пришли режиссеры Илья Авербах, Семен Аранович, Виталий Мельников, Алексей Герман, Динара Асанова – потом их называли «предпоследним призывом “золотого века”». Снимались фильмы всех жанров – от сказок до производственных драм: «Человек-амфибия», «Республика ШКИД», «Полосатый рейс», «Три толстяка», «Иду на грозу», «Два билета на дневной сеанс», «Рабочий поселок»... В 1967 году «Ленфильм» выпустил самый кассовый фильм за всю свою историю – «Свадьбу в Малиновке» посмотрели 75 миллионов зрителей! В 1968 году вышел еще один рекордсмен киностудии – музыкальный фильм «Интервенция» дольше других пролежал на полке, зрители его увидели только через двадцать лет! Следующие попавшие под запрет «Проверка на дорогах» и «Отпуск в сентябре» вышли через 15 и 8 лет соответственно.

На «Ленфильме» в 1976 году удалось снять сенсационный по тем временам проект – советско-американскую «Синюю птицу». Режиссером был Джордж Кьюкор, снимались Элизабет Тейлор, Джейн Фонда, Ава Гарднер, Георгий Визин, Маргарита Терехова, Сергей Филиппов, Леонид Неведомский. Работа шла тяжело, результат не произвел никакого впечатления ни на зрителей,

Василий Ливанов в роли Шерлока Холмса

ни на критиков, но это была отличная возможность обменяться опытом и развенчать мифы, которая создавала пропаганда обеих стран.

70-е годы были временем мелодрам и музыкальных комедий: «Старший сын», «Собака на сене», «Труффальдино из Бергамо», «Сладкая женщина», «Соломенная шляпка», «Трое в лодке, не считая собаки», «Звезда пленительного счастья» – золотой фонд киностудии пополнился десятками работ. Ленфильмовские режиссеры любили экспериментировать с московскими актерами и предлагать им неожиданное амплуа – комедийно-музыкальная Людмила Гурченко снималась в драме «Балтийское небо», благородный Олег Янковский сыграл аморального типа в «Чужих письмах» и заблуду во «Влюблен по собственному желанию», комик Юрий Никулин снялся в мелодраме «Двадцать дней без войны», но самыми неожиданными были появления Андрея Миронова в мрачном детективе «Мой

друг Иван Лапшин» и Борислава Брондукова в роли британского полицейского Лестрейда... Как раз с премьеры первой серии «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона» в марте 1980 года началось финальное десятилетие «золотого века» киностудии.

«Последним призывом» «Ленфильма» называли режиссеров и сценаристов, которые пришли в 80-х – Александр Сокуров, Александр Рогожкин, Сергей Овчаров, Юрий Мамин и режиссер Свердловской киностудии Алексей Балабанов. Их расцвет наступит в следующем десятилетии, а пока на киностудии продолжались традиции 80-х – выходили «Собачье сердце», «Остров сокровищ», «Зимняя вишня», «Моозунд», «Выйти замуж за капитана», «Пиковая дама» и продолжение «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона».

В 90-х количество фильмов с каждым годом сокращалось – государственное финансирование

кончилось, режиссеры уходили на коммерческие киностудии, а актеры соглашались на работу в сериалах.

В начале 2000-х встал вопрос о продаже киностудии – несколько зданий переделали в супермаркеты и торговые центры. При этом студия продолжала функционировать, правда, из заметных работ была разве что пара исторических фестивальных драм Сокурова.

Творческий коллектив и руководство «Ленфильма» спасли студию от ликвидации, но с возрождением не заладилось – все предложения инвесторов принимались в штыки. Киностудия потеряла права на часть своей «Золотой коллекции»...

О судьбе «Ленфильма» думают до сих пор, а на студии идет своя жизнь – снимаются фильмы и сериалы, сдаются в аренду техника и помещения, работают кинозал и кинокафе... Возглавляет киностудию в данный момент режиссер Федор Бондарчук.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ В ПРЕДДВЕРИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 320-ЛЕТИЯ

ЮБИЛЕЙ

2 мая свой 70-летний юбилей отметил видный представитель петербургской дирижерской школы, художественный руководитель и генеральный директор Мариинского театра с 1988 года Валерий Гергиев.

Музыкальная и общественная деятельность Валерия Гергиева отмечена тремя Государственными премиями Российской Федерации (1993, 1998, 2015), званиями народного артиста России (1996) и Героя Труда (2013), орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени (2003, 2008), орденом Александра Невского (2016), премией Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства (2017), высокими государственными наградами Армении, Болгарии, Германии, Италии, Нидерландов, Польши, Франции, Японии.

Коллектив журнала «Русская мысль» сердечно поздравляет Валерия Абисаловича с юбилеем и желает ему новых творческих свершений, вдохновения и неиссякаемой энергии.

ДЕНЬ ГОРОДА

Ежегодно 27 мая в Санкт-Петербурге отмечается День города. Дата эта выбрана неслучайно: 16 (27) мая 1703 года состоялась закладка Петропавловской крепости, и именно этот день стал считаться официальной датой основания Санкт-Петербурга.

В этом году город на Неве празднует свое 230-летие. В конце апреля петербуржцы уже могли наблюдать, как Петербург готовится к юбилею. Северную столицу украшают праздничными плакатами, государственными флагами

России и Санкт-Петербурга, на электронных экранах транслируют видео, посвященное Дню города.

Ожидается, что по всему городу разместят более двух тысяч элементов праздничного оформления. Обязательно будут украшены главные магистрали Санкт-Петербурга: Невский, Адмиралтейский, Московский, Каменноостровский и Суворовский проспекты, а также Большой проспект Васильевского острова и Пулковское шоссе.

Жителей города на Неве и многочисленных туристов ждет яркий и незабываемый праздник.

ВЫСТАВКА «САНКТ- ПЕТЕРБУРГ – СТОЛИЦА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

В марте текущего года в Выставочном зале федеральных архивов в Санкт-Петербурге открылась историко-документальная выставка «Санкт-Петербург – столица Российской империи: к 320-летию со дня основания города».

Выставочная экспозиция включает уникальные подлинные документы, чертежи и рисунки, связанные с деятельностью архитекторов Доменико Трезини, Жана-Батиста Леблона, Петра Еропкина, Михаила Земцова, Бартоломео Франческо Растрелли, Джакомо Кваренги, Огюста Монферрана, Василия Стасова, Константина Тона, Андрея Штакеншнейдера и др.

Один из значимых экспонатов выставки – подлинный план фасада Летнего дворца в Петергофе 1747 года с резолюцией императрицы Елизаветы Петровны и автографом архитектора Бартоломео Франческо Растрелли.

Выставка будет открыта до 22 июня 2023 года.

Карта Санкт-Петербурга 1753 года

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО XVI–XXI ВЕКОВ

В настоящее время в Санкт-Петербурге, в Синей спальне Зимнего дворца, проходит уникальная выставка «Вещь с секретом. Ювелирное искусство XVI–XXI веков», которая будет работать до 11 сентября 2023 года.

В составе экспозиции – 120 предметов XVI–XXI веков: кольца, табакерки, часы, кубки, медальоны, портбукеты, чернильницы, трости, музыкальные шкатулки, созданные западноевропейскими и российскими ювелирами. Они вызывают восхищение хитроумной выдумкой и мастерством исполнения.

Одним из модных аксессуаров XVIII столетия были трости, и ювелиры нередко наделяли их секретами: встраивали в трость шпагу, помещали в рукоять подзорную трубу или часы. На выставке представлена «Трость из черепахового панциря с рукоятью в виде головы орла и шарообразным наконечником» (Франция, конец XVIII века), в котором находятся часы и музыкальный механизм. Считается, что эта трость принадлежала Екатерине Великой.

Среди экспонатов выставки – уникальные «Серебряные часы с секретом», созданные для императрицы мастером-самоучкой Иваном Кулибиным. Корпус часов имеет форму гусиного яйца, внутри которого установлено три миниатюрных механизма: механизм часового боя, музыкальный аппарат, воспроизводящий несколько мелодий, и устройство, приводящее в действие золотые фигурки в крохотном встроенном театре.

Пасхальные яйца знаменитой фирмы Карла Фаберже неизменно поражают высоким мастерством исполнения и фантазией. На выставке представлены знаменитые «Часы-яйцо Ротшильда» (Россия, Санкт-Петербург, 1902). Сюрприз, скрытый в этом роскошном произведении ювелирного искусства, – механический золотой петушок, украшенный алмазами и появляющийся каждый час.

На выставке можно увидеть и творение Тео Фаберже, внука Карла Фаберже. Это «Пасхальное яйцо “Эрмитаж”» (Великобритания, 2014), внутри которого встроена миниатюрная карета, имитирующая коронационную карету Екатерины Великой.

Не оставлены без внимания и произведения современных мастеров из коллекции Государственного Эрмитажа.

«Ротшильдовское» ювелирное пасхальное яйцо хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге